

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 16(5) • 2023

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Вайц Р. – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Doctor of Political Science, independent researcher (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzić S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гошина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 16,68 усл. п.л. Заказ № 1507.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 16(5) • 2023

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

История международных отношений и внешней политики

- 7 Ходнев А.С. – Lost in Broadcasting: Лига Наций, международное радиовещание и швейцарский нейтралитет
- 28 Юнгблюд В.Т., Сенников А.И. – Курдский фактор в политике США на пике кризисов в Иране и Афганистане, 1979 – январь 1981 гг.
- 58 Макаревич Г.Г. – «Исламский социализм» в Пакистане: эволюция, реализация и наследие во внутренней и внешней политике страны

Региональное измерение современной мировой политики

- 77 Алиев Р.А. – Водная безопасность в контексте устойчивого управления трансграничными водными ресурсами в Каспийском регионе

- 105 Воротникова Т.А. – «Тихоокеанские пумы» в индийских джунглях: место Латинской Америки в пространстве Индо-Пацифики
- 126 Лошкарёв И.Д., Копытцев И.С. – Мигрантские перечисления и диаспоральная политика в странах Африки

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

- 155 Бартенев В.И. – Влияние международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 189 Марьясис Д.А. – Влияние сионизма на хиндутву

Table of Contents • 16(5) • 2023

RESEARCH ARTICLES

History of International Relations and Foreign Policy

- 7 Khodnev A.S. – Lost in Broadcasting: League of Nations, International Broadcasting and Swiss Neutrality
- 28 Yungblud V.T., Sennikov A.I. – The Kurdish Movement's Factor in US Politics at the Peak of Iran and Afghanistan Crises, 1979 – January 1981
- 58 Makarevich G. G. – «Islamic Socialism» in Pakistan: Evolution, Implementation and Legacy in Domestic and Foreign Policy

Regional Dimension of Contemporary World Politics

- 77 Aliev R.A. – Water Security in the Context of Sustainable Management of Transboundary Water Resources in the Caspian Region

- 105 Vorotnikova T.A. – Pacific Pumas in Indian Jungle: Place of Latin America in the Indo-Pacific
- 126 Loshkariov I.D., Kopytsev I.S. – Migrant Remittances and Diaspora Policies in Africa

REVIEW ARTICLES

- 155 Bartenev V.I. – Foreign Aid's Effect on Political Risks for Foreign Direct Investment: A Literature Review

BOOK REVIEWS

- 189 Maryasis D.A. – Zionism Influencing Hindutva

Lost in Broadcasting:

Лига Наций, международное радиовещание и швейцарский нейтралитет

 А.С. Ходнев

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Статья посвящена истории трансграничного радиовещания Лиги Наций (ЛН) в 1930-х гг. и воздействию нейтралитета Швейцарии как принимающей страны на международную организацию. Документы из недавно оцифрованного и открытого архива ЛН в Женеве проливают свет на эту историю, в которой из небольшого конфликта интересов созрел серьёзный политический кризис и международно-правовой прецедент, показавший, какое влияние на международную организацию может оказать небольшая принимающая страна. Создатели ЛН надеялись, что Женева предоставит лучшие условия для успешной работы организации, включая современные технические средства связи со всем миром. Однако появлению у Лиги собственного радиовещания помешал швейцарский нейтралитет. В середине 1920-х гг. в ЛН поняли, что в экстренных случаях штаб-квартира в Женеве не имела ни хорошей связи, ни транспортного сообщения, ни своей радиостанции. 21 мая 1930 г. было подписано базовое Соглашение о создании совместного предприятия ЛН и радиостанции *Radio-Swiss*. Трансляции радиостанции ЛН *Radio-Nations* начались 2 февраля 1932 г., в день начала работы Конференции по сокращению и ограничению вооружений. В мае 1938 г., в связи с назреванием конфликтов в Европе, Швейцария решила перейти к полному нейтралитету в рамках Лиги. В Федеральном совете страны обсуждали возможность приостановки действия соглашения от 21 мая 1930 г. и поддержки *Radio-Nations*. Неожиданно 3 ноября 1938 г. руководство ЛН в Женеве направило в Федеральный совет Швейцарии письмо, высказав в нём пожелание пересмотреть конвенцию 21 мая 1930 г. Ситуация вокруг ЛН и *Radio-Nations* изменилась после начала Второй мировой войны. Правительство Швейцарии решило не заключать новое соглашение с ЛН и закрыть *Radio-Nations* со 2 февраля 1942 г. Швейцарское правительство, оберегая нейтралитет своей страны, внимательно наблюдало за событиями войны. На фоне успехов нацистской Германии на фронтах Берн принимал самые жёсткие меры в отношении ЛН, придерживаясь неуступчивой дипломатии. С 1943 г. отношение Берна к ЛН и разделу собственности *Radio-Nations* начало меняться, и удалось решить несколько финансовых вопросов. В 1947 г. ликвидационная комиссия ЛН передала остатки *Radio-Nations* и её радиоволны ООН.

УДК 341.121:327(494)“1930/1947”
Поступила в редакцию: 25.08.2023
Принята к публикации: 23.10.2023

Ключевые слова: международная организация, Лига Наций, *Radio-Nations*, международное радиовещание, Швейцария, нейтралитет, международное интеллектуальное сотрудничество, Вторая мировая война

В 1919 г. по Версальскому договору была создана Лига Наций (ЛН). Новая международная организация должна была служить прочным гарантом мира, установленного после Первой мировой войны. В годы подъёма в ЛН входило более 60 стран. Эффективность деятельности Лиги во многом зависела от роли великих держав. С. Педерсен в обзорной статье по истории и историографии ЛН подчёркивала, что при всех своих недостатках Лига была «экспериментальной площадкой, местом, где обучались создавать союзы и хрупкую сеть норм и соглашений, которыми регулируется международное управление» (Pedersen 2007: 1116). Однако «великие державы, не желая брать на себя слишком серьёзные обязательства, с радостью бросили перед дверью Лиги некоторые проблемы» (Pedersen 2007: 1108). Вывод о нежелании великих держав брать на себя обязательства и предпринимать конкретные действия в целом верный. Однако это наблюдение относится не только к крупным странам, но и к Швейцарии – стране, взявшей на себя перед международным сообществом обязательства создать в Женеве нормальные условия для работы Лиги.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы исследовать международный случай, когда страна, разместившая на своей территории интернациональную организацию, не сумела создать ей полноценные условия для широкого информирования о своей деятельности с помощью современных медиа. В межвоенный период вокруг ЛН в Швейцарии складывалась непростая обстановка, часто влиявшая на выполнение целей международной организации и развитие международных отношений в целом. Швейцария заботилась о сохранении своего нейтралитета, установленного по Гаагской конвенции 1907 г., и в 1930-х гг., по мере нарастания противоречий в Версальском мировом порядке, стала оказывать на ЛН давление в вопросе о независимом радиовещании. Документы из недавно оцифрованного и открытого архива ЛН в Женеве проливают свет на эту историю, в которой из небольшого конфликта интересов созрел серьёзный политический кризис и международно-правовой прецедент показавший, какое влияние может оказывать небольшая принимающая страна на международную организацию.

Архив Лиги хранится во Дворце Наций ООН в Библиотеке Женевского отделения ООН. Вся коллекция включает пятнадцать погонных километров архивов и записей. На сайте учреждения указано, что одним из его недавних важных проектов стал «Полный цифровой доступ к архивам Лиги Наций» (2017–2022),

обеспечивший бесплатный онлайн-доступ к документам¹. В данной статье использованы файлы этой коллекции: документы Секретариата ЛН, решения Ассамблей и Совета ЛН, переписка со швейцарскими властями, оригиналы дипломатических договоров, зарегистрированных в ЛН, отчёты главы Специального комитета связи и транзита ЛН Г.Ф. ван Дисселя, переписка членов Секретариата ЛН с радиослушателями, а также личный архив исполнявшего обязанности Генерального секретаря ЛН Ш. Лестера.

Историография Лиги Наций до начала 1990-х гг. не была богата специальными исследованиями. После Второй мировой войны к истории Лиги обращались редко: либо в связи с юбилеями организации, либо в обобщающих работах. Наиболее известную и объёмную книгу по истории Лиги, переизданную несколько раз, написал в 1952 г. Ф. Уолтерс (Walters 1967). Поскольку Уолтерс долгое время работал на высоких должностях в Секретариате ЛН, в книге много личных впечатлений и воспоминаний, однако она не даёт полного анализа истории организации и не основана на изучении архивных документов. В ней мало ссылок на источники.

Книга Р.М. Илюхиной, в которой впервые в российской историографии исследована деятельность Лиги от создания до 1934 г., стала важной вехой в историографии (Илюхина 1982). Автор открыла для российского читателя не только историю начального периода политической деятельности ЛН, но и некоторые идеологические доктрины, которыми руководствовались акторы международной организации. В монографии имеется много интересных персональных характеристик дипломатов и работников Секретариата ЛН.

Однако настоящий интерес к истории ЛН появился после окончания Холодной войны и распада биполярного мира. Изучение опыта Лиги стало злободневным в 1990-е гг., в условиях становления нового многополярного мирового порядка на фоне дискуссии о многополярности в ЛН; появился интерес к решению Лигой иных политических проблем. Не случайно упомянутая выше С. Педерсен дала своей статье заголовок «Вернёмся в Лигу Наций» (Pedersen 2007). За последние тридцать лет о Лиге опубликовано книг в несколько раз больше, чем за все предыдущие годы. И тематика их включает не только проблемы многополярного мира, но и суверенитет, право наций на самоопределение, историю мандатной системы и «несостоявшихся» государств, а также другие актуальные для современности вопросы (Callahan 1999; Goto-Shibata 2020; Henig 2019; Ostrower 1996; Pedersen 2015; Yearwood 2009).

В последние годы появилось несколько важных публикаций по истории Лиги в РФ. И.А. Хормач исследовала на основе архивных материалов историю отношений ЛН с Советским Союзом (Хормач 2011; 2017). Н.Ю. Васильева в подробной работе глубоко и всесторонне изучила как новые, так и старые подходы

¹ Archives. URL: <https://www.ungeneva.org/en/library-archives/archives>

российских историков к интерпретации истории ЛН (Васильева 2017). Другая публикация Н.Ю. Васильевой посвящена образу Лиги Наций в оценках русской эмиграции начала 1920-х гг. (Васильева 2020). А.С. Ходнев написал очерки по истории Лиги (Ходнев 1995), а также несколько статей об действиях ЛН в области колониальных проблем и мандатной системы (Ходнев 2021a; 2021b). Известный историк из Санкт-Петербурга В.И. Фокин исследовал отдельные сюжеты истории Лиги, а также опубликованные источники (Фокин 2010).

По истории радиовещания ЛН имеется лишь одна работа преподавателя Факультета литературы Университета Женевы А. Флери, участника симпозиума по истории ЛН в ноябре 1980 г. (Fleury 1983). В этой статье подробно рассматривается эволюция швейцарской политики в отношении ЛН и позиция Берна, история радио ЛН находится на втором плане. Таким образом, проблема истории международного радиовещания ЛН и влияние на эту активность швейцарского нейтралитета остаётся недостаточно изученной.

Лига Наций и радио – ровесники

В декабре 1925 г. Генерального секретаря ЛН Эрика Драммонда просили выступить по радио из Парижа с вещанием на Америку. Американские и европейские радиостанции решили провести в январе 1926 г. эксперимент по дальнему радиовещанию. Задача состояла в том, чтобы сигнал из Европы через Атлантику дошёл до США. Один из первых радиокомментаторов, директор программ британской корпорации ВВС А.Р. Берроуз в письме американцу А. Свитсеру, сотруднику первого дивизиона информационной секции ЛН, пояснял: «В течение недели несколько станций в Америке будут “молчать” в определённые периоды времени, чтобы местные слушатели смогли “поймать” передачи, идущие из Европы... Вряд ли можно ожидать всеобщего внимания учитывая, что европейские передачи должны транслироваться около 5 часов утра по американскому времени»². По мнению одного из организаторов этого эксперимента Э. Палмера, выступление Э. Драммонда на тему «возможностей радио» в деле содействия работе Лиги Наций было необходимо «в интересах защиты мира во всём мире и всеобщего образования»³.

Идея проведения эксперимента дальнего радиовещания была нацелена не только на проверку техники. Дело в том, что США не вступили в ЛН в результате отказа конгресса ратифицировать Версальский договор, частью которого был Статут ЛН. Радиопередача 25 января 1926 г. должна была напомнить слушателям о существовании ЛН и содействовать её популяризации в Америке.

² International Broadcasting Tests - January 25th, February 1st. *LON Archives*. File R1140/14/48542/28231. URL: <https://archives.unige.ch/international-broadcasting-tests-january-25th-february-1st>

³ Ibid.

Э. Драммонд заявил во время вещания на Америку: «Радио и Лига Наций молоды. Они родились примерно в одно и то же время и развиваются примерно по одним и тем же направлениям. Несомненно, их плодотворное сотрудничество будет способствовать миру во всём мире. Как быстро шагнула вперед цивилизация! Ещё три столетия назад Колумбу потребовалось три месяца для достижения Америки. Столетие назад нужно было несколько недель, чтобы отправить новости на Дальний Восток. Сегодня за нескольких секунд информация может быть передана в эфир в Лондоне, получена в Нью-Йорке, ретранслирована и прослушана в Лондоне... Расстояние и время почти утрачивают значение. Развитие радио должно значительно облегчить международное сотрудничество и, следовательно, помочь Лиге выполнить её задачи»⁴. В целом эксперимент по дальнейшему радиовещанию был признан удачным, Америка впервые услышала голос ЛН.

На Парижской мирной конференции 1919 г. союзники договорились о размещении ЛН в Женеве. Сначала это не вызвало энтузиазма; более того, заместитель Генерального секретаря ЛН Ф. Уолтерс зафиксировал недовольствие участников Комиссии по созданию ЛН из Франции и Бельгии, которые настаивали на выборе Брюсселя. Бельгия, по их мнению, заслужила право стать родиной международной организации, «пострадав в битве за правду против силы» в Первой мировой войне (Walters 1967: 36). Однако В. Вильсон, Р. Сесил и Я.Х. Смэтс высказались за Женеву, сославшись на то обстоятельство, что Брюссель свяжет новую организацию с негативными воспоминаниями о войне (Walters 1967: 36). В итоге 12 из 19 членов Комиссии проголосовали за Женеву, и вопрос был решён (Walters 1967: 37).

Попытки использовать радиосвязь для вещания проводились одновременно с началом работы в 1920 г. международной организации. 13 декабря 1920 г. «несколько сотен слушателей с напряжением ждали первых звуков, которые должны были послышаться из гигантского громкоговорителя, установленного в зале ЛН в Женеве» (Lommers 2012: 59). Г. Маркони, изобретатель радио и дипломат, участвовавший от Италии в Парижской мирной конференции, выполнял экспериментальную трансляцию из Лондона. По отзывам очевидцев, приём в Женеве был плохой, сопровождался треском и резкими помехами, но собравшиеся в зале ЛН в Женеве услышали: «Здравствуй, Женева!» и были поражены возможностями новой техники (Lommers 2012: 59).

Однако ни в 1920 г., ни в 1926 г. ЛН не смогла начать устойчивые трансляции из Женевы новостных и других программ. Вмешались политические обстоятельства, которые не учли «отцы-основатели» ЛН: тесному союзу ЛН и радио помешал швейцарский нейтралитет.

⁴ Ibid.

Идея радиосвязи с Лигой обсуждалась на Парижской мирной конференции. Член американской делегации, советник В. Вильсона полковник Э. Хаус в марте 1919 г. осведомился у швейцарского дипломата У. Раппарда о возможности сооружения радиостанции в Швейцарии вблизи места, где будет находиться ЛН (Fleury 1983: 196). Затем Федеральный совет Швейцарии принял решение предоставить экстерриториальность землям Лиги Наций и согласился с проектом устройства радиотелеграфной станции. В апреле 1919 г. полковник Хаус прислал к Раппарду американского специалиста по рекламе и «беспроводному телеграфу», чтобы обустроить «достаточно мощный передатчик для связи со всем миром» (Fleury 1983: 197).

Однако события в США не благоприятствовали реализации проекта по строительству радиостанции в Женеве. В 1920 г., после решения Конгресса США не ратифицировать Версальский договор и, соответственно, Статут ЛН, в Вашингтоне забыли о строительстве радиостанции. Эту новость в Берне восприняли с большим облегчением, поскольку в правительственных кругах Швейцарии появились опасения, что проект будет противоречить Гаагской конвенции 1907 г., утвердившей международные обязанности нейтральных стран в случае войны. В частности, ст. 3 Гаагской конвенции запрещала создание и использование в военных целях на нейтральной территории радиотелеграфных станций⁵. Швейцарские политики усмотрели возможную угрозу нарушения нейтрального статуса страны при строительстве на своей территории и не под контролем властей Швейцарии радиотелеграфной станции. В то же время политическое руководство кантона Женева и федеральные политики были заинтересованы в том, чтобы ЛН располагалась в Швейцарии.

Связь, транспорт и радио для Лиги Наций

Одним из главных органов ЛН был Секретариат, ставший первым в истории подобным институтом международной организации. Проект Секретариата подготовил возглавивший его Э. Драммонд. Он отклонил государство-центрическую структуру международного органа, при которой в Секретариате должны быть представительства только великих держав с персоналом, подчиняющимся своим правительствам. Вместо этого Э. Драммонд организовал Секретариат по функциям, с отдельными департаментами: юридическим, экономическим и финансовым, отделом мандатов и т. д. – для поддержки каждой из ключевых областей деятельности ЛН. Другим смелым решением Э. Драммонда было создание института международных чиновников, состоявшего из сотрудников,

⁵ V Гаагская конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны 1907 г. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11911629%40egNPA

которые не переходили в ЛН из национальных бюрократий, а нанимались специально и были лояльны только ЛН. Такой Секретариат, выполняя в первую очередь решения Ассамблеи и Совета ЛН, обладал известной самостоятельностью в продвижении международных проектов, ведении переписки с правительствами и международными организациями, а также организации деятельности ЛН в Женеве.

В первые годы в Секретариате ЛН не настаивали на строительстве радиостанции, занимаясь проблемами организации бесперебойной телефонной и телеграфной связи, а также транспорта. В ноябре 1920 г. на переговорах директора вновь созданной секции связи и транзита ЛН Б. Аттолико с членом Федерального совета Швейцарии Р. Хаасом, возглавлявшим Департамент почты и железных дорог, проект радиостанции не обсуждался. Представителя ЛН интересовали проблемы «перенасыщения телеграфной связи» и привилегии в пользовании телефонами ЛН в Женеве в определённые часы. Аттолико просил улучшить железнодорожное сообщение с Женевой, запустив два дополнительных поезда между Парижем и Женевой⁶. Связь с Парижем была ключевой практически для всех стран – членов ЛН. Штаты многих посольств в Париже были увеличены за счёт специальных сотрудников, собиравших информацию и готовивших документы для своих представителей в Женеве. Например, в 1921 г. в Париже было создано специальное Японское бюро по делам Лиги Наций (Goto-Shibata 2020: 28).

Однако в первые же месяцы из-за отсутствия устойчивой радиосвязи обнаружилось трудности в организации глобальной координации работы ЛН. В 1921 г. информационная секция Секретариата ЛН подняла вопрос о покупке радиооборудования. По заданию Генерального секретаря ЛН А. Пелт, ответственный сотрудник информационной секции, провёл в 1921 г. переговоры о закупке радиоаппаратуры с английской компанией Marcony's Wireless Telegraph Company Ltd. Однако финансовый отдел ЛН оспорил приобретение дорогостоящего оборудования⁷.

В 1925–1926 гг. в Секретариате ЛН поняли, что штаб-квартира в Женеве в экстренных случаях и при необходимости реагирования на международные кризисы не имела ни хорошей связи, ни транспортного сообщения. Этот вопрос по инициативе Франции Совет ЛН рассмотрел в декабре 1921 г. Однако и тогда речь шла не о радиовещании, а о мерах, которые «необходимо принять для того,

⁶ Priority of Telephone Calls for the Secretariat. *LON Archives*. File: R1365/26/8597/8597. URL: <https://archives.ungeneva.org/priority-of-telephone-calls-for-the-secretariat-and-press-and-improvement-of-railway-communications-during-the-assembly-professor-attolico-reports-discussion-with-conseiller-federal-mr-haab-at-berne-of-questions-on-this-subject-submitt>.

⁷ Wireless Communication with Geneva - Dossier concerning. *LON Archives*. File: R1583/40/11641/11641. URL: <https://archives.ungeneva.org/wireless-communication-with-geneva>

чтобы можно было в полной мере использовать существующие средства связи по железной дороге, воздушному телеграфу и радиотелеграфу»⁸. Вопрос о независимом радиовещании ЛН не поднимался.

Потребовалось ещё два года обсуждений, пока 24 сентября 1928 г. Ассамблея ЛН не приняла резолюцию о необходимости «создания радиостанции для обеспечения Лиги независимой связью в чрезвычайных ситуациях»⁹.

К вопросу о создании независимой радиостанции Ассамблея ЛН вернулась 21 сентября 1929 г. Проблема независимых контактов ЛН с внешним миром потребовала привлечения в качестве докладчика авторитетного французского юриста и общественного деятеля Р. Кассена¹⁰. Он заявил, что дух и положения Пакта ЛН призывают членов Лиги Наций «всеми возможными средствами содействовать быстрому созыву Совета ЛН в чрезвычайных ситуациях»¹¹. Для этого нужна собственная радиостанция Лиги. Основная цель создания станции, утверждал Р. Кассен, состояла в том, чтобы позволить ЛН иметь в своём распоряжении и под своим непосредственным управлением во время чрезвычайной ситуации независимую беспроводную связь с максимально возможным числом членов Лиги. Предлагалось использовать станцию европейского диапазона, которая «будет оставаться под управлением швейцарских властей»¹². «Швейцарское правительство может быть представлено на этой станции наблюдателем»¹³, – предлагал Р. Кассен. Таким образом, и проект Кассена концентрировал внимание только на необходимости использовать радио для связи в чрезвычайных обстоятельствах, а не для широкого вещания.

Соглашение 21 мая 1930 г. и начало радиовещания Лиги Наций

Ассамблея ЛН 1929 г. поддержала предложенный Кассеном план, и он лёг в основу «Соглашения между Федеральным советом Швейцарии и Генеральным секретарём Лиги Наций о создании и эксплуатации радиостанции в окрестностях Женевы» от 21 мая 1930 г. Соглашение подписали Генеральный секретарь

⁸ Communication of Importance to the League of Nations at Times of emergency. *LON Archives*. Reference Code: C-406-1927-VIII_EN. URL: <https://archives.ungeneva.org/communications-of-importance-to-the-league-of-nations-at-times-of-emergency>

⁹ Wireless Station to be Created with a View to Providing the League of Nations with Independent Communication. *LON Archives*. Reference Code: C-514-1928-VIII_EN. URL: <https://archives.ungeneva.org/wireless-station-to-be-created-with-a-view-to-providing-the-league-of-nations-with-independent-communications-in-time-of-emergency-report-by-the-polish-representative>

¹⁰ В 1948 г. Р. Кассен стал одним из авторов Декларации прав человека ООН.

¹¹ Establishment of a Wireless Station. *LON Archives*. Reference Code: A-85-1929-IX_EN. URL: <https://archives.ungeneva.org/establishment-of-a-wireless-station-destided-to-ersure-independent-communications-to-the-league-of-nations-in-times-of-emergency-report-of-the-third-committee-to-the-assembly-rapporteur-m-rene-cassin-france>

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

ЛН Э. Драммонд и Д. Мотта¹⁴, руководивший внешней политикой Швейцарии в 1920–1938 гг. и неоднократно избиравшийся президентом Швейцарской конфедерации.

В ст. 1 Соглашения 21 мая 1930 г. говорится, что для удовлетворения потребностей Лиги Наций в районе Женевы должна быть построена станция *Radio-Nations*. Станцией *Radio-Nations* в обычное время управляет *Radio-Suisse*, а в чрезвычайных ситуациях она переходит под исключительное управление ЛН¹⁵. Следовательно, представителям ЛН удалось убедить власти Берна дать радио ЛН существенную независимость. Все споры по вопросам работы *Radio-Nations* должны были передаваться на рассмотрение третейского суда, назначаемого Постоянной палатой международного правосудия в Гааге¹⁶. Таким образом, суверенитет Швейцарии и её нейтралитет сохранялись, но в неполном виде: ЛН владела брендом *Radio-Nations* и фактически определяла содержание радиовещания в обычное время, но в чрезвычайных ситуациях вся радиопередающая и принимающая аппаратура переходила под контроль ЛН.

Официальное открытие радиостанции ЛН *Radio-Nations* состоялось 2 февраля 1932 г., в день начала работы Конференции по сокращению и ограничению вооружений. Глава специального комитета связи и транзита ЛН Г.Ф. ван Диссель подчёркивал, что первые трансляции показали хорошую передачу и приём с технической точки зрения¹⁷. Например, ван Диссель получил письмо слушателя из Бразилии Р. Кардона, который с восторгом сообщал, что 10 февраля 1932 г. в течение трёх часов слушал тестовую передачу *Radio-Nations* в Рио-де-Жанейро и «приём был безупречным, ясным и полным тона»¹⁸. Тем не менее, следует признать, что ЛН явно отставала от передовых государств в организации радиотрансляций на другие страны.

Radio-Nations передавало как официальные, политические, так и частные программы. Последние отличались включением музыкальных трансляций, рекламы и выступлений политиков и деятелей культуры, представлявших не только ЛН, но и другие страны. Например, в списке частных программ в октябре 1932 г. было выступление из Берна члена швейцарского правительства Д. Мотты.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Accord entre. Accord entre le Conseil Fédéral Suisse et le Secrétaire Général de la Société des Nations concernant l'établissement et l'exploitation près de Genève d'une station radioélectrique. *LON Archives*. File: CRID134/343/166(1-2). URL: <https://archives.ungeneva.org/wireless-station-of-the-league-of-nations-convention-and-agreement-between-the-league-of-nations-and-the-swiss-government>

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Operation of the League Wireless Station - Reports by M. van Dissel for the period 2 February 1932 to 31 December 1933. *LON Archives*. File: R4318/9G/6497/509. URL: <https://archives.ungeneva.org/operation-of-the-league-wireless-station-reports-by-m-van-dissel-for-the-period-2-february-1932-to-31-december-1933>

¹⁸ League Wireless Station - Various correspondence with individuals and associations. *LON Archives*. File: R2594/9G/32525/225. URL: <https://archives.ungeneva.org/league-wireless-station-various-correspondence-with-individuals-and-associations>

Информационная секция ЛН использовала радиостанцию не только для прямого вещания, но и для передачи радиোগрам с новостями о деятельности Лиги при помощи азбуки Морзе для агентств и прессы европейских и других стран¹⁹.

Официальные программы проходили обязательное редактирование и проверку в информационной секции ЛН. В Секретариате ЛН в 1930-е гг. старались ограничивать политическое содержание радиовыступлений краткой информацией о деятельности и решениях Ассамблеи и Совета ЛН. И если в официальных программах 1932 г. ещё преобладали выступления о кризисе в Маньчжурии, которую Япония захватила в 1931–1932 гг. у Китая, то в дальнейшем таких новостей становилось всё меньше. Маньчжурский конфликт, с которым столкнулась ЛН, был первым серьёзным нарушением стабильности Версальско-Вашингтонской системы. Однако *Radio-Nations*, действуя в духе политики примирения, транслировало выступления представителя ЛН и всех сторон конфликта: лорда Литтона (20 ноября 1932 г.), китайского дипломата Го Тайцзы (27 ноября 1932 г.), японского представителя в ЛН Ё. Мацуока (4 декабря 1932 г.)²⁰. В радиопередаче из Женевы отказывались прямо назвать Японию агрессором.

Следующие политические вызовы, с которыми столкнулась ЛН, лаконично включались в информационные бюллетени *Radio-Nations*. Абиссинский кризис имел отклик в ЛН, но её вмешательство было даже менее эффективным, чем в Маньчжурский инцидент. Агрессия Италии против Эфиопии 1935–1936 гг. и действия Совета ЛН, в ноябре 1935 г. принявшего решение о введении санкций против Италии, а 4 июля 1936 г. постановившего отказаться от этих санкций, комментировались в информационных бюллетенях ЛН для внутреннего пользования. *Radio-Nations* транслировали только краткие отчёты о решениях Совета ЛН по этому вопросу.

Информационная секция выпустила много обзоров иностранных СМИ по проблеме милитаризации Рейнской области в 1936 г., однако эти документы были подготовлены только для распространения внутри ЛН и не транслировались по радио²¹.

Гражданская война в Испании (1936–1939) обсуждалась в Секретарите ЛН. И всё-таки ни Совет, ни Ассамблея ЛН долго не решились на какие-либо конкретные меры (Наумов 2016: 47) и не принимали резолюций по испанскому вопросу, мотивируя это тем, что Лига не занимается внутрисударственными конфликтами. О Гражданской войне в Испании была только общая информация в новостях. Тем не менее по мере превращения этой войны в серьёзный вызов

¹⁹ Information Section. *LON Archives*. File S937/247/3. URL: <https://archives.ungeneva.org/nwr4-nghe-48sp>

²⁰ Ibid.

²¹ *Revue des Commentaires de la Presse sur la Société des Nations*. *LON Archives*. Item PC-2765-1936_BI. URL: <https://archives.ungeneva.org/revue-des-commentaires-de-la-presse-sur-la-societe-des-nations-269>

безопасности в Европе и мире, Информационная секция ЛН старалась шире освещать эту проблему. Слушатель из Канады У. Вуд сообщил в Женеву, что в течение октября–ноября 1938 г. он слушал несколько новостных радиотрансляций *Radio-Nations* на английском языке, в которых сообщалось о гуманитарных проблемах беженцев из Испании, нормировании хлеба и других продуктов, военном положении в Мадриде и Барселоне, большом количестве пострадавших от войны, морской и воздушной блокаде²².

За время Гражданской войны в Испании и других конфликтов политический престиж ЛН был основательно подорван (Наумов 2016: 62), что отразилось и на радиовещании. Все судьбоносные для международных отношений события и кризисы 1938–1939 гг. почти не комментировались по радио, если не было решений Ассамблеи и Совета ЛН.

В середине 1930-х гг. главной темой радиовещания, для которой Информационная секция готовила тексты, были достижения ЛН в области социальной и гуманитарной деятельности. От преимущественно информационно-политических программ *Radio-Nations* перешла к трансляции материалов просветительского характера. В ЛН существовал влиятельный Международный комитет интеллектуального сотрудничества (МКИС). В числе многих его инициатив была координация международного управления интеллектуальными проектами по образованию. Цели этих проектов – воспитание миролюбия в широком смысле этого понятия, пропаганда ценностей морального разоружения, разъяснение целей и активности ЛН в области поддержания мира и международного сотрудничества. *Radio-Nations* активно включилось в просветительскую деятельность, выполняя программу МКИС по обучению целям и деятельности ЛН.

В 1935 г. *Radio-Nations* на английском, французском и испанском языках транслировало послание Генерального секретаря ЛН молодёжи по случаю Дня доброй воли 18 мая. В тексте звучали нотки тревоги: «Во всех странах люди хотят мира, и во всех странах мы наблюдаем увеличение вооружений и численности солдат», в связи с чем молодёжь призывали «поддерживать мир в мире» на основе «доброй воли и взаимопонимания» (*Les Causeries Radiophoniques...* 1935: 282). В сетке вещания ЛН был и текст английского профессора истории античности, президента МКИС Г. Мюррея о достижениях ЛН в области международного интеллектуального сотрудничества²³.

²² Radio Nations – Correspondence with Listeners. *LON Archives*. File R5196/13/31318/19270/Jacket11. URL: <https://archives.ungeneva.org/mkrz-wqn9-sh9s>

²³ Ce que fait la Cooperation Intellectuelle. Bulletin l'Enseignement DE LA SOCIÉTÉ DES NATION. 1935 No 2. P. 285–288. *LON Archives*. Reference code: 767423. URL: <https://archives.ungeneva.org/bulletin-de-lenseignement-de-la-societe-des-nations-n-2>

Две радиопередачи *Radio-Nations* вызвали в 1936 г. наибольший интерес слушателей. Первая была посвящена теме питания, вторая – положению женщин с точки зрения гендерного равенства²⁴. Обе проблемы связаны с повседневной жизнью человека. Р. Кассену приписывают первенство в объяснении причин внимания к этим темам в ЛН: «Всё, что касается человечества, касается Лиги Наций»²⁵.

Радиопрограмма о питании была направлена не только на пропаганду здорового образа жизни. В середине 1930-х гг. мировая экономика всё ещё ощущала последствия мировой депрессии 1929–1933 гг. Во многих странах была безработица, а темпы роста экономики оставляли желать лучшего. Глава правительства Австралии С.М. Брюс предложил на Ассамблее ЛН в 1935 г. провести общее исследование вопроса о питании не только с точки зрения здоровья, но и во всех его экономических аспектах (Walters 1967: 754). Это было жизненно важно для подъёма сельского хозяйства и мировой экономики в целом²⁶.

В радиопередаче о правах женщин диктор сообщил, что Ассамблея Лиги в 1935 г. постановила международному комитету экспертов провести исследование правового статуса женщин в различных странах. Первые результаты работы комитета показали, что только в 24 странах – членах ЛН женщины имели право голоса на парламентских выборах, и только 14 стран предоставляли женщинам право на труд без ограничений²⁷.

Между тем проблема трансграничного радиовещания привлекла внимание правительств многих стран. В 1931 г. Ассамблея ЛН поручила Институту интеллектуального сотрудничества (ИИС) в Париже провести исследование вопросов, возникавших при использовании радиовещания в международной сфере. В 1932 г. Международный комитет интеллектуального сотрудничества ЛН вместе с ИИС создали комитет экспертов для подготовки проекта международной конвенции о радиовещании. Межправительственная конференция по заключению Конвенции об использовании радиовещания в интересах мира проходила в Женеве с 17 по 25 сентября 1936 г. под председательством М.А. Рестада, бывшего министра иностранных дел Норвегии (Use of Broadcasting 1936: 168–170). Конвенция обязала государства запрещать любую передачу, которая посредством заявлений, ошибочность которых известна лицам, ответственным за передачу, может нанести ущерб доброму международному пониманию, и принимать меры для исправления такой информации²⁸. В специальном пункте до-

²⁴ File 767420 – Bulletin of League of Nation Teaching – The teaching of the principles and facts of international co-operation. N°4. *LON Archives*. Reference Code 0000767420_D0010. Filename 0000767420_D0010.pdf. URL: <https://archives.unge-neva.org/wqqb-65bx-f49e>

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Text of the Convention. *LON Archives*. File CRID70/272/30-1bis. URL: <https://archives.unge-neva.org/text-of-the-convention-3>

говаривающиеся правительства принимали на себя обязательство обеспечить во время кризисов передачу по радио только проверенной информации о международных отношениях, которая не наносит вред другим народам²⁹. Швейцария вместе со многими странами приняла участие в конференции и подписала итоговую Конвенцию и, следовательно, обязалась поддерживать и обеспечивать бесперебойную трансляцию *Radio-Nations*.

В целях выполнения Конвенции 1936 г. Секретариат ЛН ввёл с 1 августа 1939 г. новый регламент радиотрансляций: ответственность за их организацию была возложена на информационную секцию, а все тексты, особенно выступлений частных лиц, подлежали одобрению директора секции перед передачей в эфир³⁰.

Несмотря на перенос во второй половине 1930-х гг. активности ЛН с политической работы на технические вопросы социальной и гуманитарной деятельности, значение радиотрансляций ЛН в условиях ухудшающейся международной обстановки трудно переоценить. Лига продвигала новые идеи международного сотрудничества, информировала о новых проектах. С. Педерсен подчёркивала изменения, которые принесла ЛН в мир за короткий период своей истории: «Их слова попали в мир, мир, который теперь был переделан грамотностью, печатью, авиаперелётами и радиоволнами, и всё это нельзя было вернуть в прошлое» (Pedersen 2015: 406).

Швейцария возвращается к полному нейтралитету

Во второй половине 1930-х гг. активное радиовещание из Женевы было осложнено изменением отношения правительства Швейцарии к ЛН. В мире назревал предвоенный кризис, в котором несколько крупных государств всё заметнее склонялись к агрессивным действиям. В Европе это были нацистская Германия и фашистская Италия, а на Дальнем Востоке – Япония. ЛН не смогла эффективно сдерживать эти агрессивные силы и предотвратить распад Версальско-Вашингтонского порядка. В этой международной обстановке правительство Швейцарии решило укрепить статус нейтралитета страны. 20 апреля 1938 г. Генеральный секретарь ЛН Ж. Авеноль получил меморандум Федерального совета за подписью Д. Мотты о возвращении в мае 1938 г. к полному нейтралитету Швейцарии в рамках Лиги³¹. После состоявшихся в Женеве переговоров по это-

²⁹ Ibid.

³⁰ League of Nations radio station – Use of the station for broadcasting (discussion between private and official transmissions). *LON Archive*. File File R4318/9G/19831/509. URL: <https://archives.unige.ch/station-radioelectrique-de-la-societe-des-nations-utilisation-de-la-station-pour-la-radiodiffusion-discussion-entre-la-transmissions-privées-et-officielles>

³¹ Neutrality of the Swiss Confederation within the Framework of the League of Nations. *LON Archives*. Reference Code C-137-M-82-1938-V_EN. URL: <https://archives.unige.ch/neutrality-of-the-swiss-confederation-within-the-framework-of-the-league-of-nations-2>.

му вопросу Д. Мотта заверил руководство ЛН, что «Швейцария будет и впредь добросовестно сотрудничать с учреждением, местопребыванием которого она является»³². Как показали дальнейшие события, «добросовестного» сотрудничества не получилось.

По мнению швейцарского правительства, в новой обстановке трансляции *Radio-Nations*, несмотря на их взвешенный и дипломатически выдержанный характер, могли втянуть страну в конфликты с третьими странами. В Федеральном совете Швейцарии во второй половине 1930-х гг. обсуждали возможность приостановки действия Соглашения от 21 мая 1930 г. и поддержки *Radio-Nations*.

Неожиданно руководство Секретариата ЛН в Женеве помогло Берну в поисках повода для закрытия радио ЛН. 3 ноября 1938 г. ЛН направила письмо в Федеральный совет Швейцарии и *Radio-Swiss* с предложением пересмотреть Соглашение от 21 мая 1930 г. между Генеральным секретарём Лиги Наций и *Radio-Suisse*³³. ЛН испытывала серьёзный финансовый кризис, и хотела, чтобы *Radio-Swiss* увеличило финансирование *Radio-Nations*. 15 февраля 1939 г. Федеральный совет Швейцарии охотно согласился с предложением пересмотреть Соглашение³⁴.

Лига Наций, *Radio-Nations* и начало Второй мировой войны

Ситуация вокруг ЛН и *Radio-Nations*, которое продолжало работать некоторое время в прежнем режиме, изменилась после начала Второй мировой войны. Секретариат ЛН сильно сократил свой персонал либо из-за уменьшения общего объёма работы, либо потому, что некоторые члены Лиги отказались вносить деньги в бюджет, заявив о нейтралитете в условиях войны.

Кроме того, Германия и Италия постоянно угрожали Швейцарии, указывая, что существование ЛН на её территории не соответствовало нейтралитету. Швейцарские власти старались не давать ни одному из своих агрессивных соседей повода предположить, что швейцарский нейтралитет поколеблен. В Берне выбрали сохранение своего нейтралитета в ущерб деятельности ЛН. 6 сентября 1939 г. Швейцария закрыла границу с Францией³⁵, что усилило изоляцию Секретариата и руководства ЛН в Женеве.

³² Switzerland and the League. *LON Archives*. File: R5799/50/33623/33588. URL: <https://archives.ungeneva.org/switzerland-and-the-league-neutrality-of-switzerland-correspondence-with-the-government-of-switzerland>

³³ Radio-Nations – Revision of the 1930 agreement with Radio-Suisse and the 1930 agreement with the Swiss government. *LON Archives*. File: R4319/9G/35934/509/Jacket1. URL: <https://archives.ungeneva.org/radio-nations-revision-de-la-convention-de-1930-avec-radio-suisse-de-laccord-de-1930-avec-le-gouvernement-suisse>

³⁴ League of Nations Wireless Station. League of Nations Wireless Station. (RADIO-NATIONS). *LON Archives*. Reference code C-56-M-53-1941_EN. URL: <https://archives.ungeneva.org/league-of-nations-wireless-station-radio-nations>.

³⁵ Document Pp 274/1/323-324 – 6 September 1939. *LON Private Archives*. Sean Lester's Diary – Volume 1. Reference code: Pp 274/1/323-324. URL: <https://archives.ungeneva.org/6-september-1939>

Среди сотрудников международной организации распространились панические настроения. В начале Второй мировой войны Генеральный секретарь ЛН Ж. Авеноль старался избегать конфликтов с правительством Швейцарии. Ф. Уолтерс вспоминал, что Авеноль не хотел, чтобы швейцарское правительство испытывало какие-либо затруднения. Поэтому он приготовился в кратчайшие сроки перевести Секретариат во французский Виши; название этого города на рубеже 1939–1940 гг. ещё «не имело политического значения» (Walters 1967: 802). Столь мягкая оценка Уолтерса вуалирует странные действия Ж. Авенюля в конце 1939 – августе 1940 гг. Например, в 1940 г. в частном разговоре Авеноль заявлял, что «Гитлер говорил довольно хорошие вещи о Лиге», и «Муссолини тоже не был враждебен по отношению к Лиге»³⁶. Авеноль сокращал активность Секретариата ЛН, мотивируя это трудностями организации заседаний Совета и Ассамблеи. После капитуляции Франции в июне 1940 г. Авеноль готовился к отставке, подчинению режиму Виши и закрытию ЛН. В июне 1940 г. он согласился на предложение Принстонского университета перевести часть Секретариата ЛН в Принстон (Walters 1967: 809). 31 августа Авеноль покинул ЛН. Новым исполняющим обязанности Генерального секретаря ЛН стал ирландский дипломат Ш. Лестер, который продолжал руководить оставшейся частью Секретариата ЛН до её роспуска в апреле 1946 г.

Об атмосфере вокруг ЛН и *Radio-Nations* свидетельствует запись в дневнике Лестера от 7 июля 1941 г. Федеральные власти Швейцарии полуофициально сообщили Лестеру о том, что они изменили политику относительно радиостанции ЛН. Они не хотели «терпеть её на территории Швейцарии, даже если она будет полностью контролироваться швейцарскими чиновниками»³⁷. И ещё одно наблюдение: швейцарские власти по требованию немцев удалили из обращения почтовые марки с изображениями эмблемы Международной организации труда (МОТ) и Дворца наций – штаб-квартиры ЛН. Лестер сетовал, что швейцарцы не выполняли свои финансовые обязательства перед ЛН, хотя Секретариат ЛН выплачивал полное жалование сотрудникам из Швейцарии³⁸.

27 января 1940 г. правительство Швейцарии направило в ЛН официальное сообщение о проблеме пересмотра Соглашения 21 мая 1930 г. о *Radio-Nations*. Федеральный совет Швейцарии на заседании 23 января 1940 г. решил денонсировать Соглашение без пересмотра или заключения нового документа. Следовательно, *Radio-Nations* должно было прекратить вещание со 2 февраля 1942 г.³⁹.

³⁶ S. Lester's Note on E.J. Phelan. *LON Private Archives*. About what J. Avenol told to E.J. Phelan in 1940 regarding A. Hitler's view of the League of Nations and the ILO. URL: <https://archives.ungeneva.org/s-lesters-note-on-e-j-phelan>

³⁷ Document Pp 274/2/820-822 – 7 July 1941. *LON Private Archives*. Sean Lester's Diary - Volume 2. Reference code: Pp 274/2/820-822. URL: <https://archives.ungeneva.org/7-july-1941>

³⁸ Ibid.

³⁹ League of Nations Wireless Station. League of Nations Wireless Station. (Radio-Nations). *LON Archives*. Reference code C-56-M-53-1941_EN. URL: <https://archives.ungeneva.org/league-of-nations-wireless-station-radio-nations>.

14 июня 1941 г. Ш. Лестер обратился к правительству Швейцарии с просьбой, чтобы «Соглашение 1930 года оставалось в силе на один или два года» и «сохранить статус-кво в течение одного или двух лет, начиная со 2 февраля 1942 г.»⁴⁰. Лестер надеялся на быстрое окончание войны и возобновление работы ЛН. Он провёл 23 июня 1941 г. переговоры с ответственным чиновником Федерального политического управления правительства Швейцарии М. Цурлинденом, подтвердившим, что «само существование радиостанции Лиги Наций на территории Швейцарии противоречит швейцарскому нейтралитету»⁴¹. Лестер спросил Цурлиндена, оказывалось ли внешнее давление на правительство в отношении радиостанции ЛН. Ответ был положительным: «Да, было косвенное давление»⁴².

Окончательный официальный ответ Берна на просьбу Лестера о продлении работы радио ЛН был отрицательным: «Ваше предложение было предметом самого тщательного рассмотрения. Однако мы вынуждены ответить, что не в состоянии его принять»⁴³. Это означало закрытие *Radio-Nation* в Женеве.

Швейцарское правительство, оберегая нейтралитет своей страны, внимательно наблюдало за событиями войны. Под давлением стран «оси» на фоне успехов Германии на фронтах Берн принимал самые жёсткие меры и проводил неуступчивую дипломатию в отношении ЛН. С 1943 г. отношение Берна к ЛН *Radio-Nations* начало меняться, и удалось обоюдно решить несколько финансовых вопросов⁴⁴. ЛН отчаянно нуждалась в деньгах, чтобы поддержать оставшееся в Женеве небольшое количество персонала и оплатить отопление здания Дворца наций. Для оплаты счетов большая часть оборудования радиостанции, принадлежавшая ЛН, была продана *Radio-Swiss*. Ш. Лестер объяснял решение ЛН закрыть радиостанцию тем, что у Лиги не было иного выхода, кроме как согласиться с денонсацией правительством Швейцарии Соглашения 1930 г., хотя он и предпринял усилия, чтобы «все действия были отложены до конца войны»⁴⁵. Лестер подчёркивал, что «специально сохранил радиостудию в здании Лиги, чтобы в будущем облегчить трансляцию»⁴⁶. Генеральный секретарь ЛН также оставил за Лигой право использовать длины волн, которые были закреплены

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

⁴² Radio-Nations – Revision of the 1930 agreement with Radio-Suisse and the 1930 agreement with the Swiss government. *LON Archives*. File: R4319/9G/35934/509/Jacket1. URL: <https://archives.ungeneva.org/radio-nations-revision-de-la-convention-de-1930-avec-radio-suisse-de-laccord-de-1930-avec-le-gouvernement-suisse>

⁴³ League Wireless Station – Various correspondence with individuals and associations. *LON Archives*. File: R2594/9G/32525/225. URL: <https://archives.ungeneva.org/league-wireless-station-various-correspondence-with-individuals-and-associations>

⁴⁴ Radio-Nations. Resumption of installations by Radio-Suisse. *LON Archives*. File R4320/9G/41392/509/Jacket2. URL: <https://yandex.ru/search/?text=Swiss+Le+chef+du+department+politique+Federal+1943&lr=16&clid=2255400-225>

⁴⁵ Transfer to the United Nations of League Rights in the wavelengths attributed to Radio-Nations. *LON Archives*. File: R4321/9G/44114/509. URL: <https://archives.ungeneva.org/transfer-to-the-united-nations-of-league-rights-in-the-wavelengths-attributed-to-radio-nations>

⁴⁶ Ibid.

за *Radio-Nations*. На основе этих прав ликвидационная комиссия ЛН передала в 1947 г. остатки *Radio-Nations* и её радиоволны ООН, что подтвердил в письме Ш. Лестеру от 17 апреля 1947 г. Генеральный секретарь ООН Трюгве Ли⁴⁷.

Заключение

ЛН и её Секретариат не смогли в полной мере использовать современные методы радиовещания и коммуникации в самый ответственный момент нарастания международного военного кризиса в Европе и Азии, связанного с агрессивной политикой Германии, Италии и Японии. Зависимость положения ЛН от принимающей страны, стремление Швейцарии перейти от частичного нейтралитета и сотрудничества с Лигой к полному нейтралитету, уступки державам «оси» в конце 1930-х – начале 1940-х гг., а также явное невнимание и невмешательство великих держав и всех стран – членов ЛН стали причинами свёртывания радиовещания ЛН. Руководители Секретариата ЛН совершили ряд ошибок при открытии международного радиовещания, сначала недооценив эту возможность, а затем слишком доверяя швейцарским властям. Содержание и тематика радиовещания ЛН претерпели значительные изменения за короткий период этой практики. В Секретариате ЛН видели, что нарастание нерешённых политических проблем наносит урон международному авторитету организации. С середины 1930-х гг. информационная секция, Международный комитет интеллектуального сотрудничества и другие секции Секретариата Лиги стали предлагать больше радиопрограмм с социальной и гуманитарной тематикой.

История радиовещания ЛН показывает, как сложно международной организации соблюдать свои цели в период международного кризиса, в котором Секретариат ЛН был вынужден действовать в полной изоляции. Противоречия между Берном и Женевой в 1930–1940-х гг. показали, что нейтралитет и международное управление плохо сочетались в контексте деятельности универсальной организации.

Об авторе:

Александр Сергеевич Ходнев – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. 150000, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.
E-mail: khodnev@yandex.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

⁴⁷ Ibid.

UDC 341.121:327(494)"1930/1947"
Received: August 25, 2023
Accepted: October 23, 2023

Lost in Broadcasting: League of Nations, International Broadcasting and Swiss Neutrality

A.S. Khodnev
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-5-92-7-27](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-7-27)

Yaroslavl State Pedagogical University

Abstract: The article delves into the historical context of cross-border radio broadcasting during the 1930s by the League of Nations (LN) and the significant impact of Switzerland's neutrality as the host country on this international organization. Drawing from the recently digitized and accessible LN archive in Geneva, this narrative unveils a minor conflict of interest that evolved into a notable political crisis, marking an international legal precedent by showcasing the influence wielded by a smaller host nation upon a global organization.

The architects of the League of Nations envisioned Geneva as an ideal hub for the organization's activities, complete with modern communication technologies for global outreach. However, Switzerland's neutral stance posed an obstacle to the establishment of the League's radio broadcasting infrastructure. Recognizing the absence of robust emergency communications, transport links, and the absence of a dedicated radio station in Geneva during the mid-1920s, the LN sought an agreement with the *Radio-Swiss* station. Consequently, the LN's own radio station, *Radio-Nations*, commenced broadcasting on February 2, 1932, coinciding with the start of the Conference on the Reduction and Limitation of Arms.

By May 1938, amidst mounting tensions in Europe, Switzerland chose to assert complete neutrality within the League. Discussions within the Federal Council revolved around the possibility of suspending the agreement made on May 21, 1930, along with the support for *Radio-Nations*. Unexpectedly, on November 3, 1938, the LN leadership in Geneva expressed a desire to re-evaluate the 1930 convention. The outbreak of World War II drastically reshaped the relationship between the LN and *Radio-Nations*. Switzerland decided against entering into a new agreement with the LN, leading to the closure of *Radio-Nations* on February 2, 1942.

Maintaining the nation's neutrality, the Swiss government vigilantly observed the unfolding events during the war. During the peak of Nazi Germany's advances, Bern adopted stringent measures against the LN, upholding a resolute diplomatic stance. However, the Swiss stance toward the LN and the division of *Radio-Nations'* ownership gradually shifted from 1943, culminating in the resolution of several financial matters. Ultimately, in 1947, the LN's liquidation commission transferred the remaining assets of *Radio-Nations* and its radio waves to the United Nations.

Keywords: international organization, League of Nations, Radio-Nations," international broadcasting, Switzerland, neutrality, international intellectual cooperation, World War II

About the author:

Alexander S. Khodnev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. Russia, 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya street, 108/1. E-mail: khodnev@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Callahan M.D. 1999. *Mandates and Empire: The League of Nations and Africa, 1914–1931*. Brighton: Sussex Academic Press. 297 p.
- Fleury A. 1983. La Suisse et Radio Nations. *The League of Nations in Retrospect Proceedings of the Symposium*. Berlin – New York: Walter de Gruyter. P. 196–220. (In French)
- Goto-Shibata H. 2020. *The League of Nations and the East Asian Imperial Order, 1920–1946*. London: Palgrave Macmillan. 308 p.
- Henig R. 2019. *The Peace That Never Was: A History of the League of Nations*. London: Haus Publications. 224 p.
- Les Causeries Radiophoniques Du Poste “Radio-Nations”. 1935. *Bulletin l’Enseignement De Le Societe Des Nations*. №2. P. 281–282. (In French)
- Lommers S. 2012. *Europe – On Air: Interwar Projects for Radio Broadcasting*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 326 p.
- Ostrower G.B. 1996. *The League of Nations from 1919–1929*. Garden City Park. New York: Avery Publishing Group. 176 p.
- Pedersen S. 2007. Review Essay: Back to the League of Nations. *American Historical Review*. 112(4). P. 1091–1117.
- Pedersen S. 2015. *The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire*. New York: Oxford University Press. 571 p.
- Use of Broadcasting in the Cause of Peace. The League of Nations. 1936. *Bulletin of the League of Nations Teaching*. №3. P. 168–177.
- Walters F.P. 1967. *A History of the League of Nations*. London: Oxford University Press. 833 p.
- Yearwood P.J. 2009. *Guarantee of Peace: The League of Nations in British Policy 1914–1925*. Oxford: Oxford University Press. 410 p.
- Ilyuhina R.M. 1982. *Liga Nacij, 1919 – 1934* [League of Nations, 1919–1934]. Moscow: Nauka. 357 p. (In Russian)
- Fokin V.I. 2010. Dokumental'nye publikacii zhurnala «Mezhdunarodnaya intellektual'naya kooperaciya» kak istochnik po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij mezdu dvumya mirovymi vojnami [Documentary Publications of the Journal “International Intellectual Cooperation” as a Source on the History of International Relations between the Two World Wars]. *Trudy kafedry istorii novogo i novejshego vremeni*. Saint Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. P. 124–148. (In Russian)
- Khodnev A.S. 1995. *Mezhdunarodnaya organizaciya v ozhidanii prigovora? Liga Nacij v mirovoj politike, 1919–1946: Ocherki istorii* [An International Organization Awaiting a Verdict? League of Nations in World Politics, 1919–1946: Essays on history]. Yaroslavl: YAGPU. 200 p. (In Russian)

Khodnev A.S. 2021a. Kolonializm, imperializm i Liga Nacij [Colonialism, Imperialism and the League of Nations]. *Novaya i Novejshaya istoriya*. №1. P. 104–116. DOI: 10.31857/S013038640009446-8 (In Russian).

Khodnev A.S. 2021b. Liga Nacij i liberijskij krizis 1929–1934 gg. [The League of Nations and the Liberian Crisis of 1929–1934]. *Vostok (Oriens)*. №3. P. 158–167. DOI: 10.31857/S086919080010573-7 (In Russian)

Khormach I.A. 2011. *Vozvrashchenie v mirovoe soobshchestvo: bor'ba i sotrudnichestvo Sovetskogo gosudarstva s Ligoj nacij v 1919–1934 gg.* [Return to the World Community: The Struggle and Cooperation of the Soviet State with the League of Nations in 1919–1934.] Moscow: Kuchkovo pole. 606 p. (In Russian)

Khormach I.A. 2017. *SSSR v Lige nacij, 1934–1939 gg.* [USSR in the League of Nations, 1934–1939] Moscow – Saint Peterburg: Centr humanitarnyh iniciativ. 430 p. (In Russian).

Naumov A.O. 2016. Mezhdunarodnye organizacii i grazhdanskaya vojna v Ispanii (1936–1939) [International Organizations and the Spanish Civil War (1936–1939)]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*. №56. P. 40–70. (In Russian)

Vasil'eva N.Yu. 2017. Liga Nacij v fokuse sovremennoj otechestvennoj istoriografii [The League of Nations in the Focus of Modern Russian Historiography]. *25 let vneshnej politike Rossii sb. materialov X Konventa RAMI (Moskva, 8–9 dekabrya 2016 g.). V 5 t. T. 3: Istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij: aktual'nye problemy otechestvennoj istoriografii / pod obshch. red. A.V. Mal'gina; (nauchn. red. A.V.Revyakin);* Moscow: MGIMO-University. P. 7–28. (In Russian).

Vasil'eva N.Yu. 2020. Obraz Ligi Nacij v diskurse russkoj porevolucionnoj emigracii nachala 1920-h godov [The Image of the League of Nations in the Discourse of Russian Post-revolutionary Emigration of the early 1920s.]. *Novaya i novejshaya istoriya*. №4. P. 54–66. DOI: 10.31857/S013038640010324-4 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Васильева Н.Ю. 2017. Лига Наций в фокусе современной отечественной историографии. *25 лет внешней политике России сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 3: История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии / под общ. ред. А.В. Мальгина; (научн. ред. А.В. Ревякин);* Москва: МГИМО-Университет. С. 7–28.

Васильева Н.Ю. 2020. Образ Лиги Наций в дискурсе русской пореволюционной эмиграции начала 1920-х годов. *Новая и новейшая история*. №4. С. 54–66. DOI: 10.31857/S013038640010324-4

Илюхина Р.М. 1982. *Лига Наций, 1919–1934*. Москва: Наука. 357 с.

Наумов А.О. 2016. Международные организации и гражданская война в Испании (1936–1939). *Государственное управление. Электронный вестник*. №56. С. 40–70.

Фокин В.И. 2010. Документальные публикации журнала «Международная интеллектуальная кооперация» как источник по истории международных отношений между двумя мировыми войнами. *Труды кафедры истории нового и новейшего времени*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. С. 124–148.

Ходнев А.С. 1995. *Международная организация в ожидании приговора? Лига Наций в мировой политике, 1919–1946: Очерки истории*. Ярославль: ЯГПУ. 200 с.

Ходнев А.С. 2021а. Колониализм, империализм и Лига Наций. *Новая и Новейшая история*. №1. С. 104–116. DOI: 10.31857/S013038640009446-8

Ходнев А.С. 2021б. Лига Наций и либерийский кризис 1929–1934 гг. *Восток (Oriens)*. №3. С. 158–167. DOI: 10.31857/S086919080010573-7

Хормач И.А. 2011. *Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919–1934 гг.* Москва: Кучково поле. 606 с.

Хормач И.А. 2017. *СССР в Лиге Наций, 1934–1939 гг.* Москва – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. 430 с.

Курдский фактор в политике США на пике кризисов в Иране и Афганистане, 1979 – январь 1981 гг.

В.Т. Юнгблюд, А.И. Сенников

Вятский государственный университет

В конце 1979 г. после захвата американского посольства в Тегеране сторонниками верховного лидера Исламской Республики Иран аятоллы Р. Хомейни (4 ноября) и ввода советских войск в Афганистан (25 декабря) Соединённые Штаты столкнулись с необходимостью существенной корректировки своего курса на Ближнем и Среднем Востоке. Аналитические, разведывательные и военные структуры США в поисках ответа на возникшие в связи с иранским и афганским кризисами вызовами задействовали различные ресурсы. В качестве одного из потенциальных рычагов влияния на развитие ситуации в регионе рассматривался курдский фактор. Аппарат СНБ, Государственный департамент, ЦРУ и Министерство обороны США анализировали курдское движение на предмет возможности его использования в собственных интересах. На основе документов Государственного департамента, Совета национальной безопасности и Центрального разведывательного управления в статье прослеживаются этапы выработки политики США в отношении движения курдов и его использования для достижения стратегических целей Вашингтона в условиях наиболее острой фазы иранского и афганского кризисов. Обосновываются выводы о том, что изначальная ошибочная оценка событий в Афганистане и Иране как воплощения продуманной цельной советской стратегии продвижения в район Персидского залива стала главной причиной несостоятельности расчётов Администрации Картера на использование курдов в качестве силы, способной противостоять режиму Хомейни и нерелевантности выводов о слабости иранского политического режима. Колебания в отношениях Вашингтона с Тегераном не способствовали выработке чёткой линии на афгано-иранском направлении.

Ключевые слова: США, Исламская республика Иран, СССР, курдский вопрос, Афганистан, заложники, тайные операции

УДК 327.8(73:5-15)“1979/1981”

Поступила в редакцию: 05.07.2023

Принята к публикации: 18.10.2023

В истории XX в. было несколько относительно непродолжительных, но насыщенных событиями отрезков времени, радикально изменивших равновесие сил в отдельных регионах мира и имевших значительные последствия для всего миропорядка. К числу таких периодов следует отнести 1979–1980 гг., когда внутривосточные процессы в Иране и Афганистане, казавшиеся изначально локальными, в конечном итоге привели в действие мощные национальные, этнические и религиозные движения. Наметившиеся региональные сдвиги имели глобальные экономические и геополитические последствия.

Для Администрации Картера обострение обстановки на Ближнем и Среднем Востоке было чревато труднопредсказуемыми последствиями, что побуждало искать варианты выхода из взаимосвязанных, но имевших разнонаправленные векторы развития кризисов – иранского и афганского. Предметом данного исследования является планирование и претворение в жизнь американской политики, которая, согласно замыслу её создателей, должна была стать цельной, рассчитанной на долговременную перспективу стратегией противостояния советскому вызову в одном из наиболее уязвимых на тот момент регионов периферии Холодной войны.

Обширная историография политики США на Ближнем и Среднем Востоке в конце 1970-х – начале 1980-х гг. в основном концентрируется на общей динамике международных отношений в этом регионе и выработке конкретных решений. Это характерно как для американских (Barfield 2023; Blight 2014; Emery 2013; Garthoff 1994; Hammond 1984; Hassan Kakar 1995; Hauner, Canfield 2018; Herring 2017; Johnson 2022; Leake 2022; Murray 2010; Ro'i 2022; Rubin 1985; Saikal 2010; Sargent 2015; Teitler 2020; Zegart 2022), так и для отечественных авторов (Агаев 1986; Агаев 1987; Арабаджян 1989; Арунова, Иваненко 2015; Иващенко 1997; Коргун 2004; Кременюк 1984; Муртазаева 2012; Никитенко 2004; Рабуш 2022; Спольников 1990; Топорков 2014; Фёдорова 2004; Христофоров 2016). Курдский вопрос в Иране в рассматриваемый период изучался только в контекстах внутрииранского политического процесса и ирано-иракского конфликта (Entessar 2017; Hassaniyan 2021; McDowall 2021; Vali 2020).

Данная статья продолжает исследования авторов по ближневосточной тематике, результаты которых публиковались в 2016–2023 гг. (Воробьёва, Юнгблюд 2016, 2019; Юнгблюд, Бакшаев 2022; Сенников 2019, 2020; Юнгблюд, Сенников 2023; Сенников 2019, 2020). На этот раз наше внимание сосредоточено на обсуждении альтернатив стратегии США с учётом фактора движения курдов, которое начинало претендовать на роль самостоятельного субъекта в региональной системе международных отношений. В этой связи цель данного исследования заключается в поиске ответов на взаимосвязанные вопросы: 1. Как события в Афганистане влияли на выработку политики США в отношении иранского кризиса? 2. Как в американском правительстве оценивали потенциал курдского движения и возможности его использования для достижения собственных стратегических целей в регионе?

Источниковую базу настоящего исследования составляют сравнительно недавно рассекреченные и опубликованные в XI и XII томах документов Государственного департамента США за 1977–1980 гг. (Foreign Relations of the United States – FRUS 2018, 2020), Центрального разведывательного управления (CIA, ЦРУ), Совета национальной безопасности (NSC, СНБ) США и президентской библиотеки Дж. Картера (JCPL).

Политика США на иранском и афганском направлениях, 1979 г.

Победа революций в Афганистане и Иране¹, а также продемонстрированное новыми режимами этих стран пренебрежение к США вынудили администрацию Картера искать союзников в этих странах среди деятелей умеренного, или относительно умеренного толка, чтобы развернуть политику Демократической Республики Афганистан (ДРА) и Исламской Республики Иран (ИРИ) от антиамериканизма к антисоветизму (Коргун 2004: 409; Saikal 2010: 112).

В Иране таким партнёром стал глава временного правительства М. Базарган. Несмотря на революционную риторику и склонность обвинять американцев почти во всех бедах иранского народа, в оценках масштабов советской угрозы в Юго-Западной Азии его позиция была близка к американской. С весны 1979 г. Иран оказывал ограниченную поддержку оппозиционным исламским группировкам в Афганистане в виде посреднических услуг в финансовых операциях и предоставления им убежища на своей территории, что санкционировалось аятоллой Хомейни и согласовывалось с представителями Вашингтона (Иващенко 1997: 52; Garthoff 1994: 922, 924).

Эту «идиллию» разрушила новость о прибытии в США 22 октября 1979 г. для лечения свергнутого шаха М.Р. Пехлеви и последовавший за этим 4 ноября захват американского посольства в Тегеране группой радикальных студентов-исламистов, объявивших себя сторонниками *рахбара* (аятоллы Р. Хомейни) и вскоре поддержанных им (Воробьёва, Юнгблюд 2019: 8). Успехи нормализации отношений лета 1979 г. пошли насмарку. Отдельные эксперты в Вашингтоне главной причиной неблагоприятного развития событий считали «руку Москвы», хотя и констатировали сохранение антагонизма между Тегераном и просоветским Кабулом (Leake 2022: 179).

Захват посольства нанёс мощный удар по репутации администрации Картера. Ей пришлось срочно менять стратегию, не отказываясь при этом от поощрения поддержки Тегераном афганской оппозиции и продолжая интриговать с главой Революционного совета Афганистана Х. Амином, с которым удалось

¹ Речь идёт о Саурской революции в Афганистане (июнь 1978 г.) и исламской революции в Иране (февраль 1978 – февраль 1979 гг.).

наладить регулярные контакты (Рабуш 2022: 112–115; Hammond 1984: 87–88, 113). Москва в то время была крайне озабочена поддержкой Соединёнными Штатами афганских оппозиционеров, а также фактами, казалось бы, указывавшими на желание Амина «переметнуться» к американцам (Воробьёва, Юнгблюд 2016: 111–112, 117–118; Христофоров 2016: 81–83; Ro'i 2022: 17).

Ввод в ночь с 24 на 25 декабря 1979 г. ограниченного контингента советских войск в Афганистан усложнил и без того непростую обстановку. Он возродил среди западных политиков образ «вековой российской империалистической угрозы» (Васильев 2018: 196; Hauner, Canfield 2018: 2). В Белом доме не без оснований считали, что быстрое «умиротворение Афганистана» при помощи СССР приведёт к репутационным потерям США (Сенников 2019: 95–96). Хотя надежды превратить Афганистан в «советский Вьетнам» зародились уже тогда², ключевые ответственные политики в Вашингтоне были сильно встревожены (Воробьёва, Юнгблюд 2016: 114; Herring 2017: 553; Teitler 2020: 56). Администрация Картера ответила Москве введением санкций (в первую очередь на поставки технологий и пшеницы), а также приостановила процесс ратификации договора ОСВ-2.

Иранское руководство посчитало афганскую ситуацию после ввода советских войск благоприятной для консолидации шиитских сил в борьбе как против СССР и ДРА, так и против США (Hassan Kakar 1995: 77). Практически это выражалось в пропагандистских кампаниях против «младшего дьявола» (СССР) наравне со «старшим дьяволом» (США). Поддержка Тегерана объяснялась исламскими традициями, согласно которым афганские беженцы считались мохаджерами (вынужденными переселенцами), – а страны, их принявшие (Иран и Пакистан), – ансарами (помогающими Пророку), долг которых состоял в том, чтобы приютить мохаджеров и обеспечить их всем необходимым для возвращения с оружием в руках в родные земли. Такая трактовка создала правовое оправдание помощи афганской исламской оппозиции в её борьбе против власти Национально-демократической партии Афганистана (НДПА) и советских войск (Спольников 1990: 39; Barfield 2023: 236).

Администрация Картера в поисках новой стратегии, январь – март 1980 г.

Исламская республика в Иране не способствовала гармонизации отношений шиитской теократической власти с курдами, большинство которых входило в светские секулярные организации или исповедовало суннизм. К началу исламской революции в Восточном Курдистане проживало около десяти мил-

² FRUS, 1977–1980. Volume XII. Afghanistan. Washington: GPO, 2018 (далее – FRUS 2018). P. 266.

лионов курдов, что составляло порядка 12% населения страны. При разработке политики на Ближнем и Среднем Востоке в Государственном департаменте США учитывали активную роль курдов в политической жизни Ирана, длительную историю их оппозиционности центральной власти, а также связи с многомиллионными анклавами этого народа на территории соседних ближневосточных государств.

С августа 1979 г. иранские курды находились в затяжном конфликте с Тегераном. После долгих безуспешных переговоров к октябрю 1979 г. стало понятно, что иранские власти не в состоянии подавить курдское движение, а сами курды не способны без помощи извне расширить движение и претендовать на сепарацию (Агаев 1987: 75–76; Entessar 2017: 322; McDowall 2021: 412–413). Пропагандистский аппарат режима Хомейни использовал курдское сопротивление как аргумент в пользу консолидации своих сторонников, обвиняя курдов в пособничестве «американскому империализму»³. И всё же в октябре между курдами и Тегераном было достигнуто соглашение о прекращении огня до января 1980 г. (Арабаджян 1989: 169, 183, 186).

До ноябрьских событий 1979 г. администрация Картера смотрела на курдское движение в Иране с опаской, поскольку надеялась на нормализацию отношений с Тегераном и рассчитывала избежать повторения иранского сценария в других частях Ближнего Востока, особенно в Турции, где курдские волнения проходили на фоне нестабильности правительств Б. Эджевита и С. Демиреля (Сенников 2020: 98).

Захват заложников скорректировал подходы членов американского правительства, разделив его на две части – «голубей» во главе с государственным секретарём С. Вэнсом, выступавших за дипломатическое разрешение кризиса, и «ястребов», ратовавших за применение силы. «Ястребов» возглавил советник президента по национальной безопасности Зб. Бжезинский, руководивший разработкой планов давления на Иран. Один из помощников Бжезинского Г. Сик, считавшийся специалистом по иранскому вопросу, докладывал о значительных ресурсах курдской оппозиции, на которые можно было рассчитывать в случае силовых акций против Тегерана⁴. Курдское движение считалось главным этнонациональным вызовом исламской республике и единственной силой, способной открыто противостоять режиму (Hassaniyan 2021: 85).

В ноябре–декабре 1979 г. Картер балансировал, не отдавая предпочтения ни «ястребам», ни «голубям». Против режима Хомейни были задействованы дипломатические, экономические и силовые рычаги, но санкционировать что-то

³ *FRUS, 1977–1980. Volume XI. Part 1. Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Washington: GPO, 2020 (далее – FRUS 2020). P. 245–246; National Archives and Records Administration. Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group Situation Reports No. 45. P. 1.*

⁴ *FRUS 2020: 86–88.*

большее, чем участие ЦРУ в сборе информации среди курдов, Картер не стал. Он рассчитывал разрешить иранский кризис дипломатически, чтобы сохранить потенциал Тегерана для дестабилизации соседнего просоветского государства.

Ввод советских войск в Афганистан принципиально изменил ситуацию. Бжезинский в этой связи писал Картеру, что «советской “решительности” противопоставлена наша сдержанность, которую уже нельзя называть благоразумной». Он воспринимал события в Иране и в Афганистане как целостный региональный кризис, который следовало решать комплексно, жёсткими методами⁵. Позиции «ястребов» усилились и стали доминирующими, что пришлось признать и президенту (Rubin 1985: 107; Sargent 2015: 288).

Помощника президента по национальной безопасности поддержал Сик, заявивший, что время уступок Хомейни «ради сохранения репутации» прошло. Все допустимые уступки сделаны, но иранская сторона отказалась ими воспользоваться. Настало время «действовать решительно и упорно, стиснув зубы», даже если это «не даст немедленного результата»⁶. В аппарате Белого дома и СНБ именно Сик стал главным сторонником привлечения курдов на американскую сторону в случае проведения военной операции.

Если ввод советских войск в Афганистан привёл к усилению позиций «ястребов» в Администрации Картера, то ситуация с Ираном была отягощена сдерживающими обстоятельствами: в заложниках у радикалов-исламистов находились граждане США, а попытка военной операции под предлогом их освобождения гипотетически угрожала прямым столкновением сверхдержав (Кременюк 1984: 127). К тому же моральное осуждение Вашингтоном вмешательства СССР в дела ДРА делало возможную силовую операцию против ИРИ уязвимой для критики в американском и мировом общественном мнении (Njølstad 2010: 150; Murray 2010: 32–33).

Утром 2 января 1980 г. состоялось заседание Специального координационного комитета (СКК)⁷, главной темой которого были тайные операции против Ирана⁸. Хотя большинство участников совещания сходились во мнении, что поддержка сепаратистских групп не отвечает интересам США, Бжезинский высказался в том смысле, что считает дезинтеграцию Ирана неизбежной, и заявил, что предпочитает видеть его лучше «разделённым, чем единым и про-

⁵ FRUS 2018: 265–266.

⁶ FRUS 2020: 340–341.

⁷ Комитет был создан распоряжением Картера в мае 1977 г. в целях подготовки рекомендаций для СНБ. В его состав вошли советник президента по национальной безопасности, государственный секретарь, министр обороны, директор центральной разведки, председатель Объединённого комитета начальников штабов (ОКНШ), генеральный прокурор и директор административно-бюджетного управления (последние двое в качестве наблюдателей до января 1978 г.). Председателем был вице-президент, а в случае отсутствия – либо государственный секретарь, либо советник по национальной безопасности (Юнгблюд, Сенников 2023).

⁸ FRUS 2020: 344.

советским». Картер поддержал этот тезис⁹. Было решено развивать контакты со всеми оппозиционными группами, включая курдов, не отдавая предпочтения ни одной конкретной.

На последующих заседаниях СКК (с 5 по 18 января) обсуждались главным образом возможности проведения военной операции. Большинство участников выступали за усиление военно-морской группировки в районе Персидского залива, а Бжезинский и его подчинённые (Д. Аарон, У. Одом) при поддержке ЦРУ (С. Тёрнер, Ф. Карлуччи) предлагали разработать планы вторжения или нанесения ударов по Ирану¹⁰. Против прямого вмешательства высказывался только Вэнс. Д. Ньюсом из Госдепартамента предложил военные приготовления в Индийском океане вести под предлогом ответа на советское вторжение в Афганистан, чтобы не дать режиму Хомейни повода использовать эти факты для консолидации сторонников¹¹.

Оценки Объединённого комитета начальников штабов (ОКНШ), Разведывательного управления министерства обороны (РУМО) и ЦРУ были подготовлены к 1 февраля. Они прогнозировали положительный для США исход конфликта в случае невмешательства СССР¹².

Наиболее «дипломатичную» позицию занял Вэнс. Его план был рассчитан на то, что иранское правительство под воздействием афганской ситуации скорректирует политику и рассмотрит американские предложения по урегулированию кризиса¹³. Он также выступил за смягчение ответа на советские действия в Афганистане и поддержал своего помощника М. Шульмана, специалиста по СССР, утверждавшего, что «советское вторжение в Афганистан было вызвано угрозой возникновения полумесяца враждебных антисоветских стран на его южных границах» (Emery 2013: 155). Возражения Бжезинского основывались на выводах разведки и ОКНШ, утверждавших, что Советский Союз нацелен на продвижение к Персидскому заливу и будет дестабилизировать Иран. Взгляд Вэнса–Шульмана был назван наивным, мнение Бжезинского возобладало.

Картер занимал двойственную позицию. На афганском направлении он соглашался на ужесточение курса, но в иранских делах старался придерживаться более дипломатической линии, полностью не отвергая силового варианта. Как отметил член аппарата Белого дома С. Эйзенстат, Картер отклонил предложение Бжезинского «разбомбить Тегеран к чертям, даже если погибнут заложники», предпочтя переговорную тактику и тайные операции (Eizenstat 2020: 803, 808). Работавшие аналитиками в РУМО и ЦРУ в 1970–1980-х гг. Ч. Коган

⁹ *FRUS 2020*: 344.

¹⁰ *FRUS 2020*: 346–347, 357, 358–361, 364–365.

¹¹ *FRUS 2020*: 408–409.

¹² *FRUS 2020*: 439–440.

¹³ *FRUS 2020*: 348–350; Public Papers of the Presidents of the United States, 1980–81. Book 1: January 1 to May 23, 1980. Washington: US GPO, 1981. P. 11.

и Б. Ридель действия Картера характеризовали как «квазипацифизм», поясняя, что президент отказывался от жёстких мер до наступления момента агонии – точки, когда уже невозможно ничего не делать; и только тогда принималось решение, наиболее активно проталкиваемое кем-то из его помощников (не всегда сбалансированное и адекватное ситуации) (Blight 2014: 79–80).

Одним из пунктов повестки предполагаемых переговоров между США и Ираном были двусторонние консультации по поводу «угрозы, исходящей от советского вторжения в Афганистан». С этой целью Вашингтон был готов направить в Иран своего представителя. В случае урегулирования кризиса не исключалось оказание Тегерану помощи в укреплении безопасности и возобновление американских военных поставок. Параллельно развивалась эпопея по перемещению шаха М.Р. Пехлеви из США сначала в Панаму, а затем в Египет¹⁴.

Однако дипломатические инициативы и жесты не были удостоены официального внимания Тегерана – те чиновники, с которыми американцам удавалось установить контакты, действовали только от своего имени. По этому поводу Сик саркастически заметил: «Мы ведём переговоры сами с собой»¹⁵.

Тем временем Картер сделал ряд публичных заявлений, свидетельствовавших об отсутствии у Администрации согласованной стратегии. Наличие в его выступлениях противоположных по смыслу тезисов – о стремлении решить иранский кризис мирными средствами «без кровопролития», о готовности защищать интересы США в регионе силой, об угрозе советского экспансионизма в Юго-Западной Азии для мировых поставок нефти и необходимости для всех стран региона, в том числе Ирана, противодействовать этому¹⁶ – расценивалось как следствие разногласий между Бжезинским и Вэнсом. Тем не менее в большинстве его выступлений иранская и афганская проблемы звучали в связке и выглядели взаимозависимыми (Garthoff 1994: 944).

Итоговым ответом Белого дома на иранский и афганский вызовы стала доктрина Картера, озвученная 23 января 1980 г. (Carter 1982: 471–472), в которой он обвинил Советский Союз в нарушении международного порядка и призвал «союзников и друзей» США консолидироваться для отпора советским «радикальным и агрессивным шагам»¹⁷. Касаясь отношений с Ираном, президент подчеркнул важность сохранения жизней заложников и их скорейшего освобождения, дезавуировал обвинения в агрессивных намерениях Вашингтона. Возможность применения силы он допускал только в случае актов насилия в отношении американских дипломатов. Президент призвал союзников США поддержать амери-

¹⁴ FRUS 2020: 363, 376, 502–503.

¹⁵ FRUS 2020: 361–362, 433–434, 437.

¹⁶ В пресс-релизах по итогу встреч с чиновниками Белого дома 2 и 11 января, в общении с конгрессменами и сенаторами 3 и 8 января, в обращении к нации 4 января, на встречах с прессой 7, 15 и 20 января, на встрече с представителями бизнеса 13 января. См.: *Public Papers...*, Book 1, 1981, P. 21–22, 36, 38–42, 64, 68–69, 72, 87–88, 111–113.

¹⁷ *Public Papers...*, Book 1, 1981. P. 194.

канский курс, а руководство Ирана – понять, что «настоящая угроза их народу исходит с севера от Советского Союза и советских войск в Афганистане». Ирану предлагалось прекратить «безосновательные споры» с США и ответить на более значимую опасность¹⁸.

В Белом доме надеялись, что иранский режим, осознав угрозу в лице СССР, освободит заложников и присоединится к политике США в отношении Афганистана (Emery 2013: 156). Однако антисоветскую риторику в Иране поддерживали лишь немногие интеллектуалы и члены правительства¹⁹. На религиозных деятелей, занятых в тот момент консолидацией власти внутри страны, заметного впечатления доктрина Картера не произвела. В течение месяца после ввода советских войск высшие иранские лица подходили к афганскому вопросу сдержанно (Муртазаева 2012: 87–88; Emery 2013: 157, 166), тогда как американское правительство, опираясь на ошибочные выводы собственных экспертов, питало иллюзорные надежды на рост антисоветских настроений²⁰.

В начале февраля 1980 г. Хомейни выступил с посланием, провозгласив доктрину экспорта исламской революции. Он заявил, в частности, что Иран не будет ни с прозападным, ни просоветским, но будет происламским и джихадистским (сражающимся за идеалы ислама) (Орлов 1999: 110). Послание, на Западе иногда называемое доктриной Хомейни, стало ответом Тегерана как на ввод советских войск в Афганистан, так и на доктрину Картера.

4 февраля президентом ИРИ стал А. Банисадр, имевший репутацию «исламского экономиста» (Виноградов 2016: 151–153). Он был умеренным сторонником Хомейни, выступал с позиций неприсоединения и равного сотрудничества с обеими сверхдержавами, критиковал как ввод советских войск в Афганистан, так и рост американского присутствия на Ближнем и Среднем Востоке. Банисадр считал необходимым скорейшее разрешение вопроса с заложниками, чтобы снять санкционное давление на страну (Фёдорова 2004: 27). При этом он противопоставлял себя Базаргану, проводившему курс на улучшение отношений с США, обвинял Вашингтон в поддержке сепаратизма иранских этнических меньшинств, особенно курдов (Emery 2013: 157–158, 166).

Ещё до вступления в должность Банисадр через египетского журналиста М. Хейкала направил в Вашингтон письмо, в котором обещал сделать вопрос об освобождении заложников приоритетным и разрешить его в марте. Он также снял все претензии к США по поводу экстрадиции шаха (но не его имущества). Послание было хорошо воспринято в Белом доме, хотя там и надеялись уладить

¹⁸ *Public Papers...*, Book 1, 1981. P. 195.

¹⁹ Посол В.М. Виноградов прямо обвинял С. Готбзаде (министра иностранных дел Ирана в ноябре 1979 – сентябре 1980 гг.) в антисоветизме и выслуживании перед американцами, а также в организации нападения на советское посольство 1 января 1980 г. См.: (Виноградов 2016: 144, 148).

²⁰ Memorandum "A Soviet «Best Case» for Military Intervention in Iran", 19 February 1980. CIA Electronic Library; *FRUS* 2020: 374–375, 384, 411–412.

всё быстрее²¹. В условиях высокой политической турбулентности даже такой человек, как Банисадр, немногим более светский, чем исламское духовенство вокруг Хомейни, оценивался как достаточно хороший партнёр для переговоров²².

Ситуация для Вашингтона оставалась тревожной. Хотя избрание Банисадра, казалось бы, играло на руку в афганском кризисе и могло сдвинуть с места вопрос с заложниками, доктрина Хомейни создавала угрозу радикализации ислама в соседних мусульманских странах – Ираке, Пакистане, Саудовской Аравии. Новый курс Тегерана не гарантировал соблюдения интересов США в регионе и шёл вразрез с доктриной Картера²³. Другим фактором, серьёзно повлиявшим на оценку американским руководством ситуации в Иране и готовность сотрудничать с новым президентом ИРИ, были опасения дальнейшей экспансии СССР на юг – в Иран и Пакистан. РУМО и ЦРУ оценивали вероятность такого сценария высоко, чем не преминул воспользоваться Бжезинский, сохранявший в поле зрения Белого дома военный вариант разрешения конфликта²⁴.

В таких обстоятельствах Администрация Картера решила спонсировать создание комиссии ООН для рассмотрения иранских претензий к США. Тегеран отреагировал положительно и согласился принять комиссию²⁵. В Вашингтоне рассчитывали, что посредничество ООН ускорит освобождение заложников. Картер был более чем оптимистичен на этот счёт, и заявил, что желает видеть Иран «единым, независимым, свободным и защищённым», намекнув, что в случае запроса о помощи Штаты готовы её оказать²⁶. Иранскому правительству были направлены секретные предложения о разработке общих подходов к советской угрозе в Афганистане и обмене информацией (точнее, о её передаче американцами иранцам) о передвижении и дислокации советских войск (Emery 2013: 159). Послания остались без ответа, однако в марте 1980 г. иранский режим заявил, что не приемлет дальнейшего нахождения советских войск на территории Афганистана. Тегеран также предпринял первые поставки вооружения исламской (шиитской) оппозиции в Афганистане (Никитенко 2004: 72; Топорков 2014: 142).

Одновременно Вашингтон направил дополнительные военные корабли и подразделения морской пехоты в Индийский океан, чтобы продемонстрировать потенциал развёртывания и усилить уже имевшуюся там группировку. Этот жест вызвал со стороны Ирана дипломатические протесты. Переброска дополнительных армейских частей американской армии в зону Персидского залива под предлогом ответа на советскую агрессию оценивалась в Тегеране как подготовка «карательных мер» против Ирана (Кременюк 1984: 129–130).

²¹ FRUS 2020: 459–461.

²² Public Papers..., Book 1, 1981, P. 724.

²³ Public Papers..., Book 1, 1981. P. 228.

²⁴ FRUS 2020: 475–476, 488.

²⁵ FRUS 2020: 493.

²⁶ FRUS 2020: 485; Public Papers..., Book 1, 1981, P. 356, 386.

Курдская тема в американской повестке, январь–март 1980 г.

На фоне событий в Иране и Афганистане американские разведывательные службы не прекращали следить за развитием ситуации в Иранском Курдистане, где с начала 1980 г. активизировались антихомейнистские силы²⁷.

В докладах ЦРУ, подготовленных в конце декабря, когда между Тегераном и курдами действовало негласное соглашение о прекращении огня, сообщалось о воздействии советского вторжения в Афганистан на пограничные с СССР районы, где проживали этнические меньшинства, в том числе на Иранский Курдистан. Утверждалось, что Москва могла стоять за временным перемирием между исламской властью и курдскими мятежниками; указывалось на косвенную советскую вовлечённость в гуманитарную поддержку странами социалистического блока левоориентированных курдских организаций. По мнению аналитиков разведки, тлеющий конфликт на окраине Ирана был выгоден Москве для давления на режим Хомейни²⁸.

В ежедневном докладе ЦРУ от 2 января уже утверждалось, что нет прямых доказательств связи между иранскими курдами и СССР, что их интересы различаются – если курды хотят независимости, то Москва через партию «Туде» поддерживает исламский режим²⁹. 3 января указывалось, что курды предпочитают ненасильственные демонстрации, заявляют о приверженности территориальной целостности Ирана, требуют автономии и вывода из Иранского Курдистана сил Корпуса стражей исламской революции (КСИР)³⁰. Подобные разночтения свидетельствовали, во-первых, о сложностях с получением информации в связи с утратой постоянных контактов с местной агентурой; во-вторых, о разном отношении к курдам разных оперативных и аналитических групп разведки; в-третьих, о наличии разнонаправленных запросов из высших инстанций, пытавшихся включить курдское движение в собственное видение происходящего.

6 января Сик встречался на конспиративной квартире в Нью-Йорке с делегатами иранской оппозиции, среди которых был представитель курдского движения (состав делегации не рассекречен). Обсуждались как общая политическая ситуация в Иране, так и конкретные действия, которые можно было предпринять для дестабилизации режима Хомейни. Важно отметить, что иранская оппозиция обозначила иранский новый год (Навруз – 21 марта 1980 г.)

²⁷ FRUS 2020: 427–428.

²⁸ Memorandum "Iran: Growing Leftist Influence Among Minorities", January 1, 1980. *CIA Electronic Library*; Memorandum "Impact of Iranian and Afghan events on South Asia", January 1, 1980. *CIA Electronic Library*.

²⁹ National Intelligence Daily, Wednesday, January 2, 1980. *CIA Electronic Library*.

³⁰ National Intelligence Daily, Thursday, January 3, 1980. *CIA Electronic Library*. Отдельные вооружённые формирования КСИР были введены в центральные города провинций Западный Азербайджан (Урмия, Мехабад) и Кордестан (Сенендедж) в августе 1979 г. после того, как полицейские и армейские части показали малую эффективность в подавлении этнических выступлений.

крайней точкой для начала политических выступлений³¹. ЦРУ предполагало, что иранские курды и азербайджанцы из числа сторонников умеренно-либерального аятоллы М. Шариатмадари отправятся маршем протеста в Кум (город, где располагалась резиденция аятоллы Хомейни и где под стражей содержался Шариатмадари)³².

12 января Сик писал, что ситуация в Иранском Курдистане поставила страну на грань гражданской войны, и чтобы этого не допустить, официальному Тегерану придётся пойти на сотрудничество с США. Он также считал, что события в соседнем Афганистане заботят Хомейни куда серьёзнее, чем он показывает это на публике. Контакты со сторонниками режима тем не менее свидетельствовали об обратном. Располагая противоречивой информацией, 15 января члены СКК решили в публичных выступлениях связывать рост курдского сопротивления в Иране с советским влиянием и пытаться убедить в этом Тегеран через открытые и секретные каналы³³.

В начале февраля по заказу СНБ был подготовлен доклад ЦРУ «Курды Ирана: суровые люди на суровой земле». В нём утверждалось, что, несмотря на фактическое получение курдами автономии, в исламской республике она не легализована должным образом, что привело к противостоянию курдов с режимом Хомейни. Доклад указывал на неспособность правительства Банисадра решить курдский вопрос силой и содержал краткий анализ специфики территории Иранского Курдистана на случай развёртывания здесь боевых операций, содержание которого выходило за рамки возможностей самих курдов и даже иранской армии (речь шла о применении танков, авиации, артиллерийских и ракетных систем)³⁴.

В феврале 1980 г. Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК) провела IV партийный съезд в Мехабаде и, несмотря на продолжавшееся противостояние с исламским режимом, в целом одобрила итоги иранской революции 1979 г. и высказалась в пользу территориальной целостности страны. Главным условием примирения выдвигалась автономия (этническая, а не религиозная, как предлагал Тегеран). Съезд одобрил программу президента Банисадра и призвал к расширению свободы этнических меньшинств (Entessar 2017: 311). В тот момент подобная риторика отвечала интересам Вашингтона.

Однако уже во второй половине февраля 1980 г. исламский режим отклонил претензии курдов на автономию, отказался от прекращения огня, объявил о запрете курдских политических партий и организаций, в Иранском Курдистане стали сосредотачиваться дополнительные подразделения КСИР и религиозно-

³¹ FRUS 2020: 353–355.

³² National Intelligence Daily, Wednesday, January 9, 1980. *CIA Electronic Library*.

³³ FRUS 2020: 375, 384, 391.

³⁴ Memorandum “The Kurds of Iran: A Rugged People in a Rugged Land”, February 1, 1980. *CIA Electronic Library*.

го ополчения (басидж) для подавления выступлений меньшинств (Арабаджян 1989: 268–270; Entessar 2017: 312). Действия Тегерана немедленно вызвали ответную реакцию – отдельные курдские организации в сотрудничестве с Парижской группой иранской оппозиции, возглавляемой последним шахским премьер-министром Ш. Бахтияром и спонсируемой правительством Ирака, приступили к подготовке вооружённого свержения исламского режима³⁵. В Вашингтоне считали, что подобные планы не представляют серьёзной угрозы власти Хомейни, но могут пошатнуть положение нового иранского президента, а значит, и повредить перспективам освобождения заложников. Планы оппозиции и курдов на данном этапе не нашли понимания и поддержки в Вашингтоне.

Миссия спасения: планы и результаты, март–апрель 1980 г.

Надежды Картера на скорое решение проблемы с заложниками не оправдались. В первой половине марта стало ясно, что Тегеран не стремится прийти к взаимопониманию ни с аппаратом ООН, ни с американцами³⁶. Разведка и иностранные дипломаты сообщали, что «ученики имама», захватившие заложников, не признавали Банисадра и не собирались ничего делать без разрешения *рахбара*³⁷. В тот момент произошло ухудшение здоровья Хомейни, который устранился от текущих дел³⁸. Иные клерикальные лидеры не были заинтересованы в освобождении заложников, а у Банисадра не хватало авторитета и власти что-либо предпринять. «Ученики имама», получив свободу действий, отказались допускать членов комиссии ООН к заложникам. Деятельность комиссии окончилась безрезультатно, она покинула Иран³⁹, что вызвало раздражение американского руководства⁴⁰.

Возникшее напряжение в отношениях Банисадра, выступавшего за освобождение заложников на приемлемых условиях, и сторонников жёсткой исламской линии во главе с аятоллой М. Бехешти, выдвигавшим заведомо невыполнимые для США требования, при публичном нейтралитете *рахбара*, использовавшего борьбу для укрепления собственного авторитета, замедлило переговоры⁴¹ (Виноградов 2016: 165–166; Entessar 2017: 312). К началу апреля появились признаки сближения позиций Банисадра и Хомейни по курдскому вопросу. В США рассчитывали на договороспособность иранского президента

³⁵ FRUS 2020: 478.

³⁶ Public Papers..., Book 1, 1981, P. 455.

³⁷ FRUS 2020: 489.

³⁸ FRUS 2020: 493, 495.

³⁹ FRUS 2020: 507, 510, 518–519.

⁴⁰ FRUS 2020: 520; Public Papers..., Book 1, 1981, P. 459.

⁴¹ FRUS 2020: 498; Public Papers of the Presidents of the United States, 1980–81. Book 2: May 24 to September 26, 1980. Washington: US GPO, 1982, P. 1088; National Intelligence Daily, Tuesday, March 11, 1980. CIA Electronic Library.

и отнеслись к этой новости сдержанно, хотя разведка и указывала, что восприимчивость к хомейнистской повестке может быть следствием слабости его позиции⁴².

Руководство США по-прежнему пользовалось противоречивыми сведениями по курдской теме. В одном из докладов разведки в первой половине марта утверждалось, что курдские организации идут на обострение отношений с центральным правительством по прямому указанию КГБ СССР⁴³, но менее чем через три недели сообщалось, что ДПИК исключила из своих рядов сторонников просоветской партии «Туде» из-за разногласий в вопросах взаимодействия с исламским режимом⁴⁴. Отмечалось также, что базировавшаяся в советском Азербайджане радиостанция «Национальный голос Ирана» перестала вещать на курдском языке⁴⁵.

Во второй половине марта Белый дом ужесточил риторику и стал прямо называть удерживавшие заложников вооружённые формирования террористами⁴⁶. На заседании СНБ 11 марта обсуждались целесообразность разрыва дипломатических отношений и установления военно-морской блокады Персидского залива. Несмотря на позитивное отношение участников заседания к проведению спецопераций на территории ИРИ⁴⁷, президент не торопил события. Только 25 марта он сообщил европейским союзникам, что, если заложники не будут освобождены к началу мая, США предпримут решительные действия (Emery 2013: 167). Очевидно, в тот момент Картер всё ещё надеялся договориться с Банисадром. Несмотря на доклады разведки и мнение отдельных аналитиков, он, вероятно, не до конца осознавал, что возможности иранского президента серьёзно ограничены – реальные рычаги управления находились у Исламского революционного совета (Jordan 1982: 179–181). Тем не менее по распоряжению аппарата СНБ, ОКНШ, РУМО и ЦРУ ускорили разработку планов секретной военной операции⁴⁸.

7 апреля Хомейни объявил, что проблема заложников будет передана на обсуждение депутатам нового состава меджлиса (выборы были назначены на конец апреля), тем самым выхватив инициативу из рук иранского правительства. Реакция Администрации США была, как ей казалось, жёсткой: Картер объявил о разрыве дипломатических отношений с Ираном, введении полного экономического эмбарго⁴⁹. Он также заявил, что готов к применению «законной силы»,

⁴² National Intelligence Daily, Wednesday, April 2, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁴³ Memorandum "Soviet Covert Action in Iran", March 10, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁴⁴ Memorandum "Iran: Recent Tudeh Party Activity", April 1, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁴⁵ Memorandum "National Voice of Iran Broadcasts: January–March 1980", April 1, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁴⁶ *Public Papers...*, Book 1, 1981, P. 490.

⁴⁷ *FRUS 2020*: 521–525.

⁴⁸ *FRUS 2020*: 517.

⁴⁹ *Public Papers...*, Book 1, 1981, P. 611–615.

и назвал иранское правительство либо недобросовестным в своих обещаниях, либо слишком слабым, чтобы их выполнить⁵⁰. Однако эти заявления на Хомейни впечатления не произвели (Кременюк 1984: 130–131; Emery 2013: 166).

В течение первой половины апреля Бжезинский призывал президента к жёстким действиям, используя в качестве рычага давления советский фактор. Его главный аргумент сводился к тому, что, как и в случае с Афганистаном, советский курс в отношении Ирана с неизбежностью приведёт к вторжению: «Если Москва решит действовать, у нас будет не больше пары дней, чтобы отреагировать»⁵¹. Согласно его логике, демонстрация силы в Иране была необходима не столько ради спасения заложников, сколько для сдерживающего воздействия на Советский Союз. Примерно в то же время директор ЦРУ С. Тёрнер отмечал, что в Белом доме осознавали, что одними санкциями невозможно снизить накал критики избирателями и СМИ нерешительного курса Администрации (Zegart 2022: 178).

Картер склонялся к сочетанию сдержанности и осторожной демонстрации силы (минированию иранских вод в Персидском заливе), но эксперты СНБ и ОКНШ считали этого недостаточным. Министр обороны Г. Браун заявил, что имитация решительных действий не приведёт к возвращению заложников домой, а глава аппарата Белого дома Г. Джордан с мрачным сарказмом добавил: «Разве что в гробах» (Eizenstat 2020: 809). За исключением госсекретаря Вэнса практически все высшие чины высказывались за проведение спасательной операции⁵² (Eizenstat 2020: 824, 826; Glad 2009: 263–264; Rubin 1985: 119).

П. Хенце, аналитик СНБ и бывший эксперт ЦРУ в области советского радиовещания, писал Бжезинскому, что «СССР не сможет устоять перед искушением захватить большую часть Ирана». Москва, по его мнению, намеренно провоцировала внутреннюю нестабильность в Иране, используя для этого радикальные левые группы и меньшинства, в том числе курдские группировки. Хенце прогнозировал, что в случае военной операции США Иран распадётся на несколько частей, и, если Вашингтон желает этого избежать, ему необходимо готовить полномасштабное вторжение («оккупацию значительной части страны»)⁵³.

Бжезинский основательно подготовил президента к обсуждению образовавшейся тупиковой ситуации. В направленной Картеру 10 апреля памятной записке он подробно рассмотрел потенциальные плюсы и минусы двух альтернативных стратегий. Первая из них предполагала постепенную эскалацию иранского кризиса, допускавшую поэтапное наращивание силового давления (вплоть до объявления войны) с целью «убедить аятоллу и его последователей

⁵⁰ *Public Papers...*, Book 1, 1981, P. 633, 660.

⁵¹ *FRUS* 2020: 681–682, 692–694.

⁵² *FRUS* 2020: 686–689.

⁵³ Henze to Brzezinski, 'Iran and Soviets', April 11, 1980. *CIA Electronic Library*.

в том, что дальнейшее удержание заложников обречено на провал». Согласно второй, предлагалось провести спасательную операцию, которая в случае успеха «лишала аятоллу рычага давления на переговорах и разрушала присущую ему ауру непобедимости». Предвидя возможный ответ Тегерана на вооружённую акцию американских спецслужб на своей территории, он предлагал «практически сразу же нанести массированные удары по ключевым иранским объектам»⁵⁴.

Первый из предложенных вариантов он рекомендовал отклонить, исходя из того, что политика «градуированного давления» вдохновит племена курдов и другие оппозиционные силы на восстание против клерикального режима, что могло стать «непреодолимым соблазном для СССР перейти границу». Ключевой аргумент в его аналитических построениях сводился к идее неразрывной взаимосвязи между якобы инициированными Москвой событиями в Афганистане и Иране. В случае поэтапного нагнетания американского силового давления он предсказывал интервенцию советских вооружённых сил и создание под предлогом «защиты исламской революции» нового правительства Ирана, подконтрольного партии «Туде». При этом он ссылаясь на высокую вероятность повторения афганского сценария: «Советы неуклонно наращивали свой военный потенциал вблизи иранской границы и заручились поддержкой своих сторонников в этой стране, поддерживая Хомейни против США»⁵⁵. Хотя в рассуждениях Бжезинского имелись логические неувязки и отсутствовали ссылки на факты, впечатление на президента они произвели.

План спасательной операции, о которой шла речь с ноября 1979 г., обсуждался на заседаниях СНБ 11 и 15 апреля, а 16 апреля письменно был одобрен президентом⁵⁶. Картер согласился на миссию спасения заложников, но отказался от более масштабных акций (Emery 2013: 167). 17 апреля он публично предупредил иранское руководство, что, если заложники не будут освобождены, «Соединённые Штаты примут меры», как уже задействованные экономические и политические, так и пока не применявшиеся военные. Соглашаться на затягивание с решением этого вопроса (иранцы предполагали отложить решение до лета 1980 г.) он не собирался⁵⁷.

Незадолго до начала операции ЦРУ предоставило ситуационный анализ положения дел в иранской оппозиции. Эксперты утверждали, что, несмотря на разногласия между различными группами, в случае масштабной атаки США те выступят единым фронтом. Прогнозировались протестные выступления

⁵⁴ FRUS 2020: 672.

⁵⁵ FRUS 2020: 671-673.

⁵⁶ FRUS 2020: 690, 701.

⁵⁷ Public Papers..., Book 1, 1981, P. 705, 707, 709.

в Иранском Курдистане⁵⁸. 19–21 апреля там имели место столкновения курдских вооружённых групп и правительственных сил, что могло свидетельствовать о подготовке к более крупным выступлениям⁵⁹.

Решение Картера ограничиться миссией спасения заложников, отказавшись от бомбардировок Тегерана и захвата нефтеносных южных районов, вызвало негодование Бжезинского. Ещё больше он был недоволен отстранением СНБ от оперативного управления миссией – ответственность была возложена на Министерство обороны и ОКНШ. Операция готовилась в условиях повышенной секретности, меры предосторожности распространялись даже на Белый дом, поскольку считалось, что советские агенты и отсюда могут черпать информацию (Brzezinski 1983: 495–497; Carter 1982: 510–517; Eizenstat 2020: 826–828; Jordan 1982: 241–253).

Операция «Орлиный коготь» (Eagle Claw) прошла в ночь с 24 на 25 апреля и закончилась полным провалом⁶⁰. Миссию пришлось прервать фактически на начальной стадии из-за существенных небоевых потерь, просчётов в планировании и полной утраты фактора внезапности. Вторгнувшаяся на территорию Ирана с целью освобождения заложников группа «Дельта» была эвакуирована на транспортных самолётах, бросив на месте высадки тела восьми погибших военнослужащих, пять новейших вертолётов и большое количество секретной документации. Утром 25 апреля в обращении к нации президент признал провал, заявив, что операция носила гуманитарный характер и не была направлена против Ирана или его граждан⁶¹. Сведения об инциденте вызвали шквал критики как в США, так и по всему миру⁶² (Eizenstat 2020: 833, 835; Herring 2017: 559).

В работах советских авторов упоминалось, что операция 25 апреля должна была стать «сигналом для выступления противников режима Хомейни», а «военно-морские силы США в Персидском заливе были готовы поддержать это выступление» (Арабаджян 1989: 391; Кременюк 1984: 134). Возможно, эти предположения и имели основания⁶³, но к моменту прекращения операции восстания даже не начались.

Как позднее утверждал С. Эйзенстат, расчёт Бжезинского строился на том, что в ходе акции удастся завязать бои, сопровождающиеся потерями среди заложников, участников штурмовой спецгруппы, а также иранских «террористов». При таком повороте событий Иран сам мог объявить войну, освободив Картера от «моральных терзаний» (Eizenstat 2020: 827; Glad 2009: 266). Помощь

⁵⁸ FRUS 2020: 698–701.

⁵⁹ National Intelligence Daily, Saturday, April 19, 1980. CIA Electronic Library; National Intelligence Daily, Monday, April 21, 1980. CIA Electronic Library.

⁶⁰ FRUS 2020: 706–708, 728–730.

⁶¹ FRUS 2020: 733; Public Papers..., Book 1, 1981, P. 772–773.

⁶² Public Papers..., Book 1, 1981, P. 787, 794–796, 799–800, 876, 888; The Washington Post, April 26, 1980.

⁶³ NSC Weekly Report #138, April 25, 1980. CIA Electronic Library.

ник президента в своих воспоминаниях таких подробностей не приводил, но заметил, что лично он «не испытывал политических или моральных угрызений» в связи с проведением миссии, и считал, что она обернулась «парадоксальной выгодой» для американской внешней политики (Brzezinski 1983: 500).

Б. Глэд, подробно изучившая эти события, пишет, что подобные операции в XX в. чаще всего заканчивались неудачами, а в условиях таких густонаселённых городов, как Тегеран, они вообще никогда не проводились. По предварительным оценкам ЦРУ потери могли составить около 45% среди бойцов и 60% среди заложников. С учётом слабой подготовленности десантировавшейся группы и межведомственной разобщённости, неудачная попытка 25 апреля, по её мнению, выглядела даже лучше, чем предполагавшийся удачный исход (Glad 2009: 265–267). «Парадоксальные выгоды» операции «Орлиный коготь», о которых писал Бжезинский, заключались, по его мнению, в снижении градуса воинственности массовых настроений в США, что позволило сконцентрироваться на дипломатических методах урегулирования кризиса, для самой Администрации обернулись катастрофой, непоправимой в условиях начавшихся президентских выборов.

Курс на восстановление связей с курдской оппозицией, апрель–август 1980 г.

Неудача с вызволением заложников нанесла ущерб репутации президента (Sargent 2015: 293). Бжезинский – главный инициатор акции спасения – ввиду того, что его прогнозы на возможное восстание курдов или вторжение советских войск со стороны Афганистана подтверждения не получили, также понёс существенные репутационные потери. Тем не менее уход с поста государственного секретаря Вэнса (28 апреля) обнажил внутренние разногласия в Администрации⁶⁴ и закрепил победу «ястребов» в длительной аппаратной борьбе. С уходом Вэнса администрация потеряла одного из главных сторонников «сдержанности» в отношении советской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Пришедший ему на смену Э. Маски не возражал против военной эскалации и тайных операций⁶⁵.

После неудачной миссии освобождения иранцы вывезли заложников и здания посольства и рассредоточили по разным уголкам страны. В конце мая 1980 г. собрался меджлис, которому было доверено решение их судьбы. Парламентарии избрали тактику затягивания обсуждения. Тем временем кончина в Египте

⁶⁴ *Public Papers...*, Book 1, 1981, P. 781.

⁶⁵ *FRUS* 2020: 767.

бывшего шаха в июле 1980 г.⁶⁶, чей въезд в США в октябре 1979 г. и спровоцировал захват посольства, устранила один из факторов американо-иранских разногласий (Виноградов 2016: 149).

В апреле и мае Вашингтон отверг предложения советского и афганского правительств по урегулированию конфликта, назвав их «косметическими и ничего не значащими» и потребовав прелиминарного вывода советских войск из Афганистана (Иващенко 1997: 81). На майской встрече в Вене А.А. Громыко, в свою очередь, сдержанно критиковал дебютировавшего госсекретаря за действия США в Иране⁶⁷.

Тем временем в отношении ИРИ был разработан «новый дипломатический» курс. Предлагалось умеренное расширение санкций в сочетании с угрозами применить военную силу в случае нанесения вреда заложникам. Главная ставка делалась на достижение результата дипломатическим путём. Расчёт строился на страхе Ирана перед угрозой военной операции, в которой Вашингтон поддерживает иранская оппозиция и курды: «Не следует разубеждать их в том, что мы можем это сделать, даже если не будем»⁶⁸. Официальным и неформальным иранским лидерам рекомендовалось сообщать о стремлении США сохранить территориальную целостность Ирана и мирным путём решить вопросы с этническими меньшинствами, в то же время продолжая работу с оппозиций и поощряя её антиправительственные устремления⁶⁹. Применительно к иранским курдам такой курс означал позитивный нейтралитет в случае их восстания против режима, при готовности от него немедленно отказаться и игнорировать курдский вопрос, если удастся договориться с Тегераном по главным вопросам собственной повестки. Картер внёс в этот план дополнительный пункт – при работе с оппозиционными группами сообщать им, что не стоит ожидать прямого финансирования и открытой поддержки до тех пор, пока все заложники не будут освобождены⁷⁰. В середине мая в общении с прессой он подтвердил, что военная операция в Иране остаётся среди опций его правительства⁷¹.

В конце апреля иранские курды пошли на соглашение по прекращению огня с правительством Банисадра. Однако аятолла Хомейни раскритиковал президента за мягкую позицию в отношении симпатизантов США «в критический момент американского вторжения»⁷². Банисадр быстро изменил отношение к курдам, повторив критику Хомейни в их адрес, и отказался направлять делегацию на переговоры⁷³.

⁶⁶ FRUS 2020: 868.

⁶⁷ FRUS 2020: 779–780.

⁶⁸ FRUS 2020: 744–747.

⁶⁹ FRUS 2020: 748.

⁷⁰ JCPL. Office of the Chief of Staff Files. *Hamilton Jordan's Confidential Files, 1977–1980*. Iran, 5/80. Container 35. P. 11.

⁷¹ *Public Papers...*, Book 1, 1981, P. 882.

⁷² National Intelligence Daily, Monday, April 28, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁷³ National Intelligence Daily, Wednesday, April 30, 1980. *CIA Electronic Library*.

Антикурдская военная кампания Тегерана достигла пика в мае, когда был захвачен один из главных центров курдского движения – город Сенендедж, в котором по разным оценкам было истреблено от 5 до 10 тыс. человек (Арабаджян 1989: 233). По этому поводу Хомейни выразил надежду, что «с помощью Аллаха, армии и Корпуса стражей исламской революции Курдистан будет освобождён от курдов-безбожников»⁷⁴. На первом заседании парламента Банисадр яростно порицал курдских сепаратистов, призвал нацию отменить этнические разногласия, не выбирать между Востоком или Западом, а сплотиться на почве ислама (Виноградов 2016: 163).

Бюро разведки и исследований (БРИ) Государственного департамента положительно оценивало вклад курдов в борьбу против исламского режима, отмечая при этом их уклон «влево» и склонность к сотрудничеству с разными леворадикальными движениями⁷⁵. По оценкам БРИ, операция 25 апреля, продемонстрировав возможность американского вмешательства в дела Ирана, привела к ужесточению политики исламского режима в отношении курдов⁷⁶. Эту оценку разделяло ЦРУ⁷⁷.

На заседании СКК 6 мая было принято решение усилить скрытую активность ЦРУ в Иране, хотя в отношении поддержки курдов мнения участников совещания разошлись⁷⁸. Директор ЦРУ Тёрнер был скептически настроен в отношении новых операций и предлагал ограничиться простым наблюдением и сбором информации⁷⁹. В конце мая он направил Бжезинскому, Брауну и Маски меморандум о краткосрочной перспективе развития внутривнутриполитической ситуации в Иране, в котором указал, что, несмотря на определённые успехи Тегерана, курды благодаря хорошей организации и инициативной обороне будут сохранять контроль над Иранским Курдистаном, тем самым отвлекая ресурсы исламского режима и способствуя распространению волнений этнических меньшинств в других регионах страны⁸⁰.

В начале июня Бжезинский подготовил меморандум, в котором сообщил о приобретении полезных контактов среди иранской оппозиции, в том числе курдов, и предложил развивать их дальше⁸¹. В этом документе он дошёл до сведения президента, что в январе–апреле работе с агентурой и тайными осведомителями отдавался низкий приоритет, следствием чего стало отсутствие ко-

⁷⁴ National Intelligence Daily, Saturday, May 17, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁷⁵ FRUS 2020: 770.

⁷⁶ Iran: Impact of Tabas Raid, April 26, 1980. The Carter Administration and the "Arc of Crisis": Iran, Afghanistan and the Cold War in Southern Asia, 1977–1981. *Wilson Center*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-carter-administration-and-the-arc-crisis-iran-afghanistan-and-the-cold-war-southern> (accessed 15.05.2023).

⁷⁷ National Intelligence Daily, Monday, April 28, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁷⁸ FRUS 2020: 762.

⁷⁹ FRUS 2020: 791.

⁸⁰ Memorandum for the Honorable Edmund S. Muskie from Stansfield Turner et.c., May 27, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁸¹ FRUS 2020: 804–805.

ординации в сборе и анализе данных и противоречивость выводов аналитиков о курдской активности. Позднее с целью выяснения причин провала апрельского десанта разведка провела внутренний аудит, который показал, что вследствие ограниченности ресурсов, низкого интереса руководства страны к курдской проблематике, деморализующего эффекта апрельской неудачи и успехов режима Хомейни в подавлении курдских выступлений будет непросто восстановить прежний уровень контактов со связными в Иранском Курдистане⁸². ЦРУ также уведомило Белый дом о том, что «военные чрезмерно истощали ресурсы разведки», что снижало её информированность и эффективность⁸³.

Параллельно происходила переоценка позиции США в отношении ирано-афганского звена противодействия СССР⁸⁴. Согласно отчёту ЦРУ, помощь Ирана афганской оппозиции носила «скорее символический» характер. Иран был не готов ради афганцев ввязываться в противостояние с одной сверхдержавой в условиях уже существующего конфликта с другой. Активность на этом направлении проявлял, по сути, только глава иранского МИД Готбзаде, обещавший «показать ад» советским войскам в Афганистане. Но позиции министра в иранском политикуме были шаткими (в июле стало известно, что он не войдёт в состав следующего кабинета министров⁸⁵).

В июле в Иране состоялась неудачная попытка государственного переворота отставных военных под эгидой бывшего генерала шахской армии А. Овейси и при поддержке группы Бахтияра. Правительство Банисадра обвинило в его подготовке США, Израиль и Ирак, а Хомейни – США и СССР⁸⁶. Хотя американцы опасались в ответ организации трибунала над заложниками, серьёзных последствий, кроме публичных нападок и дальнейшего откладывания разрешения конфликта, не было. После недолгого расследования иранские парламентарии обвинили Вашингтон в поддержке курдских сепаратистов и увязали их продолжающееся сопротивление с американской помощью⁸⁷, что создавало негативный фон для переговоров по освобождению заложников, хотя и не шло дальше голословных обвинений. Данное обстоятельство имело следствием отказ Вашингтона от расширения контактов с иранскими курдами.

США и движение курдов к началу ирано-иракской войны, сентябрь 1980 г.

К сентябрю 1980 г. американскому руководству стало ясно, что повторную спасательную операцию организовать не удастся. Единственным предлогом для ввода войск в Иран могла послужить советская агрессия против исламской ре-

⁸² FRUS 2020: 811–815.

⁸³ FRUS 2020: 821.

⁸⁴ Afghanistan: Iran's Role in the Crisis, July 1, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁸⁵ FRUS 2020: 855.

⁸⁶ FRUS 2020: 847–848.

⁸⁷ FRUS 2020: 875.

спублики. Этот вариант активно прорабатывался аппаратом СНБ и обсуждался на встречах СКК⁸⁸. Позиция Бжезинского была показательно агрессивной, а его предложения по предупреждению действий Москвы и выдвиганию ей ультимативных требований выглядели как желание втянуть СССР во вторую после Афганистана военную кампанию. Рассматривая сценарии предполагаемого нападения советских войск на ИРИ и американского контрудара, курды расценивались ЦРУ как потенциальные союзники США⁸⁹.

Ряд зарубежных и отечественных исследователей отмечают, что самым предпочтительным для США вариантом развития событий было нападения на ИРИ третьей силы (Примаков 2012: 317–318; Brands 2012: 319; Brands 2015: 117; Emery 2013: 173; Garthoff 1994: 982; Takeyh 2010: 367, 373.). С момента победы исламской революции наблюдалось ухудшение отношений Тегерана с Багдадом. Участились столкновения на границе и взаимные обстрелы, велись пропагандистские кампании с обоюдными обвинениями во вмешательстве во внутренние дела. Не сбрасывая со счетов политическую амбициозность и авантюристичность режима С. Хусейна, необходимо отметить, что иракское руководство рассматривало возможность иранского нападения как реальную. На фоне ухудшения двусторонних отношений⁹⁰ Ирак начал подготовку военных планов (Blight 2014: 95; Emery 2013: 175). Были открыты тайные каналы коммуникаций с иранскими курдами, которые Багдад предполагал использовать для отвлечения внимания и дестабилизации северо-западных окраин Ирана⁹¹. Справедливым будет заметить, что к подобным средствам – привлечению на свою сторону иракских курдов – Тегеран прибег значительно раньше западного соседа (Орлов 1999: 118; Сенников 2020: 97; Vali 2020: 151).

Дискуссионным остаётся вопрос о том, насколько Администрация Картера была заинтересована в развязывании ирано-иракской войны. Гипотетически подобное столкновение могло привести к усилению позиции США, поскольку и Иран, и Ирак придерживались антиамериканских позиций, война ослабляла их, снижала роль Ирака в палестинских делах, а также потенциал экспорта исламской революции. Учитывая разобщённость американского истеблишмента накануне президентских выборов, разнонаправленные сигналы от ключевых деятелей Администрации Картера, заикленность Белого дома на проблеме ложников, планы использовать афганский и иранский кризисы для подрыва советского влияния на Ближнем Востоке, можно предположить, что у режима Хусейна были неплохие шансы заручиться благожелательным нейтралитетом США.

⁸⁸ FRUS 2020: 886, 897–898, 900–901, 904–905, 910–915, 921–923, 933–936.

⁸⁹ Iranian Reaction to a Soviet Invasion, September 1, 1980. *CIA Electronic Library*.

⁹⁰ В апреле 1980 г. в знак протеста против преследований шиитского духовенства в Ираке (тех, кто был уличен в подготовке государственного переворота), Иран принял решение об отзыве своих сотрудников из посольства и консульства в Ираке, что практически означало односторонний разрыв отношений.

⁹¹ Iran: Fragmentation in the Future? September 26, 1980. *CIA Electronic Library*.

Начало сентября 1980 г. было отмечено интенсификацией нападений с иранской стороны на пограничные районы Ирака. 17 сентября Багдад денонсировал ряд соглашений с Тегераном, в первую очередь Алжирские соглашения 1975 г., утвердившие современную границу между двумя странами. Иран в ответ закрыл для судов Ирака Ормузский пролив и блокировал судоходство по реке Шатт-эль-Араб (пограничной между государствами), а 22 сентября иракские войска перешли границу и начали продвижение вглубь иранской территории, тем самым дав старт восьмилетней ирано-иракской войне. США заняли в конфликте нейтральную позицию, которая позволяла гибко подходить к отношениям как с Ираном, так и Ираком, обеспечивая соблюдение американских интересов (Murray 2010: 34).

Начало войны заметно снизило значимость Тегерана в деле поддержки афганской оппозиции: круг получавших иранскую помощь был ограничен афганскими шиитскими группировками и беженцами, а тренируемые афганцы-шииты нанимались для участия в войне с Ираком (Васильев 2018: 224; Leake 2022: 126–127).

Курдский вопрос после начала ирано-иракской войны в повестку уходящей Администрации больше не ставился. Одним из последних меморандумов, посвящённых иранским курдам, стал анализ влияния на них СССР с учётом общей обстановки в регионе, включая ситуацию в Афганистане, подготовленный аналитиками разведки в декабре⁹², не содержащий в себе новой информации.

Заключение

На начальном этапе иранский и афганский кризисы воспринимались в Белом доме как комплексный вызов американской политике на Среднем Востоке и в зоне Персидского залива. Но если ситуация в Афганистане изначально использовалась для консолидации общественного мнения и создавала подходящий эмоциональный фон для сплочения команды Картера в формулировании ответа на возникшую угрозу, то при оценке событий в Иране мнения ключевых участников процесса принятия решений и позиции возглавляемых ими ведомств были далеки от гармонии.

Несмотря на проблему с заложниками, вплоть до начала апреля 1980 г. Вашингтон рассчитывал найти точки соприкосновения с Тегераном ради противостояния общей угрозе в лице СССР. Подобные идеи продвигались сотрудниками аппарата Белого дома, в первую очередь Бжезинским, по оценкам которого действия Москвы воспринимались в соответствии с канонами Холодной войны и считались стратегической угрозой. Расчёт на согласие режима Хомейни под-

⁹² Iran: Soviet Links with Kurdish Groups (U), December 12, 1980. *CIA Electronic Library*.

держать американские планы в отношении Афганистана себя не оправдал. Эксперты из СНБ и Государственного департамента в тот момент недооценивали фундаментальные отличия внешней политики ИРИ от подходов, использовавшихся во времена шаха М.Р. Пехлеви.

С течением времени становилось ясно, что Москва не смогла решить краткосрочных задач на афганском направлении, и присутствие советских войск в Афганистане затягивалось. Параллельно происходила пробуксовка переговоров с иранской стороной по проблеме заложников, что вело к ужесточению позиции Вашингтона. Оценивая уязвимые места исламского режима в Иране, эксперты разведывательного сообщества США придавали большое значение этнической неоднородности страны и рассчитывали на извлечение выгод из раздувания этнонациональных конфликтов. В этой связи иранские курды, открыто выступившие против режима Хомейни, признавались главной этнической оппозиционной силой и потенциальным союзником в противодействии официальному Тегерану. Восприятие курдов варьировалось в зависимости от текущей ситуации в американо-иранских отношениях – когда в Вашингтоне доминировал курс на достижение договорённостей с ИРИ, повышенное значение придавалось левой ориентации курдских организаций, их реальным или предполагаемым связям с Москвой; при обострении отношений, в частности, на этапе планирования и подготовки операции «Орлиный коготь», идейная окраска курдского движения в расчёт не принималась.

Колебания в отношениях с Тегераном не способствовали выработке чёткой и последовательной линии на афгано-иранском направлении. В Вашингтоне преобладало мнение, что иранские курды способны долго сопротивляться давлению центральной власти, что их можно использовать для ослабления режима Хомейни либо в качестве партнёра, либо в качестве разменного материала на случай достижения договорённостей с иранской стороной. Принимая во внимание, что курды уже вели борьбу на максимально достижимом для них уровне, а исламский режим по мере укрепления всё жёстче и эффективней реагировал на их действия, американские расчёты на эксплуатацию внутрииранских этнонациональных конфликтов становились неоправданными. К моменту решения Вашингтона об эскалации отношений с Тегераном курдские силы уже были серьёзно подорваны и не располагали достаточными ресурсами, чтобы существенно поколебать стабильность Ирана.

Об авторах:

Валерий Теодорович Юнгблюд – доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: yungblud@vyatsu.ru

Алексей Иванович Сенников – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>

UDC 327.8(73:5-15)“1979/1981”

Received: July 05, 2023

Accepted: October 18, 2023

The Kurdish Movement's Factor in US Politics at the Peak of Iran and Afghanistan Crises, 1979 – January 1981

V.T. Yungblud, A. I. Sennikov

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-5-92-28-57](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-28-57)

Vyatka State University

Abstract: At the close of 1979, the United States encountered a critical need to realign its Middle East strategy in the wake of the capture of the American Embassy in Tehran by supporters of Iran's Supreme Leader, Ayatollah R. Khomeini on November 4, and the subsequent deployment of Soviet troops in Afghanistan on December 25. Faced with the challenges presented by the Iranian and Afghan crises, the United States' analytical, intelligence, and military bodies navigated various resources in search of viable solutions.

This study delves into the consideration of the Kurdish factor as a potential instrument in shaping the regional landscape. The National Security Council (NSC), State Department, Central Intelligence Agency (CIA), and the US Department of Defense all scrutinized the Kurdish movement, evaluating its prospects for advancing American interests. Drawing from documents obtained from the State Department, National Security Council, and CIA, this article tracks the evolution of US policy concerning the Kurdish movement and its utility in realizing Washington's strategic objectives during the most critical phases of the Iran and Afghanistan crises.

The analysis underscores the fundamental flaw in the initial evaluation of events in Afghanistan and Iran, misinterpreting them as a calculated move within a Soviet strategy to extend influence into the Persian Gulf region. This misconception was the primary cause of the Carter administration's failure in utilizing the Kurds as a counterforce against the Khomeini regime and its erroneous perceptions of the Iranian political regime's vulnerabilities. Inconsistencies in Washington's relationship with Tehran hindered the formulation of a coherent approach toward the Afghan-Iranian direction.

Keywords: USA, Islamic Republic of Iran, USSR, Kurdish issue, Afghanistan, hostages, covert operations

About the authors:

Valery T. Yungblud – Doctor of History, Professor, President of the Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. ORCID: 0000-0002-2706-3904; Researcher ID: J-8665-2016; Scopus Author: 57189852953. E-mail: youngblood@vyatsu.ru

Alexey I. Sennikov – Candidate of Historical Sciences, Research Associate at the Department of History and Political Science, Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. ORCID: 0000-0001-9329-2839; Researcher ID: I-4292-2018; E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No 22-78-10179, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10179/>

References:

- Barfield T. 2023. *Afghanistan: A Cultural and Political History. 2nd edition*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 456 p.
- Blight J.G. 2014. *Becoming Enemies: U.S.–Iran Relations and the Iran–Iraq War, 1979–1988*. New York: Rowman & Littlefield Publishers. 408 p.
- Brands H. 2012. Saddam Hussein, the United States, and the Invasion of Iran: Was There a Green Light? *Cold War History*. 12(2). P. 319–343.
- Brands H. 2015. Before the Tilt: The Carter Administration Engages Saddam Hussein. *Diplomacy & Statecraft*. 26(1). P. 103–123, DOI: 10.1080/09592296.2015.999628
- Brzezinski Zb. 1983. *Power and Principles. Memoirs of National Security Adviser 1977–1981*. New York: Farrar, Straus, Giroux. 587 p.
- Carter J. 1982. *Keeping Faith. Memoirs of a President*. New York: Bantam Books. 622 p.
- Eizenstat S. 2020. *President Carter: The White House Years*. New York: Thomas Dunne Books. 1056 p.
- Emery C. 2013. *US Foreign Policy and the Iranian Revolution: The Cold War Dynamics of Engagement and Strategic Alliance*. New York: Palgrave Macmillan. 275 p.
- Entessar N. 2017. The Kurdish Conundrum and the Islamic Republic of Iran, 1979–2003. *The Kurdish Question Revisited*. New York: Oxford University Press. P. 307–318.
- Garthoff R. 1994. *Détente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Washington: Brookings Institution. 1206 p.
- Glad B. 2009. *An Outsider in the White House: Jimmy Carter, His Advisors, and the Making of American Foreign Policy*. Ithaca, New York: Cornell University Press. 414 p.
- Hammond T. 1984. *Red Flag over Afghanistan: The Communist Coup, the Soviet Invasion, and the Consequences*. Boulder, CO: Westview Press. 262 p.
- Hassan Kakar M. 1995. *Afghanistan: The Soviet Invasion and the Afghan Response, 1979–1982*. Berkeley: University of California Press. 390 p.
- Hassaniyan A. 2021. *Kurdish Politics in Iran: Crossborder Interactions and Mobilization since 1947*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 256 p.
- Hauner M., Canfield R. L. 2018. *Afghanistan and the Soviet Union: Collision and Transformation*. New York: Routledge. 231 p.

- Herring G. 2017. *The American Century and Beyond: U.S. Foreign Relations, 1893–2015. 2nd edition*. New York: Oxford University Press. 768 p.
- Johnson L. 2022. *The Third Option: Covert Action and American Foreign Policy*. New York: Oxford University Press. 408 p.
- Jordan H. 1982. *Crisis: The Last Year of the Carter Presidency*. New York: G.P. Putnam's Sons. 431 p.
- Leake E. 2022. *Afghan Crucible: The Soviet Invasion and the Making of Modern Afghanistan*. Oxford, UK: Oxford University Press. 368 p.
- McDowall D. 2021. *A Modern History of the Kurds, 4th Edition*. London: I.B. Tauris. 728 p.
- Murray D. 2010. *US Foreign Policy and Iran: American–Iranian Relations since the Islamic Revolution*. New York: Routledge. 272 p.
- Njølstad O. 2010. The Collapse of Superpower Détente, 1975–1980. *The Cambridge History of the Cold War. Volume III: Endings*, UK: Cambridge University Press. P. 135–155.
- Ro'i Y. 2022. *The Bleeding Wound: The Soviet War in Afghanistan and the Collapse of the Soviet System*. Stanford, CA: Stanford University Press. 424 p.
- Rubin B. 1985. *Secrets of State: The State Department and the Struggle Over U.S. Foreign Policy*. New York: Oxford University Press. 339 p.
- Saikal A. 2010. Islamism, the Iranian Revolution, and the Soviet Invasion of Afghanistan. *The Cambridge History of the Cold War. Volume III: Endings*, UK: Cambridge University Press. P. 112–134.
- Sargent D. 2015. *A Superpower Transformed: The Remaking of American Foreign Relations in the 1970s*. New York: Oxford University Press. 452 p.
- Takeyh R. 2010. The Iran–Iraq War: A Reassessment. *Middle East Journal*. 64(3). P. 365–383.
- Teitler A. 2020. *US Policy Towards Afghanistan, 1979–2014: 'A Force for Good'*. New York: Routledge. 236 p.
- Vali A. 2020. *The Forgotten Years of Kurdish Nationalism in Iran*. London: Palgrave Macmillan. 238 p.
- Zegart A. 2022. *Spies, Lies, and Algorithms: the History and Future of American Intelligence*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 424 p.
- Agaev S.L. 1986. *Iranskaia revoliutsiia, SShA i mezhdunarodnaia bezopasnost': 444 dnia v zalozhnikakh* [The Iranian Revolution, the United States and International Security: 444 Days in Hostage]. Moscow: Nauka. 283 p. (In Russian).
- Agaev S.L. 1987. *Iran mezhdur proshlym i budushchim. Sobytiia. Liudi. Idei* [Iran between the Past and the Future. Events. People. Ideas]. Moscow: Politizdat. 319 p. (In Russian).
- Arabadzhian A.Z. 1989. *Iranskaia revoliutsiia 1978–1979: Prichiny i uroki* [The Iranian Revolution of 1978–1979: Reasons and Lessons]. Moscow: Nauka. 557 p. (In Russian).
- Arunova M.R., Ivanenko V.I. 2015. *Afganskaia politika SShA v 1945–2014 gg* [U.S. Policy in Afghanistan, 1945–2014]. Moscow: RISI. 220 s. (In Russian).
- Fedorova I.E. 2004. *Iran – SShA: Dialog i protivostoianie* [Iran–US: Dialogue and Confrontation]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. 141 p. (In Russian).
- Ivashchenko A.S. 1997. *SShA i Afganistan (1978–1989 gg.)* [USA and Afghanistan (1978–1989)]. Moscow: TTs «Sfera». 144 p. (In Russian).
- Khristoforov V.S. 2016. *Afganistan: voenno-politicheskoe prisutstvie SSSR 1979–1989 gg.* [Afghanistan: The Military–Political Presence of the USSR 1979–1989]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN. 544 p. (In Russian).

Korgun V.G. 2004. *Istoriia Afganistana. XX vek* [History of Afghanistan. 20th Century]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. 525 p. (In Russian).

Kremeniuk V.A. 1984. *Bor'ba Vashingtona protiv revoliutsii v Irane* [Washington's Struggle against the Revolution in Iran]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 187 p. (In Russian).

Murtazaeva G.R. 2012. Iranskaia revoliutsiia 1979 goda i sovetско-amerikanskіe otnosheniia [Iranian Revolution of 1979 and Soviet-American Relations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4: Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2(22). P. 84–90. DOI: 10.15688/jvolsu4.2012.2.12. (In Russian).

Nikitenko E.G. 2004. *Afganistan: Ot voyny 80-kh do prognoza novykh voyn* [Afghanistan: From the War of the 80s to the Forecast of New Wars]. Moscow: Izdatel'stvo AST. 362 p. (In Russian).

Orlov E.A. 1999. Irano-irakskaiia voina 1980–1988 gg. i pozitsii SSSR, SShA i OON [Iran–Iraq War 1980–1988 and the Positions of the USSR, the USA and the UN]. *Islamskaia revoliutsiia v Irane: proshloe, nastoiashchee, budushchee* [Islamic Revolution in Iran: Past, Present, Future]. Moscow: Institut Vostokovedeniia RAN. P. 110–128 (In Russian).

Primakov E.M. 2012. *Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (vtoraia polovina XX — nachalo XXI veka)*. 2-e izd., pererab. i dop [Confidential: The Middle East on Stage and Behind the Scenes (Second Half of the 20th – Early 21st Century)]. 2nd ed., revised with additions]. Moscow: Rossiiskaia gazeta. 414 p. (In Russian).

Rabush T.V. 2022. *Mezhdunarodnye aspekty Afganskogo voozruzhennogo konflikta (1979–1989 gg.) v usloviakh Kholodnoi voyny: diss. ... d.i.n. 5.6.7. (Istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki)* [International Aspects of the Afghan Armed Conflict (1979–1989) in the Cold War]. Moscow. 481 p. (In Russian).

Sennikov A.I. 2019. Kurdsii vopros v politike administratsii Dzh. Kartera v kontekste Iranskoi revoliutsii (1977–1980 gg.) [The Kurdish Question in the Policy of the J. Carter Administration in the Context of the Iranian Revolution (1977–1980)]. *SShA & Kanada: Ekonomika – politika – kul'tura*. №10. P. 78–97. DOI: 10.31857/S032120680006806-0 (In Russian).

Sennikov A.I. 2020. Kurdsii vopros v blizhnnevostochnoi politike administratsii Dzh. Kartera v 1979–1980 gg. [The Kurdish Question in the Middle East Policy of the Administration of J. Carter in 1979–1980]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*. №63. P. 96–103. DOI: 10.17223/19988613/63/13 (In Russian).

Spol'nikov V.M. 1990. *Afganistan: islamskaia oppositsiia. Istoki i tseli* [Afghanistan: Islamic Opposition. Origins and Goals]. Moscow: Nauka. 191 z. (In Russian).

Toporkov V.M. 2014. *Afganistan: sovet'skii faktor v istokakh krizisa* [Afghanistan: The Soviet Factor at the Origins of the Crisis]. Cheboksary: TsNS «Interaktiv plus». 319 p. (In Russian).

Vasil'ev A.M. 2018. *Ot Lenina do Putina. Rossiia na Blizhnem i Srednem Vostoke* [From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East]. Moscow: Tsentrpoligraf. 670 p. (In Russian).

Vinogradov V.M. 2016. *Nash Blizhnii Vostok. Zapiski sovet'skogo posla v Egipte i Irane* [Our Middle East. Notes of the Soviet Ambassador to Egypt and Iran]. Moscow: «Alistorus». 249 p. (In Russian).

Vorob'eva T.A., Yungblud V.T. 2016. Afganistan v politike SSSR i SShA v 1979 g. [Afghanistan in the Policy of the USSR and the USA in 1979]. *Voprosy istorii*. №10. P. 105–125. (In Russian).

Vorob'eva T.A., Yungblud V.T. 2019. SShA teriaut soiuznika na Blizhnem Vostoke: politika administratsii Dzh. Kartera v otnoshenii Irana, 1977–1980 gg. [The US is Losing an Ally in the Middle East: The Policy of the J. Carter Administration towards Iran, 1977–1980]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia»*. 10(3(77)) . 16 p. DOI: 10.18254/S207987840005469-4 (In Russian).

Yungblud V.T., Bakshaev M.V. 2022. «My ne izmenim svoe otnoshenie k vam, poka vy ne izmenite svoje otnoshenie k nam». Kak v Vashingtone uchityvali reaktsiiu zapadnoevropeiskikh kompartii na sobytiia v Afganistane, 1978–1985 [«We Will Not Change Our Attitude towards You until You Change Your Attitude towards Us». How Washington Considered the Reaction of Western European Communist Parties to the Events in Afghanistan, 1978–1985]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 15(4). P. 7–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-4-85-7-42 (In Russian).

Yungblud V.T., Sennikov A.I. 2023. SShA v poiskakh otveta na iranskii vyzov: kurdsii keis, noiabr' – dekabr' 1979 g. [US in Search of an Answer to the Iranian Challenge: The Kurdish Case, November–December 1979]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*. №2. P. 70–83. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-2-70-83 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Агаев С.Л. 1986. *Иранская революция, США и международная безопасность: 444 дня в заложниках*. Москва: Наука. 283 с.

Агаев С.Л. 1987. *Иран между прошлым и будущим. События. Люди. Идеи*. Москва: Политиздат. 319 с.

Арабаджян А.З. 1989. *Иранская революция 1978–1979: Причины и уроки*. Москва: Наука. 557 с.

Арунова М.Р., Иваненко В.И. 2015. *Афганская политика США в 1945–2014 гг.* Москва: РИСИ. 220 с.

Васильев А.М. 2018. *От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке*. Москва: Центрполиграф. 670 с.

Виноградов В.М. 2016. *Наши Ближний Восток. Записки советского посла в Египте и Иране*. Москва: «Алисторус». 249 с.

Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т. 2016. Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. *Вопросы истории*. №10. С. 105–125.

Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т. 2019. США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 10(3(77)). 16 с. DOI: 10.18254/S207987840005469-4

Ивашенко А.С. 1997. *США и Афганистан (1978–1989 гг.)*. Москва: ТЦ «Сфера». 144 с.

Коргун В.Г. 2004. *История Афганистана. XX век*. Москва: Институт востоковедения РАН. 525 с.

Кременюк В.А. 1984. *Борьба Вашингтона против революции в Иране*. Москва: Международные отношения. 187 с.

Муртазаева Г.Р. 2012. Иранская революция 1979 года и советско-американские отношения. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2(22). С. 84–90. DOI: 10.15688/jvolsu.4.2012.2.12.

Никитенко Е.Г. 2004. *Афганистан: От войны 80-х до прогноза новых войн*. Москва: Издательство АСТ. 362 с.

Орлов Е.А. 1999. Ирано-иракская война 1980–1988 гг. и позиции СССР, США и ООН. *Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее*. Москва: Институт востоковедения РАН. С. 110–128.

Примаков Е.М. 2012. *Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI в.). 2-е изд., перераб. и доп.* Москва: Российская газета. 414 с.

Рабуш Т.В. 2022. *Международные аспекты Афганского вооружённого конфликта (1979–1989 гг.) в условиях Холодной войны: дисс. ... д.и.н. 5.6.7. (История международных отношений и внешней политики)*. Москва. 481 с.

Сенников А.И. 2019. Курдский вопрос в политике администрации Дж. Картера в контексте Иранской революции (1977–1980 гг.). *США & Канада: Экономика – политика – культура*. №10. С. 78–97. DOI: 10.31857/S032120680006806-0

Сенников А.И. 2020. Курдский вопрос в ближневосточной политике администрации Дж. Картера в 1979–1980 гг. *Вестник Томского государственного университета. История*. №63. С. 96–103. DOI: 10.17223/19988613/63/13

Спольников В.М. 1990. *Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели*. Москва: Наука. 191 с.

Топорков В.М. 2014. *Афганистан: советский фактор в истоках кризиса*. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс». 319 с.

Фёдорова И.Е. 2004. *Иран – США: Диалог и противостояние*. Москва: Институт востоковедения РАН. 141 с.

Христофоров В.С. 2016. *Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг.* Москва: Институт российской истории РАН. 544 с.

Юнгблюд В.Т., Бакшаев М.В. 2022. «Мы не изменим своё отношение к вам, пока вы не измените своё отношение к нам». Как в Вашингтоне учитывали реакцию западноевропейских компартий на события в Афганистане, 1978–1985. *Вестник МГИМО-Университета*. 15(4). С. 7–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-4-85-7-42

Юнгблюд В.Т., Сенников А.И. 2023. США в поисках ответа на иранский вызов: курдский кейс, ноябрь – декабрь 1979 г. *Вестник Пермского университета. История*. №2. С. 70–83. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-2-70-83

«Исламский социализм» в Пакистане: эволюция, реализация и наследие во внутренней и внешней политике страны

 Г.Г. Макаревич

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук

Статья посвящена анализу феномена «исламского социализма» в Пакистане и его влияния на современную внутреннюю и внешнюю политику государства. В качестве методологической основы автором избран подход, сочетающий критическую теорию, теорию элит и историческую социологию международных отношений. Их сочетание позволило выявить логику целеполагания представителей политического класса, деконструировать пакистанскую государственность, выделяя социальные группы, влияющие на выбор траектории его развития, оценить объективное влияние прошлого на характер действий рассматриваемых социальных групп, а также проанализировать попытки конструирования прошлого в политических целях. В статье последовательно рассматриваются истоки дискурса «исламского социализма», предпринимается попытка критического осмысления выбранного элитами Пакистана основания для создания «государства мусульман». В этой связи прослеживается эволюция дискурса в первые десятилетия независимости страны и указываются причины, побудившие правительство прибегнуть к модели «исламского социализма». Рассматривается имплементация курса «исламского социализма» в годы правления Зульфикара Али Бхутто (1971–1977 гг.) и выделяются причины его неудач, приведших к военному перевороту. Анализируется внутренняя и внешняя политика Пакистана и вызванные в ней изменения с принятием концепции «исламского социализма», оказавшиеся актуальными и после отказа от рассматриваемой модели развития. Автор приходит к выводу, согласно которому сконструированный пакистанскими элитами с ориенталистским типом мышления «исламский социализм» стал ситуативным ответом на вызванный внешними и внутренними факторами кризис пакистанской государственности, однако этот же ситуативный ответ парадоксальным образом закрепил ключевые векторы внешней политики Пакистана, а именно – отношения с КНР и исламским миром, которые впоследствии стали восприниматься как объективно обусловленные императивы внешней политики Пакистана.

Ключевые слова: Пакистан, «исламский социализм», ориентализм, США, КНР, исламский мир

УДК 94:327(549.1)

Поступила в редакцию: 28.04.2023

Принята к публикации: 22.10.2023

*«О Фаиз! Пускай пустыня всё ещё пока – пустыня, –
Словно красные тюльпаны, кровью ран цветёт весна»*

Фаиз Ахмед Фаиз (1911–1984),

пакистанский поэт и лауреат Ленинской премии

Ускорившийся после окончания Второй мировой войны процесс деколонизации привёл к созданию новых независимых государств, перед которыми встала необходимость определять траекторию своего развития в мире, в котором к тому моменту складывалось два условных центра силы – капиталистический лагерь во главе с США и социалистический лагерь во главе с СССР. При этом историческое развитие в доколониальную и колониальную эпоху, особенности национально-освободительного движения, поставленные новообразованными элитами стратегические цели предопределяли вариативность траекторий встраивания постколониальных государств в систему международных отношений.

В 1970-е гг. пакистанские элиты пытались руководствоваться принципами «исламского социализма» – идеологического конструкта, совмещающего представления элит о мусульманских ценностных ориентирах населения Пакистана и левопопулистских установок «второго мира». Существовали ли объективные предпосылки для использования такого конструкта? Насколько его применение зависело от внутренних факторов – расстановки сил на политической арене Пакистана, и внешних – политико-идеологических установок союзников из западного блока, а также их действий в критические для страны моменты? Какие новшества он внёс во внешнюю политику Пакистана, каково их место в современной внешнеполитической стратегии страны?

Настоящая статья посвящена анализу феномена «исламского социализма» в Пакистане и его влиянию на современную внутреннюю и внешнюю политику государства: рассматриваются истоки этого дискурса, его эволюция в первые десятилетия независимости страны, имплементация курса в годы правления З.А. Бхутто (1971–1977 гг.), новые направления внешней политики.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы изучались ранее. Из зарубежных публикаций большое влияние на ход исследования оказала классическая работа Э. Саида «Ориентализм» (Саид 2021), которая позволила автору рассмотреть образ мышления отцов-основателей Пакистана с позиций критической теории. Отметим и статью С.А. Панарина (Панарин 2015), в которой ставится под вопрос доказательность основных тезисов классика постколониальной теории.

Среди отечественных исследователей стоит также отметить В.Я. Белокреницкого (Белокреницкий 2015) и В.Н. Москаленко (Москаленко 1984), подготовивших как множество уникальных работ по вопросам политического процесса в стране и её внешней политике, так и совместную фундаментальную монографию по истории Пакистана (Белокреницкий, Москаленко 2008). Представлен-

ный в статьях А.Л. Филимоновой (Филимонова 2010а, 2010b) исторический материал позволил указать на конкретные проявления ориентализма в деятельности лидеров национально-освободительного движения. Работы специалистов по экономике Южной Азии Н.В. Галищевой (Галищева 2018) и С.Н. Каменева (Каменев 2014) указали на закономерности развития экономики Пакистана.

Среди трудов пакистанских исследователей, разрабатывавших смежную проблематику, выделяется книга Мохаммеда Васима (Waseem 2021), посвящённая проблемам национального строительства в Пакистане. Статьи И. Джаведа (Javed 2015), И. Ахмеда (Ahmed 2010), Б. Бадеджо (Badejo 1988) и А. Сиддики (Siddiqi 2020) позволили раскрыть эволюцию идей «исламского социализма» и его влияния на внешнюю политику Пакистана. Кроме того, рассматривались работы индийских авторов – И. Малхотры (Malhotra 2003) и С. Рагхавана (Raghavan 2019), посвящённые истории политических режимов Южной Азии и проводимой ими внешней политики. В процессе написания статьи в качестве источников привлекались ключевые нормативно-правовые акты, предвыборные партийные программы, политические речи.

В качестве методологической основы статьи автором избран комплексный подход, сочетающий критическую теорию, теорию элит и историческую социологию международных отношений. Применение инструментов критической теории необходимо для анализа целеполагания представителей политического класса, оценки влияния на политический процесс существующей в момент принятия политических решений среды и их собственных представлений о реальности; обращение к теории элит видится необходимым для деконструкции пакистанской государственности, выделения конкретных социальных групп, влияющих на выбор траектории его развития; историческая социология международных отношений является методологическим базисом исследования, позволяющим оценить объективное влияние прошлого на характер действий рассматриваемых социальных групп, а также рассмотреть их попытки конструирования прошлого в политических целях.

На наш взгляд, сконструированный пакистанскими элитами с ориенталистским типом мышления «исламский социализм» не только являлся ситуативным ответом на вызванный внешними и внутренними факторами кризис пакистанской государственности, но и послужил закреплению ключевых векторов внешней политики Пакистана, а именно – отношений с КНР и исламским миром, которые даже после падения режима З.А. Бхутто стали восприниматься как объективно обусловленные императивы пакистанской внешней политики.

Автор стремится продемонстрировать парадоксальность формирования внешнеполитических приоритетов Пакистана. С одной стороны, союзнические отношения Исламабада с КНР и странами Залива принято считать «естественными» и «объективно обусловленными» по целому ряду политических, исторических и культурных причин. С другой стороны, их окончательному за-

креплению способствовал субъективный фактор – реактивное использование конструкта, обусловленное необходимостью решения внутренних проблем Пакистана.

В статье последовательно рассматривается дискурс «исламского социализма», предпринимается попытка критического осмысления выбранного элитами будущего Пакистана основания для создания «государства мусульман»; прослеживается эволюция дискурса в первые десятилетия независимости страны и указываются причины, побудившие руководство государства прибегнуть к модели «исламского социализма»; рассматривается имплементация курса в годы правления З.А. Бхутто и выделяются причины его неудач, результатом которых стал военный переворот; оценивается место дискурса в современной внутренней политике страны; анализируется внешняя политика Пакистана и вызванные в ней изменения с принятием концепции «исламского социализма», оставшиеся актуальными и после отказа от рассматриваемой модели развития.

Истоки дискурса об «исламском социализме» в Пакистане

Исламскую Республику Пакистан можно назвать «нарочно созданным полигоном» для постколониальных исследований: сконструированное в ходе процесса борьбы за независимость «государство мусульман» существует в рамках искусственно созданных границ, оспариваемых соседями.

Усвоившее западные (в основном англосаксонские) понятия о существующих политических системах и ходе политического процесса руководство Пакистана пыталось построить нацию-государство по европейскому образцу при отсутствии многовековой истории генезиса самой нации. Отцам-основателям государства предстояло создать уникальный в своём роде политико-идеологический проект, основой которого должна была стать принадлежность к мусульманской общине.

Парадоксально, но именно апелляция к мусульманской общине и является свидетельством ориенталистского подхода политических элит Пакистана, стремившихся построить «государство мусульман» с опорой лишь на собственные представления о мусульманах Индостана. Как отмечал Эдвард Саид, «... оременный ориентализм проистекает из секуляризирующих элементов европейской культуры XVIII в. <...>. Реконструировать мёртвый или возродить утраченный восточный язык означало в конечном свете возродить мёртвый или забытый Восток. Это также означало, что точная реконструкция, наука и даже воображение могли подготовить путь тому, что армии, администрации и бюрократии позже будут делать в восточных землях. В некотором смысле оправданием ориентализма были не только его интеллектуальные или художественные успехи, но и эффективность, полезность, авторитет» (Саид 2021: 192–196).

Взгляды Саида не раз подвергались критике и, разумеется, не являются общепринятыми. Можно согласиться с утверждением, что «постмодернистская, марксистская и фрейдистская оптика Саида зачастую приводит исследователей к продвижению императивно устанавливаемой мнимой логической связи между продуктами культуры и политическими практиками на Востоке» (Панарин 2015). Однако, на наш взгляд, неоднократные попытки военно-гражданского руководства Пакистана заложить «исламский социализм» как основу идеологии конструируемого нации-государства всё же позволяют говорить об ориенталистском мышлении пакистанских элит.

Лидеры национально-освободительного движения и отцы-основатели Пакистана стали апеллировать к исламу в первую очередь не как к религии, а как к комплексу норм и правил, конституирующих особую социальную группу мусульман в составе индийского общества. Так появилась «теория двух наций», обосновывающая необходимость создания на территории бывшей Британской Индии отдельных государств для индусов и мусульман.

Стоит отметить, что на протяжении многих веков распространения и развития ислама в Южной Азии мусульманские общины не имели единых религиозных авторитетов, а также не отличались наличием унифицированной системы горизонтальных и вертикальных связей. В результате, конструирование мусульманской общности в Британской Индии стоит назвать скорее ситуационно обусловленным феноменом, чем прямым результатом развития исторического процесса (Филимонова 2010а).

Так, «духовный отец Пакистана» Мухаммед Икбал в президентском послании к Мусульманской лиге в Аллахабаде в 1930 г. заявлял: «Следовательно, я требую образования консолидированного государства мусульман в интересах Индии¹ и ислама. Для Индии это будет означать безопасность и мир в результате устоявшегося внутреннего баланса сил; исламу это даст возможность освободиться от клейма, оставленного арабским империализмом, задействовать его правовые нормы, образовательные стандарты, культурные особенности и сблизить их с первоначальным духом ислама, а также с духом настоящего времени»².

Не отбрасывая ключевые идеи ислама о солидарности мусульман в глобальном масштабе, Икбал всё же встаёт на позиции территориального национализма, используя социокультурное наследие мусульман в качестве основы антикапиталистической идеологии в защиту эксплуатируемых классов – непосредственно религиозное наполнение ислама при этом нарочно размывалось (Белокреницкий 2015: 23–24).

¹ Имеется в виду весь полуостров Индостан, находившийся в то время под властью британской колониальной администрации.

² *Sir Muhammad Iqbal's 1930 Presidential Address to the 25th Session of the All-India Muslim League*. Allahabad, 29 December, 1930. URL: http://www.columbia.edu/itc/mealc/pritchett/00islamlinks/txt_iqbal_1930.html (accessed:18.10.2023)

Одновременно с этим пакистанские элиты, как и элиты многих азиатских государств (Индии, Индонезии, Бирмы), с интересом восприняли западные идеи фабианского социализма: их привлекал меньший радикализм такой интерпретации политического учения, при этом общий посыл был призван вызвать интерес у широких масс – будущих избирателей (Javed 2015).

Руководство Пакистана в дальнейшем смешивало дискурс западных левых политических учений и исламских представлений о социальной справедливости. Использование такой риторики давало возможность пакистанским элитам обеспечивать лояльность населения в краткосрочной перспективе, но на продолжительном отрезке времени несоответствие лозунгов и существующих реалий позволяло контрэлитам воспользоваться этой ситуацией.

Эволюция концепции «исламского социализма» в первые десятилетия существования Пакистана

«Вы лишь выражаете мои чувства и чувства миллионов мусульман, когда говорите, что Пакистан должен крепко стоять на началах социальной справедливости и исламского социализма – никакое учение так не подчёркивает равенство и братство между людьми», – обращался к понятию социализма основатель южноазиатского государства М.А. Джинна (Jinnah 2000: 166).

Впоследствии все руководители страны вне зависимости от конфигурации сложившейся на тот момент политико-административной системы управления государством или иных факторов так или иначе обращались к идеям социальной справедливости «с исламской спецификой». Обращались к ним и противники властей: в 1951 г. был раскрыт заговор офицеров в Равалпинди, которые были уличены в подготовке военного переворота в сотрудничестве с Коммунистической партией Пакистана (Ahmed 2010: 255).

Уже в ходе первого военного правления после переворота 1958 г. генерал М. Айюб Хан кардинально изменил систему управления страной с принятием новой Конституции 1962 г.: парламентская форма правления заменялась на президентскую, была сохранена система не прямых выборов главы государства и депутатов законодательных собраний (Huq 1966). Однако официально закреплённые ценностные ориентиры в социальной сфере не подверглись серьёзным изменениям, пусть термин «исламский социализм» и вышел из употребления – с 1954 по 1972 гг. Коммунистическая партия Пакистана находилась под запретом, а политические лидеры страны предпочитали не использовать дискурс коммунистов (Белокреницкий, Москаленко 2008: 246).

При этом Основной закон подразумевал, что Пакистан базируется на «исламских принципах социальной справедливости», а мусульманам предоставлялась возможность «частным и коллективным образом строить свою жизнь

в соответствии с основными принципами и идеями ислама, изложенными в Священном Коране и Сунне»³.

Несмотря на апелляцию к идеям ислама и социальной справедливости, военный режим Айюб Хана всё же проводил экономическую политику в интересах крупных и средних промышленников. Аграрная реформа была нацелена на снижение роли помещиков-землевладельцев и подъём фермерских хозяйств, частные промышленные предприятия получали субсидии и налоговые льготы в целях стимулирования экспорта. Главной целью экономической политики тех лет стали высокие темпы экономического роста (Каменев 2014: 76–77). Режиму Айюб Хана удалось её достичь: наблюдаемые в этот период рекордные темпы прироста ВВП (6,6 п.п.), прироста промышленного производства (9,9 п.п.), возросшая производительность труда (3,39 п.п.) позволили исследователям обозначить его как «десятилетие развития» (Галищева 2018: 21–23).

Однако успехи в рамках макроэкономической модели, ориентированной на развитие частного капитала, сопровождались ростом социальной напряжённости, имущественным неравенством, диспропорциями в развитии отдельных территорий – в особенности, Восточного Пакистана. Итоговую черту под накопившимися политическими и социально-экономическими противоречиями подвели восстание в Восточном Пакистане и третья индо-пакистанская война 1971 г. за независимость будущей Бангладеш.

Поражение Пакистана привело к падению военного режима и поставило новое гражданское руководство страны перед необходимостью найти новую долгосрочную модель развития, поскольку предыдущая себя не оправдала. Итогом «десятилетия развития» стал не только разгром в войне и социально-экономический кризис, но и фактический распад страны на две части, сопровождаемый падением авторитета Пакистана на международной арене. Такая ситуация вынудила нового президента (занявшего после принятия новой Конституции 1973 г. пост премьер-министра) З.А. Бхутто предпринять радикальные меры как во внутренней, так и во внешней политике.

Реализация политики «исламского социализма» при З.А. Бхутто: внутриполитическое измерение

«Ислам – наша вера, демократия – наша политика, социализм – наша экономика, вся власть – народу» – эти четыре лозунга открывали предвыборную программу Пакистанской народной партии, ПНП (*Pakistan People's*

³ *The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan (As Modified up to the 10th April)*. Karachi. 1968. P. 1-2. URL: <https://factfocus.com/wp-content/uploads/2021/03/Constitution-of-Islamic-Republic-of-Pakistan-1962-with-Appendix-and-Index.pdf> (accessed:18.10.2023)

Party, PPP)⁴. Хотя сам Бхутто никогда не отличался симпатией к идеям социализма (а потому главными теоретиками режима и проводниками социалистических реформ выступили левые интеллектуалы М. Хасан и Д.А. Рахим – оба политика занимали пост генерального секретаря ПНП), созданная им партия была призвана отвечать запросам населения на большую социальную справедливость. Намерение «занять особняки богачей и превратить их в больницы для бедняков», лёгкие для запоминания обещания снабдить широкие массы «едой, одеждой и жильём» обеспечили ПНП поддержку во всём Западном Пакистане (Malhotra 2003: 257).

20 декабря 1971 г. сменивший в 1969 г. Айюб Хана на посту президента страны генерал А.М. Яхья Хан передал полномочия главы государства и администратора военного положения З.А. Бхутто, в прошлом – функционеру военного режима, перешедшему в оппозицию и заявившему о своих социалистических взглядах после конфликта с верховным руководством страны.

Уже в январе 1972 г. новый правитель Пакистана объявил о национализации предприятий десяти важнейших отраслей экономики, а именно – сталелитейной и металлообрабатывающей промышленности, машиностроения и двигателестроения, химической и нефтехимической промышленности, а также фирм страхования. Спустя год список дополнили ориентированные на экспорт рисоводство и хлопководство, а с 1 января 1974 г. было объявлено о национализации всех пакистанских частных банков.

Национализация предприятий сопровождалась широко освещаемыми арестами членов «промышленных семей» и покровительствовавших им чиновников. Зачастую показательные репрессии касались лишь управляющих предприятиями, владельцы оставались на свободе и были вольны распоряжаться своими активами как им заблагорассудится. При этом гораздо меньшее давление оказывалось на крупных землевладельцев, выступавших в качестве опоры режима З.А. Бхутто среди элитных групп (Badejo 1988).

З.А. Бхутто, будучи выходцем из среды крупных землевладельцев, с течением времени перестал уделять внимание программам экономистов социалистической ориентации и перешёл к реализации «реактивной» макроэкономической политики с целью получения поддержки со стороны крупных игроков аграрного сектора. Так, в ходе уже третьей волны национализации промышленных предприятий в 1976 г. три четверти предприятий агропромышленного комплекса фактически перешли под контроль «феодальной аристократии» (Kiran 2020: 136–138).

⁴ *Manifestos of Pakistan People's Party, 1970 & 1977*. URL: <http://sanipanhwar.com/Manifestos%20of%20Pakistan%20Peoples%20Party%201970%20and%201977.pdf> (accessed:18.10.2023)

Отход от продуманной, хотя и местами неоднозначной макроэкономической политики, в пользу экстренных мер по спасению экономики вряд ли могли исправить сложившееся к 1977 г. положение. Ко всему прочему, к тому моменту режим З.А. Бхутто потерял прежние позиции и во внутривнутриполитической конфигурации.

Обращение к «исламскому социализму» в конце 1960-х – начале 1970-х гг. было продиктовано не только плачевным состоянием экономики, требующей прямого вмешательства государства, но и идеологическим кризисом, ставящим под вопрос состоятельность пакистанской государственности.

Ислам и его социокультурные нормы, согласно «теории двух наций», являлись достаточным основанием для существования государства мусульман в Южной Азии. Отцы-основатели Пакистана не желали принимать во внимание различия между представителями народов белуджи и синдхи, а также пуштунами и панджабцами – не говоря уже о бенгальцах. Волнения в Белуджистане, на территории нынешней провинции Хайбер-Пахтунхва (до 2010 г. – Северо-западной пограничной провинции и до 2018 г. – Территорий племен федерального управления), а также полноценная гражданская война в Восточном Пакистане (будущая Бангладеш) с последующим фактическим распадом государства на две части заставили Исламабад искать ответ на вызов в лице центробежных тенденций, обусловленных различиями в этнотерриториальной идентификации пакистанского населения.

З.А. Бхутто принял решение противопоставить этнонационализму, получившему дополнительный импульс после победы бенгальцев, «исламизацию» пакистанского общества в том виде, как его представляло руководство ПНП. Предпринятые усилия по «исламизации» носили самый общий характер⁵, поскольку были призваны объединить всех существующих в стране представителей интерпретаций ислама, а не разъединить их (Филимонова 2010b).

Но попытка запустить процесс «исламизации» Пакистана объединила не только сторонников З.А. Бхутто, но и его противников – в первую очередь, исламистские партии. Одним из самых ярких оппонентов власти стал маулана Саед Абул Ала Маудуди, лидер партии «Джамаат-е ислами» (Исламское общество, *Jamaat-e-Islami, II*), требовавший создания «подлинно исламского государства». Мусульманские богословы даже издали фетву, в которой концепция «исламского социализма» объявлялась «атеистической идеологией» и «анти-исламской пропагандой». З.А. Бхутто в свою очередь обвинял клерикалов в отсутствии поддержки идеи образования Пакистана в процессе национально-освободительного движения, а также в отказе объявить борьбу за Кашмир джихадом (Sanghro, Chandio 2019).

⁵ Создание шариатских судов, советов по исламской идеологии, запрет продажи и распития алкогольных напитков, азартных игр и т. д.

Переход от левого к исламистскому популизму не спас положение: многочисленные факты фальсификации итогов всеобщих выборов 1977 г. вызвали в стране политический кризис, результатом которого стал военный переворот и падение режима З.А. Бхутто.

Но такой итог не был предопределён. Изначально концепция «исламского социализма» была взята на вооружение исходя из опыта «стран социалистической ориентации», где соответствующие реформы приносили свои плоды и обеспечивали устойчивость политических режимов. Неудивительно, что попытки провести преобразования по социалистическому образцу внутри страны сочетались с попыткой переосмыслить общую внешнеполитическую стратегию Пакистана, важное место в которой должны были занять страны социалистического лагеря.

Концепция «исламского социализма» и внешняя политика Пакистана в отношении «второго мира»

Геостратегическое положение Пакистана обуславливает как очевидные преимущества для внешнеполитической деятельности, так и уязвимые места. С одной стороны, протяжённая береговая линия вдоль Аравийского моря на территории провинций Синд и Белуджистан позволяет строить военно-морскую и гражданскую портовую инфраструктуру для взаимодействия со странами Персидского залива и другими государствами региона Индийского океана; сухопутная граница с Ираном и Китаем позволяет налаживать сотрудничество с этими крупными политическими и экономическими субъектами мировой экономики и политики; граница с Афганистаном кроме кооперации непосредственно с Кабулом гарантирует выход на рынки Центральной Азии, в перспективе – с Россией. Эти условия принято обозначать как объективные факторы, обуславливающие безальтернативность союзнических отношений Пакистана с КНР и странами Залива.

С другой стороны, все вышеперечисленные преимущества (за исключением границы с КНР) подразумевают и ряд угроз: сложные отношения Исламабада с любым правительством в Кабуле не только препятствовали признанию Афганистаном линии Дюранда⁶ в качестве официальной границы между странами и увеличению «стратегической глубины» Пакистана⁷, но и усугубили ситуацию

⁶ Линия Дюранда – проведённая в 1893 г. колониальной администрацией граница между Британской Индией и Афганистаном, разделяющая пуштунское население на две страны. Все афганские правительства требовали пересмотра границы, Пакистан настаивает на её окончательном признании.

⁷ Стратегическая глубина – понятие, широко используемое южноазиатскими военными и политическими стратегами. В разном контексте используется и как военный термин, подразумевающий наличие пространства на территории Афганистана для перегруппировки пакистанских вооружённых сил в случае нападения Индии, и как политика недопущения изоляции Пакистана в случае прихода к власти в Афганистане проиндийского правительства.

в провинции Хайбер-Пахтунхва, населённой этническими пуштунами. Напряжённые отношения с Ираном осложняются не только противоречиями относительно развития Афганистана, но и проблемой сепаратизма народа белуджи, проживающего одновременно в Пакистане, Иране и Афганистане. Наконец, протяжённая граница с Индией и непосредственная географическая близость ключевых пакистанских объектов – экономической столицы, Карачи, портов на Макранском побережье и шоссе Карачи–Лахор к предположительному театру военных действий в ходе возможного конфликта (Aguillar et al. 2011), с точки зрения Исламабада, являются экзистенциальной угрозой самому существованию Пакистана. Ситуация осложняется уверенностью пакистанской общности в том, что «стратегический противник»⁸ видит в качестве своей конечной цели «уничтожение Пакистана», что якобы подтверждается неприятием идеи «государства мусульман» со стороны индийских элит ещё в период национально-освободительного движения (Waseem 2021: 103–104).

В первые десятилетия независимости пакистанское руководство выстраивало внешнюю политику, руководствуясь, прежде всего, стремлением парировать те или иные угрозы, а потому страна, в отличие от Индии, не стала делать ставку на политику неприсоединения и уже в 1950-е гг. вошла в блок западных держав, предлагавших помощь в обмен на «сдерживание коммунизма». В 1954 г. Пакистан присоединился к Манильскому пакту (Организация Договора Юго-Восточной Азии, South-East Asia Treaty Organization, SEATO), а в 1955 г. – к Багдадскому пакту (Организация Центрального Договора, Central Treaty Organization, CENTO).

Как выяснилось, участие Пакистана в Холодной войне на стороне США не гарантировало поддержку американцев в критические для Исламабада моменты. Хотя пакистанские вооружённые силы в результате интенсивного военнотехнического сотрудничества с США не уступали противнику в оснащении и подготовке, отсутствие дипломатической поддержки со стороны Вашингтона в ходе второй индо-пакистанской войны 1965 г. и наложенное американцами на воюющие стороны оружейное эмбарго не позволили пакистанским военным развить тактические успехи и одержать решительную победу. В ходе третьей индо-пакистанской войны 1971 г.⁹ США также не выступили в защиту своего союзника, ограничившись выступлением в ООН и демонстративным появлением оперативного соединения военно-морских сил США (Task Force 74) в Бенгальском заливе (Colbert, McGruther 1974).

⁸ Как в пакистанских, так и в индийских СМИ и экспертных комментариях для обозначения Индии и Пакистана соответственно используется термин «archival».

⁹ Первая (октябрь 1947 – декабрь 1948 гг.) и вторая (август–сентябрь 1965 г.) индо-пакистанские войны – вооружённые конфликты из-за территориального спора между Пакистаном и Индией по поводу принадлежности Кашмира. Причиной третьей (декабрь 1971 г.) стало стремление Восточного Пакистана (ныне Бангладеш) обрести независимость, на стороне которого выступила Индия.

Такое поведение американцев может быть объяснено первоначальной переоценкой значимости Пакистана в региональной системе безопасности американскими стратегами в администрации президента Д. Эйзенхауэра и недооценка степени недовольства Индии и Афганистана, проявившихся после вступления Пакистана в вышеуказанные договоры безопасности и предоставления ему военной помощи (Raghavan 2019: 175–178).

В условиях ненадёжности традиционного партнёра в лице США руководство Пакистана было вынуждено отойти от блоковой внешней политики и обратить внимание на иных потенциальных партнёров. З.А. Бхутто взял на вооружение так называемую стратегию «билатерализма»: было принято решение развивать отношения не только со странами «первого», но и «второго» мира. С тех пор важнейшим партнёром Пакистана на десятилетия вперед стала Китайская Народная Республика.

Китайско-пакистанскому сближению способствовало несколько факторов. Во-первых, индийско-китайское противостояние, вылившееся в пограничную войну 1962 г. и закончившееся поражением Индии, обусловило возможность для Исламабада и Пекина выстраивать общую стратегию против Нью-Дели. Во-вторых, внимание США к Пакистану в качестве «форпоста на пути распространения коммунизма» в Южной Азии стало ослабевать, поскольку конфликт между Индией и Китаем давал Вашингтону надежду на то, что Нью-Дели сможет стать новым региональным союзником американцев в противовес Пекину. И наконец, с ростом антиамериканизма в Пакистане и сохранением недоверия к Москве пакистанским элитам и обществу всё больше импонировала риторика Мао Цзэдуна, призывающая к противостоянию одновременно «империалистической» политике США и «ревизионистской» политике Советского Союза. Кроме того, маоистская теория «крестьянской революции» отвечала запросам преимущественно сельского населения Пакистана, недовольного диспропорциональным в масштабах страны обогащением городов и промышленников в годы правления президента М. Айюб Хана (Ahmed 2010: 256–258).

Пекин стал первой столицей, куда З.А. Бхутто прибыл с официальным визитом в феврале 1972 г. – особое внимание развитию отношений с КНР поддерживалось на протяжении всего периода его пребывания у власти. КНР способствовала строительству комплекса тяжёлого машиностроения в Таксиле (Heavy Mechanical Complex in Taxila) и Авиапромышленного комплекса в Камре (Pakistan Aeronautical Complex) – ключевых предприятий пакистанского ВПК, первоначально предназначенных для ремонта и выпуска запчастей для китайской техники (Кашин 2019: 14). При этом значительную часть вооружений поставляли из Китая: Пакистан получил 500 танков Т-59, 300 самолетов F-6, 25 военных кораблей (Белокреницкий, Москаленко 2008: 272). Заложенный в годы правления З.А. Бхутто фундамент военно-технического сотрудничества между Китаем и Пакистаном остаётся краеугольным камнем «всепогодного партнёрства» и в наши дни.

Несмотря на наметившийся в начале 1960-х гг. разлом в мировом коммунистическом движении между двумя центрами силы – Москвой и Пекином, а также традиционно антисоветскую позицию Исламабада, решительная поддержка Москвой Нью-Дели в индо-пакистанской войне 1971 г. натолкнула З.А. Бхутто на мысль о необходимости выстраивания конструктивных отношений с Советским Союзом. Кроме того, ещё в бытность министром энергетики, связи и промышленности в правительстве М. Айюб Хана будущий лидер Пакистана курировал советско-пакистанские проекты по разведке и добыче полезных ископаемых в Пакистане.

З.А. Бхутто прибыл с визитом в Москву уже в марте 1972 г., где получил благожелательный прием и заручился гарантиями развития советско-пакистанских политических и экономических связей. Политическое сближение с Советским Союзом и социалистическим лагерем было закреплено выходом Пакистана из Британского Содружества и СЕАТО, развитием связей с КНДР, ГДР, Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ) и Демократической Кампучией, Организацией Освобождения Палестины (ООП) (Kiran 2020: 141–143). Высшей точкой советско-пакистанской экономической кооперации стало строительства металлургического комбината в Карачи, строительство велось на выданный в 1973/74 финансовом году¹⁰ советский кредит и было завершено в 1985 г.

Наметившееся в годы правления З.А. Бхутто развитие советско-пакистанских отношений было прервано военным переворотом 1977 г. и приходом к власти генерала М. Зия-уль-Хака, использовавшего ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан в 1979 г. в качестве возможности вновь занять важное место в стратегических приоритетах США, опиравшихся на Пакистан как на «прифронтовое государство» на очередном участке Холодной войны. Даже при отсутствии внушительных успехов на советском направлении, Бхутто стремился сбалансировать внешнюю политику Пакистана и заручиться поддержкой социалистического лагеря. Если эту задачу можно назвать выполненной лишь частично и на непродолжительный срок, то третий вектор внешнеполитической деятельности Исламабада в рассматриваемый период – развитие связей с исламским миром – остаётся ключевым фактором, влияющим на положение Пакистана и в современной мировой политике.

Развитие связей с мусульманскими странами являлось продолжением общей идеологии «исламского социализма», согласно которой Пакистан призван бороться с проявлениями «империализма и неоколониализма», защищая «угнетенные народы» и проявляя «солидарность с мусульманами»¹¹. Ключевое значение для повышения роли исламского мира сыграл нефтяной кризис 1973 г.,

¹⁰ Финансовый год в Пакистане охватывает период с 1 июля по 30 июня.

¹¹ *Manifestos of Pakistan People's Party, 1970 & 1977*. URL: <http://sanipanhwar.com/Manifestos%20of%20Pakistan%20Peoples%20Party%201970%20and%201977.pdf> (accessed:18.10.2023)

наступивший вслед за войной Судного дня между Израилем и коалицией арабских государств. Твёрдая позиция Пакистана по поводу непризнания Государства Израиль и защиты палестинского народа в русле риторики «исламского социализма» закрепили за Исламабадом роль одного из главных защитников мусульман по всему миру.

Последовавшее следом решение монархий Персидского залива наложить эмбарго на поставки нефти в страны Запада, поддержавшие Израиль, в долгосрочной перспективе усугубило положение энергетического сектора в Пакистане, но продемонстрировало Исламабаду необходимость поддерживать добрососедские отношения с ближайшими соседями. Военно-гражданское руководство страны сделало ставку на становление Пакистана в качестве важного элемента регионального комплекса безопасности: поддерживались регулярные контакты на уровне начальников штабов вооружённых сил и министров обороны, пакистанские военные оказывали содействие в обслуживании военной техники и подготовке личного состава вооружённых сил стран Залива (Москаленко 1984: 215–220).

«Звездным часом» З.А. Бхутто стало проведение второй исламской конференции в Лахоре, состоявшейся в феврале 1974 г. В саммите приняли участие представители 38 государств, в том числе король Саудовской Аравии Фейсал и президент Египта А. Садат. Объявленное накануне признание Бангладеш и приглашение лидера страны М. Рахмана свидетельствовало о миролюбивом настрое Исламабада по отношению к «бывшим соотечественникам». Присутствовал на саммите и другой всемирно известный теоретик «исламского социализма» – лидер Ливийской Джамахирии М. Каддафи.

Внешняя политика З.А. Бхутто не только вывела Пакистан из кризиса после унижительного поражения в войне, но и дала возможность стране по-новому позиционировать себя на международной арене благодаря риторике «исламского социализма». Отказ от иллюзий в отношении американских обязательств по обеспечению безопасности Пакистана позволил заложить основу для долгосрочного партнёрства с КНР и странами Залива, а также создать прецедент для дальнейшего сотрудничества с Советским Союзом и Российской Федерацией.

Наследие «исламского социализма» во внутренней и внешней политике Пакистана

Премьер-министру не удалось претворить в жизнь установки «исламского социализма», но проводимый им курс оказал большое влияние на последующее развитие пакистанской политической культуры. Во-первых, процесс «ислаимизации» легитимизировал исламистские партии, которые стали опорой военного режима М. Зия-уль-Хака в 1980-е гг. и одной из ключевых политических сил в последующие десятилетия.

Во-вторых, хотя социалистические идеи не пользуются популярностью у элиты страны, нынешние светские политические силы (Пакистанская мусульманская лига Наваза Шарифа, Пакистанская народная партия, Движение за справедливость) также не могут игнорировать общественный запрос на социальную справедливость, а Б. Бхутто-Зардари (внук З.А. Бхутто и лидер ПНП) напрямую апеллирует к наследию своего деда. При этом его политическим конкурентам (И. Хану и семье Шарифов) не мешает периодически использовать схожий дискурс ни отсутствие партийной истории в 1970-е гг. в первом случае, ни классовое происхождение (Шарифы являются крупными панджабскими промышленниками) во втором.

Наконец, риск присвоения повестки «исламского социализма» радикальными группировками, самой заметной из которых является «Движение Талибан Пакистана»¹² (ДТП, Tehreek-e-Taliban Pakistan, ТТР), будет и впредь вынуждать политические элиты страны использовать социально ориентированные лозунги с тем, чтобы не допустить их апроприации экстремистскими элементами.

Возвращение к стратегическому альянсу с США после военного переворота и войны в Афганистане не повлияли на внешнеполитические приоритеты Пакистана, закреплённые в годы правления З.А. Бхутто. Во-первых, Пекин остался одним из главных политических и экономических партнёров Исламабада. Этому не помешало и глобальное американо-китайское противостояние. Несмотря на зависимость от американской финансовой и военно-технической поддержки, Пакистан не готов идти на уступки США в вопросах сотрудничества с КНР.

Во-вторых, Исламабад продолжает позиционировать себя в качестве одного из лидеров исламского мира. Более того, проведение ядерных испытаний в 1998 г. позволили военно-гражданскому руководству страны с гордостью заявлять о том, что ядерное оружие Пакистана принадлежит всему исламскому миру. В отношениях со странами Залива при этом важную роль играют не столько вопросы престижа, сколько энергетические связи, инвестиционное сотрудничество и условия проживания пакистанских трудовых мигрантов – проблемы, которые не сойдут с пакистанской повестки дня.

Наконец, развитие российско-пакистанских связей в последние годы также может рассматриваться как продолжение отношений, заложенных в годы правления З.А. Бхутто. Так, строительство металлургического комбината в Карачи остаётся значимым примером российско-пакистанского сотрудничества, ориентироваться на который призывают обе стороны.

¹² Организация признана террористической и запрещена в России.

Заключение

Пакистан не является государством, исторически выстроенным на взаимодействии социальных групп, в результате образовавших нацию-государство. «Государство мусульман» было *создано* исходя из идеи, согласно которой ислам и его социокультурные нормы являются достаточным основанием для выделения мусульман колониальной Индии в отдельную нацию. При этом отцы-основатели государства апеллировали к исламу в первую очередь не как к религии, а как к секуляризованному комплексу норм и правил.

Одновременно с этим увлечение западными левыми идеями подтолкнуло лидеров национально-освободительного движения искать «социалистические» установки в мусульманских религиозных текстах, что указывает на ориенталистский тип мышления пакистанских элит. Имеющие слабое представление о значении ислама в жизни мусульман Британской Индии, получившие западное образование интеллектуалы предпочли не замечать разницу в восприятии ислама у разных народов будущего Пакистана и самостоятельно выделили особенности «исламского мировоззрения», среди которых нашлось место и понятиям о социальной справедливости. Так возникла концепция «исламского социализма», пользовавшаяся популярностью на всех этапах развития Пакистана и повлиявшая на внешнеполитическую стратегию страны.

Геостратегическое положение Пакистана дало стране не только определённые преимущества, но и подчеркнуло его уязвимые места, что вынудило пакистанское руководство изначально ориентироваться на США и их союзников в Холодной войне. Переоценка надёжности стратегического союзника в контексте противостояния с Индией привела Пакистан к поражению в войне 1971 г., поставившему вопрос о необходимости переосмыслить внешнеполитические приоритеты Исламабада.

В результате Пакистан стал активнее сотрудничать со странами «второго и третьего мира», закладывая основы «всепогодного партнёрства» с КНР, налаживая отношения с СССР и его союзниками, формируя образ одной из ключевых стран исламского мира.

Внутриполитические неудачи привели к падению режима З.А. Бхутто, но его риторику взяли на вооружение все современные политические силы страны, а также радикальные группировки. Основные векторы внешней политики, заложенные в период «исламского социализма», также не ушли из повестки после военного переворота. Обозначенные в 1970-е гг. и конъюнктурно обусловленные внешнеполитические приоритеты составляют основу пакистанской стратегической культуры вот уже несколько десятилетий и воспринимаются как традиционные вневременные императивы пакистанской внешней политики.

Об авторе:

Глеб Григорьевич Макаревич – младший научный сотрудник Центра Индоокеанского региона Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. 117997, Россия, Москва, улица Профсоюзная, 23.

E-mail: gmakarevich@imemo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 94:327(549.1)
Received: April 28, 2023
Accepted: October 22, 2023

«Islamic Socialism» in Pakistan: Evolution, Implementation and Legacy in Domestic and Foreign Policy

G.G. Makarevich

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-5-92-58-76](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-58-76)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

Abstract: The article examines the phenomenon of "Islamic socialism" in Pakistan and its impact on the nation's current domestic and foreign policies. Employing critical theory, the author delves into an analysis of the political class's objectives and how the environmental context influenced the political process, offering insights into the perceptions held by higher echelons. The application of elite theory allows for a deconstruction of the Pakistani statehood, unveiling the specific social groups shaping developmental trajectories. By leveraging historical sociology in international relations, the article investigates the influence of historical underpinnings on the decision-making of social groups, shedding light on their endeavors to construct the past for political purposes.

The study meticulously traces the origins of "Islamic socialism," exploring the discourse's evolution in the initial decades following the country's independence. It identifies the driving forces that led the state leadership to adopt the model of "Islamic socialism." Focused on the tenure of Zulfikar Ali Bhutto (1971–1977), the article examines the implementation of the "Islamic socialism" policy and the subsequent reasons for its failure, culminating in a military coup. The author contends that the principles of "Islamic socialism" introduced in Pakistan's domestic and foreign policy retained relevance even after its rejection.

Conclusively, the article posits that the "Islamic socialism" constructed by Pakistani elites, often viewed through an orientalist lens, emerged not only as a response to the crisis in Pakistani statehood but paradoxically, became a crucial driver in shaping Islamabad's foreign policy determinants. Notably, this development forged integral relationships with China and the Islamic world, evolving into pivotal imperatives in Pakistan's grand strategy.

This study highlights the interplay between "Islamic socialism," the crisis in Pakistani statehood, and its unforeseen impact on foreign policy, ultimately forming the bedrock for Islamabad's strategic engagements with China and the Islamic world.

Keywords: Pakistan, Islamic socialism, orientalism, US, China, Islamic world

About the author:

Gleb G. Makarevich – Junior Research Fellow of Centre of the Indo-Pacific Region of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya street, Moscow, 117997, Russia.
E-mail: gmakarevich@imemo.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Aguilar F., Bell R., Black N., Falk S., Rogers S., Peritz A. 2011. *An Introduction to Pakistan's Military*. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School.
- Ahmed I. 2010. The Rise and Fall of the Left and the Maoist Movements in Pakistan. *India Quarterly*. №3. P. 251–265. DOI: 10.1177/097492841006600302
- Badejo B.A. 1988. Bhutto and the PPP's Socialism? *India Quarterly*. №3/4. P. 240–252.
- Colbert R.G., McGruther K.R. 1974. The Role of Perception in Naval Diplomacy. *Naval War College Review*. №2. P. 3–20.
- Huq M. 1966. Electorates and elections in Pakistan. *Civilisations*. №1. P. 45–56.
- Javed I. 2015. Theory and Practice of Fabian Socialism: A Case Study of Pakistan. *Pakistan Horizon*. №1. P. 103–123.
- Jinnah M.A. 2000. *Speeches and Statements 1947–1948*. Karachi: Oxford University Press. 242 p.
- Kiran N. 2020. Z.A. Bhutto's Cabinet: A Study of Its Role in Formulation of Economic and Foreign Policy, 1971–1977. *Journal of the Research Society of Pakistan*. №2. P. 133–152.
- Malhotra I. 2003. *Dynasties of India and Beyond: Pakistan, Sri Lanka, Bangladesh*. New Delhi: HarperCollins Publishers India. 363 p.
- Raghavan S. 2019. *The Most Dangerous Place: A History of United States in South Asia*. Haryana: Penguin Random House India. 472 p.
- Sanghro R. R., Chandio, J. A. 2019. Emerging the Concept of Islamic Socialism in Pakistan: Historical Analysis on Political Debates of 1970–1971 Election Campaign. *Journal of History Culture and Art Research*. №2. P. 51–61. DOI: 10.7596/taksad.v8i2.2042
- Siddiqi A. 2020. *The Convergence of Pakistan and Gulf Strategic Interests: An Assessment*. Ankara: Center for Middle Eastern Studies. 26 p.
- Waseem M. 2021. *Political Conflict in Pakistan*. London: C. Hurst & Company. 576 p.
- Belokrenitskii V.Ya. 2015. Osobennosti natsionalizma i natsii-gosudarstv na Vostokey, v islamskom mire (na primere Pakistana) [Features of Nationalism and Nation-States in the East, in the Islamic World (exemplified by Pakistan)]. Belokrenitskii V.Ya., Ulchenko N. Yu. (eds) *Natsii i natsionalizm na musul'manskom Vostokey* [Nations and Nationalism in Muslim East]. Moscow: IV RAN. P. 15–35. 488 p. (In Russian)

Belokrenitskii V.Ya., Moskalenko V.N. 2008. *Istoriya Pakistana. XX vek.* [History of Pakistan, 20th Century]. Moscow: IV RAN, Kraft+. 640 p. (In Russian)

Filimonova A.L. 2010a. Ideya Pakistana: predystoriya formirovaniya [Idea of Pakistan: Pre-history of Formation]. *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies.* №3. P. 84–101. (In Russian)

Filimonova A. L. 2010b. Kontseptsiya "islamizatsii" v politike formirovaniya pakistanskoi natsii (1970–1980-e gg.) [Concept of «Islamization» in the Policy to Establish Pakistan's Nation (1970–1980)]. *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies.* №4. P. 71–89. (In Russian)

Galishcheva N.V. 2018. *Ehkonomika Pakistana* [Economy of Pakistan]. Moscow: MGIMO-University. 373 p. (In Russian)

Kamenev S.N. 2014. *Ehkonomicheskoe razvitie Pakistana (1947–2012): makroehkonomicheskii analiz* [Economic Development of Pakistan (1947–2012): Macroeconomic Analysis]. Moscow: IV RAN, Centre of Strategic Conjecture. 384 p. (In Russian)

Kashin V.B. 2019. Kitaisko-pakistanskiiye otnosheniya [China-Pakistan Relations]. Borisov T. I., Makienko K. V. (eds.) *Pakistan: za ramkami stereotipov* [Pakistan: Behind the Stereotypes]. Moscow: Centre for Analysis of Strategies and Technologies. P. 11–19. 208 p. (In Russian)

Moskalenko V.N. 1984. *Vneshnyaya politika Pakistana: formirovanie i osnovnye etapy ehvolyutsii* [Foreign Policy of Pakistan: Formation and Main Stages of Evolution]. Moscow: «Nauka» Publishers. 299 p. (In Russian)

Panarin S.A. 2015. Ehdvard Said: kniga sofizmov. [Edward Said: Book of Sophisms]. *Historical Expertize.* 2(3). P. 78–105. (In Russian)

Said E. 2021. *Orientalism.* Moscow: Garage. 560 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Белокреницкий В.Я. 2015. Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (на примере Пакистана). *Нации и национализм на мусульманском Востоке.* Под ред. Белокреницкого В.Я., Ульченко Н.Ю. Москва: ИВ РАН.

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. 2008. *История Пакистана. XX век.* Москва: ИВ РАН, Крафт+.

Галищева Н.В. 2018. *Экономика Пакистана.* Москва: МГИМО-Университет.

Каменев С.Н. 2014. *Экономическое развитие Пакистана (1947–2012): макроэкономический анализ.* Москва: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры.

Кашин В.Б. 2019. Китайско-пакистанские отношения. *Пакистан: за рамками стереотипов.* Под ред. Борисова Т.И., Макиенко К.В. Москва: Центр анализа стратегий и технологий.

Москаленко В.Н. 1984. *Внешняя политика Пакистана: формирование и основные этапы эволюции.* Москва: Издательство «Наука».

Панарин С.А. 2015. Эдвард Саид: книга софизмов. *Историческая Экспертиза.* 2(3). С. 78–105.

Саид Э. 2021. *Ориентализм.* Москва: Музей современного искусства «Гараж».

Филимонова А.Л. 2010а. Идея Пакистана: предистория формирования. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение.* №3. С. 84–101.

Филимонова А.Л. 2010б. Концепция "исламизации" в политике формирования пакистанской нации (1970–1980-е гг.). *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение.* №4. С. 71–89.

Водная безопасность в контексте устойчивого управления трансграничными водными ресурсами в Каспийском регионе

Р.А. Алиев

Московский государственный институт международных отношений (университет)

В статье рассматриваются вопросы обеспечения водной безопасности стран Каспийского региона в рамках формирования комплексного подхода к управлению трансграничными ресурсами пресной воды с учётом их устойчивого развития. Автор анализирует текущее состояние управления водными ресурсами на крупных трансграничных реках Каспийского бассейна, выявляются ключевые аспекты водной политики стран региона, а также устанавливается связь прикладных аспектов водной безопасности с концепцией устойчивого развития.

В рамках исследования выявляются основные риски обеспечения водной безопасности для государств Каспия, основным из которых становится масштабная реализация гидроэнергетических проектов в странах верхнего течения крупных трансграничных рек. Неконтролируемое возведение плотин в верховьях приводит к целому ряду климатических изменений, включая обмеление рек в нижнем течении, истощение подземных вод, изменение режима осадков, засухи и др. Ситуация осложняется экологическим состоянием гидрологических систем, связанным с загрязнением водных ресурсов сточными водами и сельскохозяйственными удобрениями. Сооружение плотин в верховьях крупных рек, впадающих в Каспий, нарушит гидрологическое равновесие не только одного водного объекта, но и всей системы в целом. Урегулировать данную проблему возможно только с использованием механизмов многосторонней гидродипломатии и международного водного сотрудничества.

В качестве дополнительного решения в рамках возникающего водного дефицита в статье рассматриваются преимущества и недостатки опреснения, при этом отмечается, что для замкнутой гидрологической системы Каспийского моря процессы опреснения являются хоть и неизбежным, но далеко не лучшим с точки зрения экологии решением.

Ключевые слова: водная безопасность, устойчивое развитие, управление трансграничными водными ресурсами, ресурсы пресной воды, водная дипломатия, водное сотрудничество

Вопросы устойчивого обеспечения пресной водой выходят сегодня на международный уровень и рассматриваются в контексте проблем национальной безопасности (Рыбкина, Сивохиц 2019)¹. Дефицит пресной воды становится основным фактором водной безопасности, которая понимается как «доступ к достаточному количеству безопасной воды по доступной цене, чтобы вести чистую, здоровую и продуктивную жизнь, обеспечивая при этом защиту и улучшение природной среды» (Albrecht, Gerlak 2022).

Концепция водной безопасности предполагает интегративный междисциплинарный подход со стороны естественных и социально-политических наук применительно к интегрированному управлению водными ресурсами (Cook, Bakker 2012). Ключевой параметр такой безопасности заключается в количестве доступных ресурсов пресной воды и их дефиците по отношению к спросу (Gerlak et al. 2018).

Водная безопасность неразрывно связана с другими видами безопасности – национальной, климатической, энергетической, продовольственной, человеческой (Zeitoun 2016). Для данного исследования особенно важна связь водных ресурсов и продовольствия (Varis et al. 2017), так как в нём обосновывается необходимость интеграции управления водными, энергетическими и продовольственными ресурсами как единым комплексом (Muhirwa 2022; Azzam 2023).

Необходимость формирования гибких механизмов обеспечения водной безопасности в особенности важна в засушливых регионах, где институциональные механизмы и практики внутри и за пределами юрисдикции должны оперативно реагировать на новые вызовы (Albrecht et al. 2018). В мире существует 276 трансграничных бассейнов поверхностных вод и 592 трансграничных водоносных горизонта. На долю бассейнов трансграничных рек и озёр приходится порядка 60% мирового стока пресной воды, а на их территориях проживает около 40% населения планеты².

Для формирования устойчивой модели управления трансграничными водами используются механизмы водной дипломатии. По определению Н. Мирумачи, водная дипломатия рассматривается как средство предотвращения конфликтов и укрепления мира посредством совместного управления трансграничными водными ресурсами (Mirumachi 2020).

М. Кескинен отмечает, что в настоящее время не существует единого определения водной дипломатии, а её концепция направлена на рассмотрение политического характера трансграничного сотрудничества и координацию взаимодействий по водным ресурсам с более широким региональным сотрудничеством, геополитикой и внешней политикой (Keskinen et al. 2021).

¹ Попов В.В. 2023. Нехватка пресной воды становится крупнейшей мировой проблемой. *Независимая газета*. 18 апреля. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2023-04-18/3_8709_kb.html (дата обращения: 28.10.2023).

² Sindico F. Transboundary Water Cooperation and the Sustainable Development Goals. *UNESCO-IHP Advocacy Paper*. UNESCO: Paris, France, 2016. P. 45. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000244045?posInSet=7&queryId=N-2ba4c09a-e290-4e3d-9035-53ef4e705004> (accessed 28.10.2023)

Предлагаемый в данном исследовании подход предусматривает четыре основных процесса в рамках водной дипломатии, а именно: определение ключевых тем и соответствующих действующих лиц; анализ текущего состояния; выявление нежелательных драйверов и связанных с ними сценариев; определение возможных действий и направлений развития водной дипломатии (Keskinen et al. 2021).

Дж. Комэр в рамках реализации механизмов водной дипломатии в трансграничных водах на примере управления бассейном реки Оронт, совместно используемым Ливаном, Сирией и Турцией, подчёркивает важность разделения выгод и учёта взаимных интересов (Comair et al. 2013). Для преодоления барьеров трансграничного взаимодействия и достижения адаптивной и надёжной работы гидрологических систем ряд авторов предлагают использование технологий неформальной дипломатии. Так, например, Н. Мирумачи, рассматривая вопросы обеспечения водной безопасности в бассейне реки Меконг, отмечает роль дипломатии второго трека в информировании и обмене знаниями об общих водах, что позволяет государствам, находящимся ниже по течению, активно влиять на формирование повестки дня (Mirumachi 2020). Дж. Гао, анализируя природу трансграничных конфликтов в бассейне рек Ланьцан – Меконг, оценивает значение «мягкого сотрудничества» посредством обмена данными между прибрежными странами о функционировании системы речных водохранилищ, что в итоге привело к росту эффективности производства гидроэлектроэнергии и снижению напряжённости в отношениях (Gao et al. 2022). У. Саклани исследует возможность использования потенциала межсетевого взаимодействия в сфере гидроэнергетики для регионального управления трансграничными водами (Saklani et al. 2022). Определённый научный интерес представляет оценка гидрополитической роли «плотин дружбы», наглядно иллюстрирующих потенциальную роль воды для мира и международной солидарности (Haemmerli et al. 2023).

Вопросы устойчивого управления водными ресурсами достаточно тесно связаны с предотвращением последствий изменений климата (Crowley-Vigneau 2022). Наиболее губительные последствия для водных экосистем представляют такие климатические изменения, как таяние ледников, затяжные и разрушительные наводнения, экстремальные волны тепла, штормовые нагоны, засоление почв, опустынивание и др. Эти явления влияют как на качество пресной воды, так и на её наличие и доступность (Anik et al. 2023). Так, например, повышение среднегодовых температур и сезонный дефицит воды могут увеличить риск засух и поставить под угрозу сельскохозяйственное производство (Gerlak, Schmeier 2014). В итоге, проблема изменения климата с высокой долей вероятности может потребовать в перспективе пересмотра подхода международного права к водной безопасности с учетом глобальных аспектов воды (Cullet et al. 2021).

В данной статье автор сосредоточился на рассмотрении политических вопросов трансграничного водного сотрудничества в Каспийском регионе и анализе ключевых проблем устойчивого управления водными ресурсами.

В первом разделе статьи анализируется текущее состояние управления трансграничными водными ресурсами в странах Каспийского региона. В следующем разделе рассматриваются основные направления комплексного управления трансграничными водными ресурсами в Каспийском регионе с учётом повышения устойчивости гидрологических систем. Последний раздел посвящён рассмотрению преимуществ и недостатков опреснения и перспектив его применения как дополнительного решения для обеспечения водной безопасности стран Каспия.

Управление трансграничными водными ресурсами в странах Каспийского региона

Каспийское море, расположенное в центре Евразии, является крупнейшим замкнутым водоёмом на Земле. Водосборный бассейн Каспийского моря занимает площадь около 3,5 млн км² и включает части России, Казахстана, Туркменистана, Ирана и Азербайджана. В Каспийское море впадают реки Волга, Урал, Терек, Кура, Самур, Атрек. Каспийское море представляет собой уникальную экосистему с богатым биоразнообразием флоры и фауны, включая более 100 видов рыб, некоторые из которых являются эндемиками региона. В регионе также находится ряд важных водно-болотных угодий и мест обитания перелётных птиц. Каспийское море и его водосборный бассейн имеют большое экономическое и стратегическое значение. Регион богат запасами нефти и природного газа, при этом основная часть углеводородов добывается на морском шельфе. Кроме того, Каспийское море играет ключевую роль для региональной безопасности и стабильности, поскольку прибрежные страны имеют конкурирующие территориальные претензии и интересы.

Обеспеченность водными ресурсами в странах Каспийского региона сильно различаются в зависимости от таких факторов, как климат, географическое расположение и плотность населения (табл. 1).

Таблица 1. Обеспеченность ресурсами пресной воды в странах Каспийского региона в среднем на душу населения, м³

Table 1. Availability of fresh water resources in the countries of the Caspian region on average per capita, m³

Страна	Ресурсы пресной воды в среднем на душу населения, м ³
Российская Федерация	29944
Республика Казахстан	5041
Азербайджанская Республика	972
Туркменистан	206
Исламская Республика Иран	1943
Справочно: среднемировой показатель	5418,3

Источник: составлено автором по данным Института мировых ресурсов и Министерства природных ресурсов РФ.

В целом, нехватка водных ресурсов представляет серьёзную проблему во многих частях Каспийского региона, и эффективное управление ими играет ключевую роль в достижении устойчивого развития и обеспечении региональной стабильности. Практически весь Каспийский регион, за исключением России, входит в зону «водного стресса», возникающего на фоне дисбаланса водопотребления по отношению к совокупным объёмам водных ресурсов.

Российская часть бассейна Каспийского моря в основном покрыта водоразделом реки Волги, которая является крупнейшим речным бассейном в Европе. Река Волга и её притоки обеспечивают около 80% стока в Каспийское море.

Водные ресурсы Казахстана зависят от трансграничных бассейнов рек Сырдарья и Или, которые используются совместно с соседними странами. Сырдарья берёт начало в горах Киргизии и частично – на территории Китая, пересекает Узбекистан, Таджикистан и на территории Казахстана впадает в Аральское море.

Водохозяйственный комплекс Сырдарьи включает в себя каскад пяти водохранилищ³: Токтогульского (Киргизия), Андижанского (Узбекистан), Кайраккумского (Таджикистан), Чарвакского (Узбекистан) и Шардаринского (Казахстан), а также Коксарайский контррегулятор. На реке Нарын и вытекающей из неё Сырдарье расположен крупнейший в Центральной Азии Нарын-Сырдарьинский каскад ГЭС (табл. 2), построенный ещё во времена СССР и проходящий по территории Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана. В настоящее время в Киргизии в верховьях Нарына в процессе сооружения находятся ещё две гидроэлектростанции: «Камбар-Ата-1» и «Камбар-Ата-2» установленной мощностью 1860 и 360 МВт соответственно. В 2010 г. запущена в эксплуатацию первая очередь ГЭС «Камбар-Ата-2» мощностью 120 МВт, которая и является на текущий момент первой ступенью Нарын-Сырдарьинского каскада (табл. 2).

Таблица 2. Гидроэлектростанции Нарын-Сырдарьинского каскада

Table 2. Hydroelectric power plants of the Naryn-Syrdarya cascade

Наименование ГЭС	Река	Установл. мощность, МВт	Период ввода в эксплуатацию, гг.	Страна
Камбаратинская ГЭС-1 (ГЭС «Камбар-Ата-1»)	Нарын	1860 (проект)	2028 (план)	Киргизия, Джалал-Абадская обл.
Камбаратинская ГЭС-2 (ГЭС «Камбар-Ата-2»)		120 360 (проект)	2010, 2025 (план)	
Токтогульская ГЭС		1200	1975–1976	
Курупсайская ГЭС		800	1981–1982	
Таш-Кумырская ГЭС		450	1985–1987	
Шамалды-Сайская ГЭС		240	1992, 1994, 1996	
Уч-Курганская ГЭС		180	1961–1962	

³ Каскад водохранилищ – см. тезаурус (Приложение I).

Наименование ГЭС	Река	Установл. мощность, МВт	Период ввода в эксплуатацию, гг.	Страна
Кайраккумская ГЭС (ГЭС «Дружба народов»)	Сырдарья	126	1956–1957	Таджикистан, г. Гулистон
Фархадская ГЭС		128	1948–1949	Таджикистан (головной узел), Узбекистан, Сырдарьинская обл.
Шардаринская ГЭС		126	1967	Казахстан, Туркестанская обл.
Совокупная мощность:		3370 5470 (проект)		

Источник: составлено автором.

В сентябре 2012 г. Россия и Киргизия подписали соглашение о реализации проекта Верхненаарынского каскада ГЭС с перспективой экспорта электроэнергии в Казахстан и Китай. Однако данный проект был заморожен в связи с разногласиями сторон относительно изменения условий договора⁴.

Тем не менее Киргизия представляет амбициозные планы по развитию своего гидроэнергетического потенциала, предусматривающие сооружение на реке Нарын, помимо действующих гидроэлектростанций, восьми каскадов из 34 ГЭС, из которых к реализации в среднесрочной перспективе планируются проекты Казарманского, Суусамыр-Кокомеренского, Куланакского, Алабугинского и Атбашинского каскадов (табл. 3)⁵.

Таблица 3. Планируемые к реализации в среднесрочной перспективе проекты каскадов ГЭС на реке Нарын

Table 3. Projects of HPP cascades on the Naryn River planned for implementation in the medium term.

Наименование каскада ГЭС	Количество ГЭС, шт.	Установленная мощность, МВт
Казарманский каскад	4	1160
Суусамыр-Кокомеренский каскад	3	1305
Куланакский каскад	5	439
Алабугинский каскад	4	414
Атбашинский каскад	7	172

Источник: ОАО «Национальная энергетическая холдинговая компания» (Киргизия)

⁴ Костенко Ю. 2017. Кто заплатит за Верхненаарынский каскад? Информационное агентство «24.kg» – Новости Кыргызстана. 11 февраля. URL: https://24.kg/ekonomika/44886_kto_zaplatit_zanbspverhnenaryinskiy_kaskad/ (дата обращения: 28.10.2023).

⁵ Перспективные инвестиционные проекты Кыргызской Республики. 2016. Доклад ОАО «Национальная энергетическая холдинговая компания». Первый инвестиционный форум по энергетике. Исламабад, Пакистан. 24 октября. URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/2016-EIF-Presentation-Session1-KGZ-ru.pdf> (дата обращения: 28.10.2023).

Строительство столь масштабных гидротехнических сооружений в ближайшие 10 лет как дополнение к уже действующему каскаду ГЭС может существенным образом отразиться на водной безопасности находящихся ниже по течению стран, что вызывает серьёзную обеспокоенность руководства Узбекистана и Казахстана⁶.

В 2021 г. наблюдалось резкое снижение объёмов поступающей из Шардаринского водохранилища воды и обмеление Сырдарьи в нижнем течении, вследствие чего вода перестала поступать в северную часть Аральского моря, под угрозой высыхания оказалось озеро Камбаш, при этом семнадцать озёр в Кызылординской области уже высохло⁷. Река Или, устье которой расположено на территории Китая, проходит по Алматинской области Казахстана и впадает в озеро Балхаш. В южной части Казахстана дефицит водных ресурсов представляет серьёзную проблему в связи с истощением бассейна Аральского моря, вызванного ирригационными мероприятиями и строительством плотин.

Туркменистан, где преобладают пустынные территории, сталкивается с недостатком воды. Важную роль в обеспечении водоснабжения в стране играет река Амударья, которая берёт начало в Афганистане и протекает по территории Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, где впадает в Аральское море.

На Амударье на границе Узбекистана и Туркменистана расположена Туямуюнская ГЭС установленной мощностью 150 МВт, водорегулирующие сооружения которой образуют три водохранилища (Капарасское, Султансанджарское и Кошбулакское) совокупной ёмкостью 7,8 км³. Основной задачей функционирования Туямуюнской ГЭС, помимо выработки электроэнергии, является подача воды для мелиоративных нужд Хорезмской области и Каракалпакстана в Узбекистане и Дашогузского вейалата в Туркменистане, а также водоснабжение промышленных предприятий и домашних хозяйств.

Русло Амударьи неустойчиво и неоднократно меняло свои очертания, а объёмы её стока значительно меняются год от года (Чёрная, Шатрова 2020). Одним из серьёзных внешних факторов нарушения гидрологического равновесия реки стал водный канал Каракорум длиной 1000 км, построенный в пустыне Каракумы в Туркменистане для перекачки воды из реки для орошения оазисов Мары и Теджен (Ахмад и др. 2021). В прошлом Амударья по руслу Узбой впадала в Каспийское море, но в настоящее время оно пересохло. Во второй половине XX в. увеличение площади орошаемых земель привело к обмелению Амударьи до той степени, при которой в маловодные годы она не достигала Аральского моря,

⁶ Строительство ГЭС на Амударье и Сырдарье должно быть согласовано со всеми странами. 2014. Информационно-аналитический портал *Central Asia*. 25 ноября. URL: <https://centralasia.media/news:1069321/> (дата обращения: 28.10.2023).

⁷ Ондирис А. 2021. «Здесь была река». Почему обмеление Сырдарьи достигло критической отметки за всю историю. А. Ондирис. *Tengri News*. 2 ноября. URL: <https://tengrinews.kz/article/zdes-reka-pochemu-obmelenie-syirdari-dostiglo-kriticheskoy-1663/> (дата обращения: 28.10.2023).

что, в конечном итоге, привело к деградации дельты реки и катастрофическому снижению уровня моря. На текущий момент площадь водного бассейна Аральского моря сократилась наполовину, и 36 000 км² бывшей морской территории теперь покрыто солью⁸.

Усугубить и без того непростую гидрологическую ситуацию в бассейне Амударьи может вывод на полную мощность Рогунской ГЭС, сооружаемой в настоящее время в Таджикистане на реке Вахш, являющейся правой составляющей Амударьи. Амбициозный проект сооружения самой высокой в мире плотины (335 м) ставит перед собой цель не только продемонстрировать энергетическую мощь государства, но и установить ещё больший контроль над водными ресурсами.

Рогунская ГЭС стала первой ступенью Вахшского каскада ГЭС, расположенного в нижнем течении реки Вахш в Хатлонской области Таджикистана (табл. 4).

Таблица 4. Гидроэлектростанции Вахшского каскада

Table 4. Hydroelectric power plants of the Vakhsh cascade

Наименование ГЭС	Установл. мощность, МВт	Период ввода в эксплуатацию, гг.
Рогунская ГЭС	240 3600 (проект)	2018 – первый агрегат, 2019 – второй агрегат
Шурабская ГЭС	850 (проект)	В стадии проектирования
Нурекская ГЭС	3000	1972
Байпазинская ГЭС	600	1986
Сангтудинская ГЭС-1	670	2008
Сангтудинская ГЭС-2	220	2011
Головная ГЭС	240	1962
Перепадная ГЭС	29,5	1958
Центральная ГЭС	15,1	1964
Совокупная мощность	4970 9180 (проект)	

Источник: СВО БЕКЦА

Таким образом, специфика трансграничного управления водными ресурсами в Центральной Азии затрагивает как «поставщиков» водных ресурсов (Таджикистан и Киргизию), так и их «потребителей» (Узбекистан, Казахстан и Туркменистан). Тем не менее все пять стран достаточно тесно связаны между собой: так, например, Таджикистан и Киргизия зависят от поставок углеводородов – прежде всего, природного газа – из Туркменистана, Казахстана и Узбекистана, что в значительной степени смягчает модель гидрогегемонии (Mohapatra 2023). Более того, оптимизации трансграничного управления в историческом контексте способствовало создание в 1980 г. Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР двух бассейновых водохозяйственных объединений:

⁸ Водный кризис. Официальный сайт Всемирного водного совета. URL: http://cawater-info.net/int_org/wwwc/water_crisis.htm (дата обращения: 28.10.2023)

БВО «Сырдарья» и БВО «Амударья». С обретением независимости пять республик Центральной Азии подписали в 1992 г. Соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и о создании единого водохозяйственного органа – Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК), являющейся межгосударственным органом, уполномоченным принимать обязательные к исполнению решения по вопросам трансграничного водопользования⁹.

Однако следует отметить, что все страны Центральной Азии стремятся к энергетической независимости, испытывая при этом потребность в иностранных инвестициях, что повышает их уязвимость для иностранных геополитических интересов (Abdolvand et al. 2015). Результаты оценки водной безопасности показали наиболее сложную ситуацию в Узбекистане, что указывает на необходимость совершенствования управления водными ресурсами (Wang et al. 2020).

В Иране водные ресурсы различаются в зависимости от засушливого и полусухого климата. Основными источниками пресной воды в Иране являются реки Карун, Кархе и Сефидруд. Карун, единственная судоходная река в стране, берёт начало у хребта Загрос на юго-западе Ирана на границе провинций Исфахан и Чехармахаль. На реке возведены четыре крупных гидроузла – ГЭС «Карун-1», «Карун-2», «Карун-3» и «Карун-4». Река Керхе начинается от слияния рек Сеймерре и Кешганруд, в верховьях протекает по горным ущельям, в низовье – по Хузистанской низменности, где впадает в водно-болотные угодья Хаур-эль-Мурайс. Река Сефидруд (Сефид-Руд) с истоком в горах Альборз течёт на северо-восток страны и впадает в Каспийское море, образуя обширную дельту. Сефидруд является одной из самых крупных рек Каспийского побережья.

Одним из неурегулированных конфликтов в отношении трансграничных водных ресурсов являются разногласия Ирана, Туркменистана и Афганистана относительно использования гидроэнергетического потенциала реки Харируд (Герируд). Харируд (в ирано-туркменской части – Теджен) берёт начало в горах Афганистана и далее протекает по территориям Туркменистана и Ирана. В районе города Теджен (Туркменистан) на реке расположены Хорхорское и Тедженское водохранилища объёмом 0,142 км³ и 0,18 км³ соответственно (Ахмад и др. 2021). На реке Харируд на границе Ирана с Туркменистаном в 2004 г. была возведена плотина ирано-туркменской дружбы («Достлук») с водохранилищем объёмом 0,82 км³ и гидроагрегатами общей мощностью 16 МВт. Вода и вырабатываемая электроэнергия используются обеими странами (Haemmerli et al. 2023).

⁹ Официальный сайт Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии. URL: http://www.icwc-aral.uz/bwosyr_ru.htm (дата обращения: 28.10.2023).

В 2016 г. Афганистан, являющийся страной верхнего течения, без согласования с Ираном и Туркменистаном построил на реке Харируд в районе Чишти Шариф (провинция Герат) водохранилище Банди Салма площадью 11700 км² с гидроэлектростанцией мощностью 42 МВт. Реализация проекта, разработанного индийской компанией WAPCOS, была рассчитана на развитие дополнительных ирригационных сооружений для 40000 га земли и выработку электроэнергии (Ахмад и др. 2021), что увеличило долю Афганистана в использовании трансграничных водных ресурсов с 40% до 74% при одновременном сокращении долей Ирана и Туркменистана с 30% до 13% (Gökçekeş et al. 2023).

Иран пытался противодействовать сооружению плотины ещё в процессе реализации проекта, оказывая давление на правительство Афганистана и используя инвестиционные механизмы, а также свои дипломатические и военные возможности¹⁰. Тем не менее Афганистан занял по отношению к данному вопросу непреклонную позицию, заявляя, что «на протяжении десятилетий он позволял всем своим рекам беспрепятственно течь в страны, расположенные ниже по течению, и был не в состоянии обеспечивать свои права как государства верхнего течения»¹¹. Обострение конфликта вызвало обеспокоенность Организации Объединённых Наций и Всемирного Банка (Gökçekeş et al. 2023). Туркменистан по данной проблеме придерживается нейтральной позиции.

Наиболее крупными реками Азербайджана являются Кура, Араз и Самур. Река Кура с устьем у горы Гызылгедик протекает по территории Турции, Грузии, Азербайджана и впадает в Каспийское море.

Кура, являющаяся самой крупной рекой Закавказья, активно используется не только для орошения в сельском хозяйстве, но и в целях выработки электроэнергии. На территории Грузии расположен Куринский каскад ГЭС, первой ступенью которого является Читахевская ГЭС (Читахеви ГЭС), сооружённая в 1949 г.; второй ступенью – Земо-Авчальская ГЭС (ЗАГЭС), построенная ещё в рамках плана ГОЭЛРО в 1927 г.; третьей ступенью – Ортачальская ГЭС (Ортачала ГЭС), введённая в эксплуатацию в 1952 г. На Азербайджанской части Куры расположены Минчегевирская (424,5 МВт), Шамкирская (380 МВт), Еникендская (150 МВт) и Варваринская (17 МВт) гидроэлектростанции (Алиев 2022: 272), при этом Минчегевирское водохранилище площадью 605 км² и объёмом 16,1 км³ является самым крупным запасом пресной воды в Азербайджане.

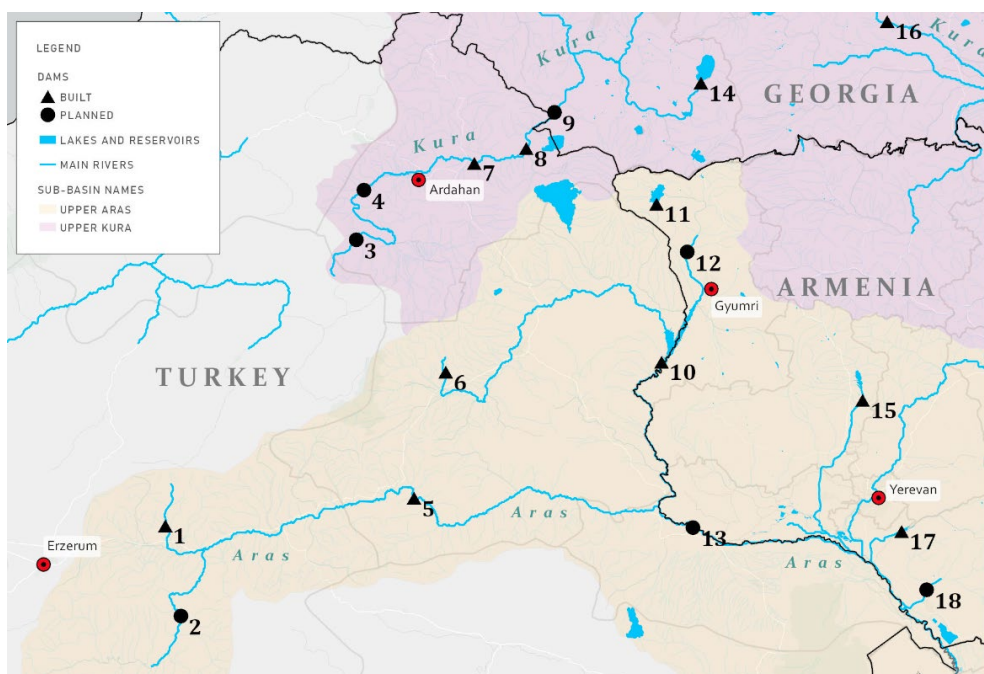
В настоящее время уровень воды в реке Кура стремительно снижается, что вызывает обеспокоенность руководства страны относительно обеспечения водной безопасности¹².

¹⁰ Иран ссорится с талибами из-за воды. 2022. *Вестник Кавказа*. 17 февраля. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/iran-ssoritsa-s-talibami-iz-za-vody.html> (дата обращения: 28.10.2023)

¹¹ Там же.

¹² Остапенко Е. 2020. Кура высыхает: перед Азербайджаном новая проблема – дефицит воды. Е. Остапенко, С. Агаева, Б. Джахандаров. *Информационный сайт 1news.az*. 2 июля. URL: <https://1news.az/news/20200701054908817-Kura-vysyshaet-pered-Azerbaidzhanom-novaya-problema-defitsit-vody-FOTO-VIDEO> (дата обращения: 28.10.2023)

Несмотря на очевидные проблемы обмеления реки в нижнем течении на азербайджанской территории, Грузия в перспективе планирует сооружение на Куре каскада из 16 гидроэлектростанций совокупной мощностью 2,5 млрд кВт·ч в год (Гавардашвили и др. 2015). В 2013 г. грузинская энергетическая компания «Мтквари Энергетика», являющаяся генподрядчиком проекта, получила разрешение на строительство и подписала меморандум с китайским энергетическим концерном Power China по совместной реализации проекта каскада ГЭС. В перспективе рассматривается вопрос о сооружении на Куре дополнительных пяти гидроэлектростанций¹³, а также сооружение плотины «Гуртюрк» (рис. 1) на пересечении турецко-грузинской границы¹⁴.

Условные обозначения:

Плотина (год завершения)

(1) Демирдовен (1995)	(7) Короглу (2017)	(13) Сурмалу (планируется)
(2) Сёйлемез (планируется)	(8) Каябейи (2015)	(14) Цалка (1946)
(3) Дуранкам (планируется)	(9) Гуртюрк (планируется)	(15) Апаран (1968)
(4) Бешиккая (планируется)	(10) Арпачай/Ахурян (1980)	(16) Алгети (1983)
(5) Каракурт (2020)	(11) Арпи (1951)	(17) Азат (1976)
(6) Бейбурт (2003)	(12) Капс (планируется)	(18) Веди (2021)

Рисунок 1. Действующие и планируемые к сооружению плотины в верховьях рек Кура и Араз

Figure 1. Dams operating and planned for construction in the upper reaches of the Kura and Aras rivers

Источник: Куюмджан Н. Строительство плотин на Куре и Араксе и конфликты из-за воды на Кавказе¹⁵

¹³ Китай построит 15 малых ГЭС на реке Кура в Грузии. 2014. *Neftegaz.ru*. 10 декабря. URL: <https://neftegaz.ru/news/energy/235598-kitay-postroit-15-malykh-ges-na-reke-kura-v-gruzii/> (дата обращения: 28.10.2023)

Причиной дисбаланса водосбора в Куре также может стать реализация турецкого проекта «Кура», целью которого является сооружение в верхнем течении реки пяти плотин для увеличения площади орошаемых земель в провинции Ардахан (рис. 1). В рамках проекта самой крупной станет плотина «Бешиккая» (высота – 107 м, объём водохранилища – 211,6 млн м³), которая, по оценкам независимых экспертов, может отводить до 70% стока Куры¹⁶.

Река Араз (Аракс) берёт начало в восточной Турции в горном массиве Бингель и протекает вдоль границ Турции и Армении, Турции и Азербайджана, Ирана и Азербайджана; на территории Азербайджана Араз впадает в Куру, являясь её самым крупным правым притоком.

Верховья Араза, находящиеся на территории Турции, активно осваиваются: за период 2012–2014 гг. на Аразе были запущены в эксплуатацию шесть гидроэлектростанций, включая крупные гидропроекты «Каракурт» и «Альп Аслан – 2», в перспективе запланированы к сооружению ещё восемь ГЭС. Реализация данных проектов осуществлялась Турцией в отсутствие трансграничных соглашений и даже предварительных договорённостей со странами нижнего течения, при этом только одна плотина «Каракурт» сократила объёмы водного течения в Аразе на 1,6 млрд м³¹⁷. В числе запланированных к непосредственной реализации в ближайшее время проектов значится плотина «Сёйлемез» в окрестностях Эрзурума с объёмом водохранилища 1,4 млрд м³ (рис. 1).

Решая проблему сохранения объёмов орошения в Араратской долине в новых условиях, Армения также планирует в ближайшей перспективе сооружение 21 плотин на Аразе, самым крупным из которых станет водохранилище «Капс» объёмом 70 млн м³, что в итоге может самым негативным образом отразиться на и так непростых двусторонних отношениях Азербайджана и Армении.

Амбициозные гидропроекты Турции с накоплением водных ресурсов на её территории существенным образом нарушают гидрологическое равновесие водных систем, что в итоге оборачивается серьёзными климатическими изменениями. Так, снижение стока трансграничных рек привело к увеличению продолжительности пыльных бурь в 25 из 31 провинций Ирана¹⁸.

¹⁴ Куюмджан Н. 2022. Строительство плотин на Куру и Араксе и конфликты из-за воды на Кавказе. *Eurasianet.org*. 3 января. URL: <https://russian.eurasianet.org/строительство-плотин-на-куре-и-араксе-и-конфликты-из-за-воды-на-кавказе-0> (дата обращения: 28.10.2023)

¹⁵ Куюмджан Н. 2022. Строительство плотин на Куру и Араксе и конфликты из-за воды на Кавказе. *Eurasianet.org*. 3 января. URL: <https://russian.eurasianet.org/строительство-плотин-на-куре-и-араксе-и-конфликты-из-за-воды-на-кавказе-0> (дата обращения: 28.10.2023)

¹⁶ Там же.

¹⁷ Трансграничные водные проекты противопоставляют Турцию соседям. 2022. *Военно-политическая аналитика*. 13 сентября. URL: <https://vpoanalytics.com/2022/09/13/transgranichnye-vodnye-proekty-protivopostavlyayut-turtsiyu-sosedyam/> (дата обращения: 28.10.2023)

¹⁸ Трансграничные водные проекты противопоставляют Турцию соседям. 2022. *Военно-политическая аналитика*. 13 сентября. URL: <https://vpoanalytics.com/2022/09/13/transgranichnye-vodnye-proekty-protivopostavlyayut-turtsiyu-sosedyam/> (дата обращения: 28.10.2023)

Примером рационального трансграничного сотрудничества может служить азербайджано-иранский гидроузел «Аракс», включающий в себя Плотины дружбы (Naemmerli et al. 2023), Аракское водохранилище объёмом 1,254 км³ в Нахичеванской АР и иранском Западном Азербайджане, а также гидроэлектростанцию установленной мощностью 44 МВт. Пуск в эксплуатацию первого агрегата ГЭС относится к 1970 г., реализации проекта осуществлялась в рамках советско-иранского межгосударственного соглашения. Вырабатываемая на станции электроэнергия разделяется на паритетных началах между Азербайджаном и Ираном, а режим водопользования водохранилища, обеспечивающего орошение 400 тыс. гектаров сельскохозяйственных угодий, согласовывается обеими сторонами.

Река Самур берёт своё начало в отрогах Главного Кавказского хребта, проходит по территории Дагестана и Азербайджана и впадает в Каспийское море двумя рукавами – Самур и Малый Самур, образующими общую дельту. В настоящее время воды Самура интенсивно используются для орошения сельскохозяйственных земель Дагестана и Азербайджана, а также водоснабжения Баку и Сумгайыта. В 30 км от устья в 1935 г. был построен Самурский гидроузел, от которого отходят Самур-Апшеронский и Самур-Дербентский каналы. От села Гарах до Самурского гидроузла русло реки проходит по государственной границе между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой¹⁹.

До настоящего времени на реке не построено ни одной крупной гидроэлектростанции, не считая малых ГЭС на притоках Самура в Рутульском районе Южного Дагестана. Необходимо отметить, что в силу большого перепада высот (общее падение Самура составляет 2910 м) сооружение гидроэлектростанций на реке не требует затопления земель, что значительно снизит стоимость проектов. С 2013 г. в Дагестане активно обсуждается вопрос освоения гидроэнергетического потенциала Самура, предусматривающий в перспективе сооружение каскада из Ахтынской (100 МВт), Гарахской (280 МВт) и Хазри-Зейхурской (300 МВт) гидроэлектростанций²⁰, а также ГЭС «Кина» (50–80 МВт) в Рутульском районе²¹.

¹⁹ Самур. *Справочник водных ресурсов Water Resources*. URL: <https://waterresources.ru/reki/samur/> (дата обращения: 28.10.2023)

²⁰ Гадисов Д. 2013. Самур ждет масштабного освоения своих гидроресурсов. *Дагестанская правда*. 10 октября. URL: <https://dagpravda.ru/ekonomika/samur-zhdet-masshtabnogo-osvoeniya-svoih-gidroresursov/> (дата обращения: 28.10.2023)

²¹ Гадисов Д. 2015. Кто построит ГЭС у села Кина? *Дагестанская правда*. 30 октября. URL: <http://dagpravda.ru/ekonomika/kto-postroit-ges-u-sela-kina/> (дата обращения: 28.10.2023)

Режим трансграничного водопользования регулируется Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о рациональном использовании и охране водных ресурсов трансграничной реки Самур²², согласно которому деление водных ресурсов осуществляется в равных долях с учётом экологического сброса, равного 30,5%.

Таким образом, для Азербайджана наиболее уязвимым с точки зрения управления трансграничными водными ресурсами является Кура-Араксинский бассейн, водная безопасность азербайджанской части которого в значительной степени зависит от гидрополитики Турции, способствующей обезвоживанию двух крупных рек, впадающих в Каспий. При этом необходимо отметить, что Турция выступила против Конвенции ООН в водотоках 1997 г., являющейся основой международного законодательства о водопользовании, и отказалась присоединиться к пяти из восьми международных соглашений, регулирующих региональные правила водопользования²³.

Комплексное трансграничного управления водными ресурсами в Каспийском регионе

В мировой практике водоснабжения широкое распространение получили принципы интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР). Наиболее полное определение ИУВР было дано Глобальным водным партнёрством, согласно которому интегрированное управление водными ресурсами определяется как «процесс, способствующий скоординированному развитию и управлению водными, земельными и связанными с ними другими ресурсами, с целью максимизировать показатели социального и экономического развития на равноправной основе без нарушения устойчивости жизненно важных экосистем для нынешнего и будущего поколений»²⁴. Скоординированность в управлении водными ресурсами может быть достигнута путем объединения социальных, экономических и экологических целей, при этом поверхностные и подземные водные ресурсы должны рассматриваться в совокупности в пределах одной гидрографической единицы (Расулзода, Пулатов 2012). Принципы ИУВР тесно

²² Распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2010 г. № 1416-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о рациональном использовании и охране водных ресурсов трансграничной реки Самур». *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102036504&backlink=1&nd=102141011&rdk> (дата обращения: 28.10.2023)

²³ Трансграничные водные проекты противопоставляют Турцию соседям. 2022. *Военно-политическая аналитика*. 13 сентября. URL: <https://vpoanalytics.com/2022/09/13/transgranichnye-vodnye-proekty-protivopostavlyayut-turtsiyu-sosedyam/> (дата обращения: 28.10.2023)

²⁴ Интегрированное управление водными ресурсами. *CAWater-Info*. URL: <http://cawater-info.net/bk/8-1.htm> (дата обращения: 28.10.2023).

увязаны с приоритетами охраны водных экосистем и минимизации непродуктивных потерь воды, а также обеспечения экономической и финансовой стабильности управления.

В рамках трансграничного сотрудничества внедрение интегрированного управления водными ресурсами имеет ряд неоспоримых преимуществ. Специфика трансграничного управления в рамках гидрологических границ позволяет воспринимать реку как единую гидрологическую систему без территориальных государственных границ и конкурентных преимуществ стран верхнего течения. Управление водными ресурсами в рамках речного бассейна осуществляет Водохозяйственный совет, в состав которого входят представители всех трансграничных стран. Данный принцип регулирования использует механизм межведомственной и межотраслевой координации, что исключает разобщённость и местнический произвол в принятии решений.

Первым шагом на пути к внедрению системы интегрированного управления водными ресурсами в странах Каспия стало подписание Тегеранской конвенции²⁵ 2003 г. С точки зрения управления общими водами наибольшую важность имеет четвёртый дополнительный Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, принятый и подписанный на внеочередной сессии Конференции Сторон в Москве в июле 2018 г.²⁶. Тем не менее в настоящее время управление водными ресурсами в Каспийском регионе не соответствует принципам ИУВР (Akhmadiyeva, Abdullaev 2019).

С точки зрения соответствия концепции устойчивого развития комплексная методология интегрированного управления водными ресурсами должна обеспечить междисциплинарный и межсекторальный подход и не может рассматриваться изолированно от взаимосвязи «вода – энергия – продовольствие». Исследование данной взаимосвязи позволит перейти на более высокий уровень анализа и рассматривать водную безопасность как одну из базисных переменных в матрице ресурсной безопасности. Актуальность такого подхода обусловлена растущим конкурирующим спросом на воду, энергию и продовольствие.

В данном контексте определённый интерес представляет исследование Л. Лазаро, в котором прослеживается как рассматривалась данная ключевая взаимосвязь в академической литературе в течение последнего десятилетия. В рамках анализа было выделено пять основных периодов с преобладающими тематиками исследований, а именно:

²⁵ Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря («Тегеранская Конвенция») является первым юридически обязывающим региональным соглашением, подписанным всеми пятью прикаспийскими странами, содержащим общие требования к охране окружающей среды Каспийского региона и предусматривающим создание необходимых для этого институциональных механизмов.

²⁶ О Тегеранской конвенции. *Каспийский центр экологической информации*. URL: <https://tehranconvention.org/ru/tc/about> (дата обращения: 28.10.2023).

1. 2012–2016 гг.: дебаты о взаимосвязи воды, энергии и продовольствия в управлении водными ресурсами и обеспечении безопасности природных ресурсов в целом;
2. 2017–2018 гг.: взаимосвязь водных, энергетических и продовольственных систем с целями устойчивого развития и зелёной экономикой;
3. 2019 г.: управление взаимосвязью «вода – энергия – продовольствие» в свете принятия политических решений, предотвращения конфликтов и обеспечения социальной стабильности;
4. 2020 г.: применение концепции «вода – энергия – продовольствие» в различных форматах, включая регионы, страны, водоразделы, городские районы, с учётом рассмотрения смежных тем межсекторального сотрудничества (экономика замкнутого цикла, умные города и др.);
5. 2021 г.: взаимосвязь «вода – энергия – продовольствие» как ключевой элемент урбанизации и противодействия климатическим изменениям (Lazaro et al. 2022).

Таким образом, в дискурсе «вода – энергия – продовольствие» наблюдается тенденция роста практических направлений, охватывающих политические и региональные аспекты, а также особенности функционирования водных, энергетических и продовольственных систем в городской инфраструктуре.

В рамках данной работы целесообразно рассмотреть вопросы сбалансированности взаимосвязи «вода – энергия – продовольствие» в контексте основных направлений использования пресной воды, в особенности это касается трансграничных водных систем.

Страны Каспийского региона наиболее подвержены влиянию климатических изменений, и это утверждение можно наглядно наблюдать на практике. В странах Каспия наблюдаются засухи, опустынивание земель, обмеление рек, засоление почв, снижение уровня осадков и другие негативные последствия.

Официально признанные меры противодействия изменениям климата направлены на снижение выбросов парниковых газов, основным из которых является диоксид углерода. Соответственно, в странах, подверженных влиянию климатических изменений, начинается кампания по декарбонизации промышленного сектора и, прежде всего, энергетики. Декарбонизация энергетики предполагает развитие безуглеродной генерации, и на этом этапе руководство страны возвращается к необходимости наращивания доли ГЭС²⁷ в энергобалансе. Таким образом, круг замыкается, сооружение дополнительных гидроэлектростанций приводит к ещё большему дисбалансу гидрологических систем, что только усугубляет неблагоприятные климатические явления.

²⁷ Гидроэнергетика, хотя официально и не относится к возобновляемым безуглеродным источникам энергии, в наш век энергоперехода и минимизации климатических рисков получила статус зелёной – *прим. автора*.

В данной ситуации необходимо внести ясность: снижение выбросов CO₂, безусловно, оказывает негативное воздействие на окружающую среду, и автор не выступает против декарбонизации. Гидроэлектростанции, по мнению автора, также являются устойчивым элементом энергетической системы. В данном вопросе решающим фактором выступает чувство меры. Несколько работающих плотинных гидроэлектростанций будут, безусловно, полезны как для выработки электроэнергии, так и для ирригации сельскохозяйственных земель. Но в ситуации бесконтрольного сооружения на реке большого количества гидроэлектростанций в целях наращивания доли зелёной энергии, в особенности на участках верхнего течения, необходимо отдавать себе отчёт в том, что в нижнем течении река может обмелеть или даже пересохнуть, что запустит необратимый цикл климатических изменений. Критическая стадия обмеления превращает речной бассейн в «замкнутый», когда сток воды исчерпывается в русле реки, не достигая моря. В случае с изолированной хрупкой экосистемой Каспия такой сценарий неизбежно приведёт к понижению уровня моря.

При этом дефицит воды в странах нижнего течения является искусственным, он возникает в условиях изобилия воды, когда водные ресурсы контролируются странами, расположенными выше по течению, путём реализации масштабных гидропроектов. Ряд стран рассматривают развитие гидроэнергетики как способ избавиться от углеродной зависимости и осуществлять экспорт «чистой» энергии в другие страны. В случае, когда в ход идут политические амбиции или желание стран верхнего течения сделать сооружённые плотины инструментом политического давления, ситуация многократно осложняется. Без активного использования механизмов многосторонней водной дипломатии с привлечением международных организаций (Приложение IV) ситуация может выйти из-под контроля, причём данные климатические изменения будут следствием неграмотного управления водными ресурсами, а не абстрактного глобального потепления.

В концепции «вода – энергия – продовольствие» вопросы сооружения плотинных гидроэлектростанций тесно связаны с производством продуктов питания, так как запасы воды в водохранилищах используются для увеличения площади орошаемых земель и водоснабжения сельскохозяйственных предприятий. Сельское хозяйство является наиболее крупным потребителем пресной воды: 70% водозабора используется на орошение, при этом 30–50% воды в оросительных системах приходится на непродуктивные потери, включающие в себя фильтрацию из каналов, глубокое просачивание, избыточный полив и испарение (Wang et al. 2020). Для снижения объёмов водопотребления в цикле пищевого производства могут применяться такие меры, как модернизация ирригационной инфраструктуры, инновационные технологии орошения и водосберегающее насосное оборудование, повторное использование отработанных вод, интеграция продовольственных производств и др. (Дёмин 2017).

Таким образом, все три компоненты – вода, энергия и продовольствие – не могут рассматриваться изолированно. Бесконтрольное сооружение гидроэлектростанций в верховьях реки, сопровождаемое дополнительными запасами воды для орошения прилегающих сельскохозяйственных земель, неизбежно приведёт к снижению уровня воды в реке ниже по течению и истощению грунтовых вод, и эти последствия будут необратимы.

Необходимо принимать во внимание тот факт, что если при выборе источника генерации электроэнергии существуют вариативные возможности замещения, то у пресной воды альтернатив нет. Единожды нарушенное гидрологическое равновесие восстановить невозможно, при этом проблема выходит на глобальный уровень, несопоставимый с политическими амбициями и экономическими интересами отдельных стран.

Выходом из данной ситуации может стать многосекторальное трансграничное планирование и координация с учётом гидрологических особенностей реки, экологических факторов (снижение уровня загрязнения и регулирование сточных вод), и сбалансированности водных, энергетических и продовольственных систем в рамках бассейна.

В целом, комплексный подход к устойчивому управлению трансграничными водными ресурсами предполагает использование принципов интегрированного управления с учётом взаимосвязи «вода – энергия – продовольствие» в сочетании с многосекторальным планированием и координацией.

Опреснение как дополнительное решение

Одним из дополнительных способов преодоления дефицита водных ресурсов, а в ряде случаев – и единственной возможностью обеспечения водоснабжения, является опреснение морской воды. Процессы опреснения позволяют поддерживать водную безопасность в засушливых странах, расположенных вблизи источников солёной воды. Различные технологии опреснения рассмотрены автором в коллективной монографии (Алиев, Алиев 2022: 233). Наиболее распространёнными в мире являются мембранные и термические (основанные на процессе дистилляции) методы опреснения (Алиев 2022).

В настоящее время в мире работают около 16 тыс. опреснительных заводов в 177 странах мира²⁸. Так, например, Саудовская Аравия получает около 50% питьевой воды за счёт опреснения. Практически полностью на опреснённой воде функционирует водоснабжение таких стран, как Мальта, Мальдивы, Багамы; опреснение широко применяется в Израиле, ОАЭ, США, Испании и др. (рис. 2).

²⁸ ЮНЕП: процесс опреснения морской и океанской воды должен быть безопасным для окружающей среды. 2021. Официальный сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394322> (дата обращения: 28.10.2023).

Рисунок 2. Доля регионов в мировой установленной мощности опреснения в 2020 г., %

Figure 2. Share of regions in the global installed desalination capacity in 2020, %

Источник: Abdul Latif Jameel IPR Company Limited

Тем не менее необходимо принимать во внимание тот факт, что с точки зрения экологии опреснение представляет собой искусственное вмешательство в естественный гидрологический цикл; и этот процесс имеет как свои достоинства, так и недостатки.

С одной стороны, опреснение способствует снижению объёмов забора пресной воды из рек, озёр и грунтовых вод, что при определённых условиях снижает риски их обмеления и сохраняет естественную среду обитания. Ещё одним неоспоримым преимуществом опреснения является обеспечение водной безопасности сельского хозяйства, что особенно актуально для районов с засушливым климатом. В данном направлении прослеживается взаимодействие по оси «вода – энергия».

К негативным аспектам опреснения можно отнести высокую энергоёмкость технологического процесса, проблему утилизации сточных вод и отрицательное воздействие на морские экосистемы.

Для термического опреснения, широко применяемого на Ближнем Востоке, стоимость энергетической компоненты составляет более половины технологических затрат. Процесс мембранного опреснения менее энергозатратен, однако дополнительное количество энергии расходуется на обработку солёных сточных вод.

По данным Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), производство одного литра опреснённой воды сопровождается образованием полутора литров горячего солёного концентрата с повышенным содержанием хлора, меди и других химических веществ, которые добавляются в процессе очистки воды.

Если этот раствор не подвергать соответствующей обработке, то при сбросе в океан он образует плотный токсичный шлейф, приводящий к разрушению прибрежных морских экосистем. Повышенная температура и в два раза превышающая естественный уровень концентрация соли способствуют уменьшению содержания растворенного кислорода в воде, что самым неблагоприятным образом отражается на морской фауне вплоть до образования «мёртвых зон»²⁹.

Безопасная утилизация рассола является дорогостоящим мероприятием, и большая часть полученных в результате опреснения сточных вод сбрасывается обратно в море при условии их соответствия стандартам качества окружающей среды. Рассол, не удовлетворяющий данным нормам, обрабатывается в прудах-испарителях или разбавляется пресной водой перед сбросом. Тем не менее достаточно актуальными направлениями утилизации сточных вод являются производство технической соли и использование рассола при разведении рыбы. В перспективе возможно извлечение из рассола минералов, содержащихся в морской воде, что на текущий момент экономически нецелесообразно ввиду высокой стоимости технологических процессов.

Ещё одним фактором экологической опасности становится процесс забора морской воды, в рамках которого мелкие рыбы, личинки и планктон попадают через водозаборные решётки в опреснительные установки и погибают при химической обработке солёной воды. Таким образом, принятие решения об использовании опреснённой воды сопряжено не только с преодолением дефицита водных ресурсов, но и с повышением экологических рисков, и данный факт необходимо принимать во внимание, в особенности в регионах с уязвимыми экосистемами.

Влиянию процесса опреснения на управление трансграничными водными ресурсами нельзя дать однозначную оценку. В целом, население и экономика страны получают дополнительные объёмы пресной воды, столь необходимые для бытовых нужд, санитарии, сельского хозяйства и промышленности. В результате снижаются риски, связанные с нехваткой водных ресурсов, повышаются надёжность и качество водоснабжения и, вследствие этого, водная безопасность. Тем не менее при анализе данного вопроса с точки зрения водной дипломатии становится очевидным повышение гибкости страны в переговорных позициях, снижение стимулов к сотрудничеству, в ряде случаев – изменение её водной стратегии. С одной стороны, опреснение воды создаёт благоприятные условия для сглаживания межгосударственных конфликтов в рамках трансграничного регулирования; однако, с другой стороны, процесс забора воды для опреснения может дать почву для разногласий по поводу ранее непригодных для использования вод (Katz 2021).

²⁹ ЮНЕП: процесс опреснения морской и океанской воды должен быть безопасным для окружающей среды. 2021. Официальный сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394322> (дата обращения: 28.10.2023).

В Каспийском регионе первая опреснительная установка производительностью 120 000 м³/сут. была запущена в 1972 г. в СССР на побережье Каспийского моря на полуострове Мангышлак в городе Шевченко (ныне г. Актау, Казахстан) в рамках проекта Шевченковской АЭС³⁰. Необходимо отметить, что это был первый в мире опыт по применению ядерных технологий для опреснения. Впоследствии источник атомной парогенерации был заменён на газовые турбины, а советское опреснительное оборудование было частично модернизировано с применением израильских и французских технологий. В настоящее время опреснительный завод входит в состав ТОО «Мангистауский атомно-энергетический комплекс – Казатомпром» и вырабатывает до 60 тыс. м³ дистиллята в сутки, из которого получается около 30 тыс. м³ питьевой воды (Алиев, Алиев 2022: 245).

В Иране, испытывающем водный кризис на протяжении последних нескольких десятилетий, с 2020 г. реализуется масштабный проект «Линия надежды» (The Hope Transfer Line) по транспортировке и опреснению воды из Персидского залива в наиболее засушливые провинции страны. Проект рассчитан на ежегодное производство 550 млн м³ пресной воды для водоснабжения горнорудного комплекса Гол-Гохар, медного рудника Сарчешмех, Чадормалуской горнопромышленной компании, предприятий агропромышленного комплекса и домашних хозяйств³¹. Первая очередь проекта, запущенная в эксплуатацию в ноябре 2020 г., предусматривает водоснабжение провинций Керман, Йезд и Хормозган³²; в рамках второй и третьей очереди, планируемых к реализации в марте 2025 г., транспортировка воды будет осуществляться в провинции Керман, Южный Хорасан, Хорасан-Рази, Йезд и Исфахан³³.

Иран также активно развивает технологии ядерного опреснения. В августе 2022 г. на АЭС «Бушер» была запущена опреснительная установка мощностью 70 тыс. м³ в сутки³⁴. В перспективе для нужд опреснения в Иране планируется использовать энергию малых модульных реакторов³⁵.

³⁰ Кузнецов А. 2020. Каспийский оберег: как создавалась первая в мире АЭС с реактором на быстрых нейтронах Страна Росатом. 16 сентября. URL: <https://strana-rosatom.ru/2020/09/16/kaspijskij-obereg-kak-sozdavalas-pe/> (дата обращения: 28.10.2023)

³¹ Keynough B. 2021. With the Hope Line, Iran aims to boost seawater transfer to fight growing drought. *Middle East Institute*. June 9th. URL: <https://www.mei.edu/publications/hope-line-iran-aims-boost-seawater-transfer-fight-growing-drought> (accessed 28.10.2023)

³² Jalilov O. 2020. Iran Launches First Phase Of Water Transfer From Persian Gulf. *Caspian News*. November 8. URL: <https://caspiannews.com/news-detail/iran-launches-first-phase-of-water-transfer-from-persian-gulf-2020-11-8-56/> (accessed 28.10.2023)

³³ Jalilov O. 2021. Iran Launches Second Phase of Water Transfer Project. *Caspian News*. March 16. URL: <https://caspiannews.com/news-detail/iran-launches-second-phase-of-water-transfer-project-2021-3-15-35/> (accessed 28.10.2023)

³⁴ Первая в Иране опреснительная установка запущена на АЭС «Бушер». 2022. *Вестник Кавказа*. 26 августа. URL: https://vestikavkaza.ru/news/pervaa-v-irane-opresnitelnaa-ustanovka-zapusena-na-aes-buser.html?utm_source=cp (дата обращения: 28.10.2023).

³⁵ Nuclear Power in Iran. *World Nuclear Association*. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/iran.aspx> (accessed 28.10.2023)

В Азербайджане первый проект по опреснению морской воды Каспия был реализован Министерством экологии и природных ресурсов АР в 2013 г. в селе Хыдырлы Сальянского района. За период эксплуатации мощность комплекса была увеличена с первоначальных 1000 м³/сут. до 5000 м³/сут., а опреснённая вода использовалась в основном для нужд мелиорации³⁶.

На фоне беспрецедентного снижения уровня воды в реке Кура и сокращения запасов пресной воды в Джейранбатанском водохранилище и водохранилище Тахтакёрпю руководством страны в целях обеспечения водной безопасности в апреле 2023 г. было принято решение о реализации пилотного проекта в области производства питьевой воды путём опреснения морской с целью улучшения водоснабжения города Баку и прилегающих районов³⁷.

В Туркменистане первый опреснительный комплекс мощностью 35 тыс. м³/сут. был запущен в эксплуатацию в 2010 г. в Национальной туристической зоне «Аваза» на берегу Каспия. В 2016 г. был построен ещё один опреснительный комплекс производительностью 50 м³/сут. в поселке Киянлы этрапа Туркменбаши. В настоящее время принято решение о сооружении дополнительных опреснительных заводов на побережье Каспийского моря в районе поселка Экерем этрапа Эсенгулы мощностью 50 тыс. м³/сут. и в городе Хазар мощностью 5 тыс. м³/сут. для снабжения пресной водой столицы Туркменистана – Ашхабада³⁸.

Безусловно, устойчивое управление водными ресурсами предполагает обеспечение беспрепятственного доступа к чистой пресной воде. Тем не менее для замкнутой экосистемы Каспия массовая реализация проектов опреснения могла бы нанести непоправимый урон экологическому равновесию и сохранению морской биоты моря. Таким образом, для стран Каспийского региона, испытывающих нехватку водных ресурсов, проекты по опреснению морской воды должны реализовываться в ограниченном объёме и в сочетании с мерами по рациональному водопотреблению.

³⁶ Гулуева З. 2023. Жители Каспия будут пить опреснённую воду – подробности. *Sputnik*. 25 апреля. URL: <https://az.sputniknews.ru/20230425/zhiteli-baku-budut-pit-opresnennuyu-vodu-kaspiya--podrobnosti-454126322.html> (дата обращения: 28.10.2023)

³⁷ Распоряжение о мерах по реализации пилотного проекта в области производства питьевой воды путём опреснения морской от 12 апреля 2023 г. *Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики*. URL: <https://president.az/ru/articles/view/59384> (дата обращения: 28.10.2023)

³⁸ В Туркмении опресненная вода с Каспийского моря возможно будет подаваться в Ашхабад. 2022. *Метеожурнал*. 09 июня. URL: <https://meteojournal.ru/v-turkmenii-opresnennaya-voda-s-kaspijskogo-morya-vozmozhno-budet-podavatsya-v-ashhabad/> (дата обращения: 28.10.2023)

Заключение

В настоящее время вопросы трансграничного водного сотрудничества являются ключевым аспектом обеспечения водной безопасности Каспийского региона. Располагаемые преимущественно в нижнем течении крупных рек, впадающих в Каспий, страны региона испытывают дефицит пресной воды, во многом обусловленный водной политикой трансграничных государств.

Значимую роль в создании текущей ситуации сыграло развитие гидроэнергетики в странах верхнего течения. Амбициозные планы Турции, Грузии, Таджикистана, Киргизии и Афганистана по реализации своего гидроэнергетического потенциала могут крайне негативно повлиять на водную безопасность стран Каспия, расположенных преимущественно в низовьях крупных рек. В ближайшие два десятилетия проблема пресной воды в странах Каспия будет только усугубляться.

Наиболее перспективным форматом для трансграничного управления являются принципы интегрированного управления водными ресурсами, определяющие скоординированный процесс на основе бассейнового управления с приоритетами охраны водных экосистем и рационального водопользования. Принципы ИУВР были приняты во внимание странами Каспия в рамках принятия Тегеранской конвенции 2003 г. и подписания в 2018 г. её четвёртого дополнительного Протокола по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, однако полное внедрение интегрированного управления ресурсами пресной воды в регионе пока не достигнуто.

Необходимо отметить, что в данном случае источники текущих проблем – страны верхнего течения – находятся за пределами региона и не испытывают проблем водного стресса. Для обеспечения эффективного взаимодействия трансграничных стран по вопросам водной безопасности необходимо использовать инструменты гидродипломатии и привлекать к сотрудничеству международные водные организации. Обсуждение и регулирование вопросов водопользования трансграничных рек должно осуществляться как в рамках многосторонних механизмов сотрудничества, так и двусторонних комиссий и рабочих групп. Возможно, в перспективе на международном уровне установить допустимый процент зарегулированных плотинами водных ресурсов к общему стоку реки. При этом для стран с засушливым климатом этот показатель должен быть ниже в связи с высоким процентом испарения.

В результате исследования автором были сделаны следующие выводы:

1. С точки зрения управления трансграничными водными ресурсами замкнутую гидрологическую систему Каспия необходимо рассматривать как единое целое: реализация масштабных гидроэнергетических проектов в верховьях рек неизбежно приведёт к снижению их уровня в нижнем течении и сокращению объёмов стока в Каспийское море, при этом следствием нарушения гидро-

логического равновесия будут негативные необратимые климатические изменения (засухи, сокращение осадков, опустынивание, засоление почв, истощение подземных вод и др.);

2. Решение данной проблемы необходимо проводить с учётом взаимосвязи «вода – энергия – продовольствие», принимая во внимание тот факт, что при выборе источника генерации электроэнергии существуют вариативные возможности замещения, а у пресной воды альтернатив нет;

3. Процесс обеспечения сбалансированности водных, энергетических и продовольственных систем должен осуществляться по принципу бассейнового управления, охватывая все трансграничные страны с различными интересами, водными стратегиями и политическими амбициями, что определяет использование механизмов многосторонней гидродипломатии и международного водного сотрудничества с участием международных водных организаций;

4. Опреснение морской воды Каспия в целях преодоления водного дефицита может быть использовано в ограниченном объёме, как дополнительное решение и в сочетании с мерами рационального водопользования, ввиду высоких экологических рисков производственного процесса;

5. Для устойчивого управления трансграничными водными ресурсами в Каспийском регионе необходимо применять комплексный межсекторальный подход, основанный на принципах интегрированного управления водными ресурсами с учётом взаимосвязи «вода – энергия – продовольствие» и экологических факторов.

Об авторе:

Алиев Руслан Аллахверди оглы – торговый представитель Азербайджанской Республики в Российской Федерации, кандидат экономических наук, руководитель Комиссии по устойчивому развитию РАС ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2 класса. 125009, г. Москва, ул. Тверская, д. 16, офис 701 Б. E-mail: torgpredaz@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327:338.2-022.316(470+571+574+479.24+55+575.4)

Received: August 27, 2023

Accepted: October 25, 2023

Water Security in the Context of Sustainable Management of Transboundary Water Resources in the Caspian Region

R.A. Aliev

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-5-92-77-104](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-77-104)

MGIMO University

Abstract: The paper examines water security in the Caspian region and the management of transboundary rivers for sustainable development. It analyzes the potential impacts of building dams on upper river courses on the region's water resources, particularly addressing concerns about environmental implications due to pollution from sources like sewage and agricultural fertilizers.

It further investigates planned dam projects and their potential climate and ecological effects on the Caspian Sea and surrounding regions. The paper discusses the idea of desalination as a means to tackle water shortages but underscores its limitations in the closed hydrological system of the Caspian Sea.

The primary focus lies in establishing effective management strategies for shared water resources. It introduces a novel perspective by considering these rivers and the Caspian Sea as an integrated water system, emphasizing the far-reaching consequences that excessive dam construction could pose to the overall hydrological balance. Collaboration and international agreements are crucial to navigate this challenge.

The paper's significance lies in its innovative approach to water management, addressing the complex interplay between water, energy, food, and the environment in the region.

Keywords: water security, sustainable development, management of transboundary water resources, freshwater resources, water diplomacy, water cooperation, Russian Federation, Republic of Azerbaijan, Republic of Kazakhstan, Islamic Republic of Iran, Turkmenistan, Caspian region

About the author:

Ruslan A. Aliev – Trade Representative of the Republic of Azerbaijan in the Russian Federation, Ph.D. in Economics, Head of the Commission for Sustainable Development of the UN Association of Russia, Extraordinary and Plenipotentiary Envoy of the 2nd class. 125009, Russian Federation, Moscow, Tverskaya street, 16, 701 Б. E-mail: torgpredaz@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Abdolvand B., Mez L., Winter K., Misraeedi-Gloßner Sh., Schütt B., Rost K.T. Bar J. 2015. The Dimension of Water in Central Asia: Security Concerns and the Long Road of Capacity Building. *Environmental Earth Sciences*. Vol. 73. P. 897–912. DOI: 10.1007/s12665-014-3579-9
- Akhmadiyeva Z., Abdullaev I. 2019. Water Management Paradigm Shifts in the Caspian Sea Region: Review and Outlook. *Journal of Hydrology*. Vol. 568. P. 997–1006. DOI: 10.1016/j.jhydrol.2018.11.009
- Albrecht T.R., Gerlak A.K. 2022. Beyond the Basin: Water Security in Transboundary Environments. *Water Security*. Vol. 17. DOI: 10.1016/j.wasec.2022.100124
- Albrecht T.R., Varady R.G., Zuniga-Teran A.A., Gerlak A.K., De Grenade R.R., Lutz-Ley A., Martin F., Megdal Sh.B., Meza F., Melgar D.O., Pineda N., Rojas F., Taboada R., Willems B. 2018. Unraveling Transboundary Water Security in the Arid Americas. *Water International*. 43(8). P. 1075–1113. DOI: 10.1080/02508060.2018.1541583
- Anik A.H., Sultan M.B., Alam M., Parvin F., Ali M.M., Tareq Sh.M. 2023. The Impact of Climate Change on Water Resources and Associated Health Risks in Bangladesh: A review. *Water Security*. Vol. 18. DOI: 10.1016/j.wasec.2023.100133
- Crowley-Vigneau A. 2022. *The National Implementation of International Norms: Transnational Networks and Local Content Policy*. Springer Nature.
- Azzam A., Samy Gh., Hagraas M., El Kholy R. 2023. Geographic Information Systems-Based Framework for Water–Energy–Food Nexus Assessments. *Ain Shams Engineering Journal*. Article in Press. DOI: 10.1016/j.asej.2023.102224
- Comair G.F., McKinney D.C., Scoullou M.J., Flinker R.H., Espinoza G.E. 2013. Transboundary Cooperation in International Basins: Clarification and Experiences from the Orontes River Basin Agreement: Part 1. *Environmental Science & Policy*. Vol. 31. P. 133–140. DOI: 10.1016/j.envsci.2013.01.006
- Cook C., Bakker K. 2012. Water Security: Debating an Emerging Paradigm. *Global Environmental Change*. 22(1). P. 94–102. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2011.10.011
- Cullet Ph., Lovleen Bhullar L., Koonan S. 2021. Water Security and International Law. *Annual Review of Law and Social Science*. Vol. 17. P. 261–276. DOI: 10.1146/annurev-lawsocsci-010421-014915
- Gökçekuş H., Bolouri F. 2023. Transboundary Waters and Their Status in Today's Water-Scarce World. *Sustainability*. 15(5). DOI: 10.3390/su15054234
- Haemmerli H., Brethaut Ch., Ezbakhe F. 2023. Exploring Friendship in Hydropolitics: The Case of the Friendship Dam on the Asi/Orontes river. *Environmental Policy & Governance*. Vol. 33. P. 1–15. DOI: 10.1002/eet.2058
- Katz D. 2021. Desalination and Hydrodiplomacy: Refreshening Transboundary Water Negotiations or Adding Salt to the Wounds? *Environmental Science & Policy*. Vol. 116. P. 171–180. DOI: 10.1016/j.envsci.2020.11.012
- Keskinen M., Salminen E., Haapala J. 2021. Water Diplomacy Paths – an Approach to Recognise Water Diplomacy Actions in Shared Waters. *Journal of Hydrology*. Vol. 602. DOI: 10.1016/j.jhydrol.2021.126737.
- Lazaro L., Bellezoni R.A., Puppim de Oliveira J.A., Jacobi P.R., Giatti L.L. 2022. Ten Years of Research on the Water–Energy–Food Nexus: an Analysis of Topics Evolution. *Frontiers in Water*. Vol. 4. DOI: 10.3389/frwa.2022.859891
- Mirumachi N. 2020. Informal Water Diplomacy and Power: A Case of Seeking Water Security in the Mekong River Basin. *Environmental Science & Policy*. Vol. 114. P. 86–95. DOI: 10.1016/j.envsci.2020.07.021

Mohapatra N.K. 2023. Geopolitics of Water Securitisation in Central Asia. *GeoJournal*. Vol. 88. P. 897–916. DOI: 10.1007/s10708-022-10661-0

Muhirwa F., Shen L., Elshkaki A., Velepini K., Hirwa H. 2022. Tracing Attribute and Scope of Research and Applied Projects in Africa's Water Energy Food Nexus Implementation: A Review. *Environmental Science & Policy*. Vol. 136. P. 33–45. DOI: 10.1016/j.envsci.2022.05.012

Saklani U., Shrestha P.P., Mukherji A., Scott Ch.A. 2020. Hydro-Energy Cooperation in South Asia: Prospects for Transboundary Energy and Water Security. *Environmental Science & Policy*. Vol. 114. P. 22–34. DOI: 10.1016/j.envsci.2020.07.013

Varis O., Keskinen M., Kumm M. 2017. Four Dimensions of Water Security with a Case of the Indirect Role of Water in Global Food Security. *Water Security*. Vol. 1. P. 36–45. DOI: 10.1016/j.wasec.2017.06.002

Wang X., Yaning Ch., Li Zh., Fang G., Wang Y. 2020. Development and Utilization of Water Resources and Assessment of Water Security in Central Asia. *Agricultural Water Management*. Vol. 240. DOI: 10.1016/j.agwat.2020.106297

Zeitoun M., Lankford B., Krueger T., Forsyth T., Carter R., Hoekstra A.Y., Taylor R., Varis O., Cleaver F., Boelens R., Swatuk L., Tickner D., Scott Ch.A., Mirumachi N., Matthews N. 2016. Reductionist and Integrative Research Approaches to Complex Water Security Policy Challenges. *Global Environmental Change*. Vol. 39. P. 143–154. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2016.04.010

Ahmad T.M. 2021. Ekologicheskie aspekty orograficheskogo rayonirovaniya raznykh territoriy Afganistana [Ecological Aspects of Orographic Zoning of Different Territories of Afghanistan]. T.M. Ahmad, V.P. Zvolinsky, B.I. Kochurov, M.Z. Tanaival, D.O. Kapralova. *Monitoring, science and technology*. 1(47). P. 19–30. DOI: 10.25714/MNT.2021.47.003. (In Russian)

Aliyev D.F. 2022. *Energeticheskiy perekhod. Chast' 1. Bazovaya beskarbonovaya generatsiya* [Energy Transition. Part 1. Basic Carbon-Free Generation]. D.F. Aliev, R.A. Aliev. Moscow: Prometeus. 526 p. (In Russian)

Aliyev R.A. 2022. *Energoperekhod kak faktor razvitiya ustoichivoy energetiki stran Kaspiyskogo regiona: Monografiya* [Energy Transition as a Factor in the Development of Sustainable Energy in the Countries of the Caspian Region: Monograph]. R.A. Aliev, I.A. Guliyev. Moscow: Publishing house "Aspect Press". 272 p. (In Russian)

Demin A.P. 2017. *Vodnye resursy i prodovol'stvennaya bezopasnost': partnerstvo Rossii i stran Azii* [Water Resources and Food Security: Partnership between Russia and Asian Countries]. *Water Industry in Russia: Problems, Technologies, Management*. №3. P. 40–54. (In Russian)

Gavardashvili G., Iordanishvili I. 2015. *Sovremennyye problemy melioratsii v usloviyakh ispol'zovaniya vodnykh resursov transgranichnoy reki Kury* [Modern Problems of Land Reclamation in the Conditions of Using Water Resources of the Transboundary River Kura]. M. Vartanov, Z. Shuber. *Reclamation*. №2. P. 25–33. (In Russian)

Rybkina I.D. 2019. *Vodnyye resursy rossiysko-kazakhstanskogo transgranichnogo regiona i ikh ispol'zovaniye* [Water Resources of the Russian-Kazakhstan Transboundary Region and Their Use]. I.D. Rybkina, Zh.T. Sivokhip. *South of Russia: ecology, development*. №2. P. 70–86. DOI: 10.18470/1992-1098-2019-2-70-86 (In Russian)

Список литературы на русском:

Алиев Д.Ф. 2022. *Энергетический переход. Часть 1. Базовая бескарбоновая генерация*. Д.Ф. Алиев, Р.А. Алиев. Москва: Прометей. 526 с.

Алиев Р.А. 2022. *Энергопереход как фактор развития устойчивой энергетики стран Каспийского региона*: Монография. Р.А. Алиев, И.А. Гулиев. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 272 с.

Ахмад Т.М. 2021. Экологические аспекты орографического районирования разных территорий Афганистана. Т.М. Ахмад, В.П. Зволинский, Б.И. Кочуров, М.З. Танайвал, Д.О. Капралова. *Мониторинг, наука и технологии*. 1(47). С. 19–30. DOI: 10.25714/MNT.2021.47.003.

Гавардашвили Г. 2015. Современные проблемы мелиорации в условиях использования водных ресурсов трансграничной реки Куры. Г. Гавардашвили, И. Иорданишвили, М. Варганов, З. Шубер. *Мелиорация*. №2. С. 25–33.

Дёмин А.П. 2017. Водные ресурсы и продовольственная безопасность: партнерство России и стран Азии. *Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление*. №3. С. 40–54.

Рыбкина И.Д. 2019. Водные ресурсы российско-казахстанского трансграничного региона и их использование. И.Д. Рыбкина, Ж.Т. Сивохип. *Юг России: экология, развитие*. №2. С. 70–86. DOI: 10.18470/1992-1098-2019-2-70-86

«Тихоокеанские пумы» в индийских джунглях: место Латинской Америки в пространстве Индо-Пацифики

Т.А. Воротникова

Институт Латинской Америки РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В статье анализируется потенциал латиноамериканских стран по укреплению своего присутствия в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР или Индо-Пацифика). Теоретической основой исследования выступили положения «периферийного реализма» аргентинского политолога Карлоса Эксуде, получившие распространение в Латинской Америке на рубеже XX–XXI вв., а также концепции «активного не-присоединения», разрабатываемой Карлосом Фортином, Хорхе Гейне и Карлосом Оминами. Развитие взаимодействия между странами Латинской Америкой и Азии – это пример политики многовекторности, которой сегодня стремятся следовать большинство государств развивающегося мира. Страны Латинской Америки всё отчётливее дистанцируются от свойственного им прежде тяготения к ведущим мировым державам, предпочитая выстраивать равноправные и многосторонние связи со всеми участниками международных отношений. В этом контексте концепция ИТР, включающая Индию и Японию, может быть востребована ими как альтернатива традиционному видению Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) с ориентацией на Китай.

Основное внимание в статье уделено четырём странам латиноамериканского континента, имеющим выход к тихоокеанскому побережью: Колумбии, Мексике, Перу и Чили. Выявлены ключевые направления сотрудничества этих стран с крупнейшими странами ИТР: Индией, Японией и Южной Кореей. Сегодня в наибольшей степени на Восток ориентированы Чили и Перу. Значительным потенциалом по выстраиванию транстихоокеанского партнёрства обладает Мексика в силу своего уникального географического положения на пересечении атлантических и тихоокеанских маршрутов. Мексика, Колумбия, Чили и Перу входят в Тихоокеанский альянс – интеграционное объединение, нацеленное на сближение с азиатскими странами. В статье показана его ведущая роль в формировании партнёрства между Латинской Америкой и ИТР. Перспективы сближения двух регионов заложены в расширении двустороннего сотрудничества, а также усилении взаимодействия тихоокеанских экономических мегаблоков (ВРЭП, ВПТПП) с Латинской Америкой. После того, как Мексика, Перу и Чили ратифицировали ВПТПП, четыре континента Тихого океана впервые оказались объединены одним соглашением. Несмотря на

то, что в официальном дискурсе четвёрки концепция ИТР не принята, включение стран Латинской Америки в интеграционные процессы в Азии будет способствовать продвижению их экономических интересов и усилению их политической значимости на мировой арене.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), АТР, Тихоокеанский альянс, Индия, Колумбия, Мексика, Перу, Чили, внешняя политика стран Латинской Америки, транстихоокеанское сотрудничество.

«Вместо того чтобы следовать примеру [...] стран МЕРКОСУР, эти тихоокеанские экономики взяли пример с азиатских тигров 1980-х гг., незаметно превратившись в сверхуспешные», — так экономист Самуэль Джордж в 2013 г. писал о четырёх латиноамериканских государствах — Мексике, Колумбии, Перу и Чили, называя их «тихоокеанскими пумами». «Учитывая подъём Китая и американский поворот на Восток, “пумы” готовы играть значительную роль в зарождающемся тихоокеанском веке»¹, — продолжал аналитик, обосновывая стремительное развитие названных стран набором факторов, к которым он отнёс устойчивый экономический рост, расширение среднего класса, относительно невысокий уровень инфляции и стабильность демократических режимов. С тех пор изменилась не только внутривнутриполитическая и социально-экономическая динамика этих государств, но и международные экономические и политические условия. В настоящее время можно делать некоторые выводы относительно прогнозов экономиста и перспектив дальнейшего встраивания латиноамериканских держав в экономики азиатских государств.

Цель исследования – выявить современный потенциал латиноамериканских стран по укреплению своего присутствия в зоне Индо-Тихоокеанского региона (ИТР, или Индо-Пацифики). Ракурс данного исследования позволяет оценить, может ли регион Индо-Пацифики как концепция, продвигаемая в международном поле прежде всего Индией, Японией и США, выступать для стран Латинской Америки альтернативой пространству АТР, в котором традиционно превалирует ориентация на Китай как ключевого регионального и глобального игрока.

Статья разделена на три части. В первой описаны основные интеграционные инициативы в ИТР, участие в которых стран Латинской Америки способно расширить их присутствие в регионе. Во второй части внимание сфокусировано на ключевых направлениях, по которым уже осуществляется двусторон-

¹ George S. The Pacific Pumas. *Americas Quarterly*. March 11, 2013. URL: <https://www.americasquarterly.org/blog/the-pacific-pumas/> (accessed 07.02.2023)

нее сотрудничество между азиатскими и латиноамериканскими государствами. Третий раздел посвящён анализу современных возможностей Тихоокеанского альянса (ТА) в развитии межрегионального взаимодействия.

В российской политической науке концепция Индо-Пацифики изучается в первую очередь с индийских позиций, а также как часть национальной стратегии безопасности США. Тематике ИТР посвящён ряд работ А.В. Куприянова, в которых автор раскрывает подходы индийских элит к формированию стратегических основ национальной внешней политики (Куприянов 2021; 2022). Кроме того, включение Индийского океана в зону интересов США анализируется отечественными исследователями как попытка выстраивания Вашингтоном антикитайской системы альянсов в этом регионе (Батюк 2021), а также как механизм по сдерживанию глобального влияния Китая (Лексютина 2019; Лукин 2023).

С точки зрения интересов государств Латинской Америки эта проблематика изучена слабо. Имеются публикации, посвящённые экономическому сотрудничеству латиноамериканских и азиатских держав в рамках Тихоокеанского альянса (Кузнецов 2015; Лавут 2014; 2017; Разумовский 2014). Если экономическое и политическое присутствие Китая в латиноамериканском регионе становится всё более исследованным сегментом международных отношений в отечественной историографии (Евсеенко 2022; Санторо 2020), то взаимодействие Латинской Америки с Индией рассмотрено лишь в работах, где Индия изучается как участник многосторонних форматов ИБСА и БРИКС (Бобровников, Давыдов, Мартынов 2014; Галищева 2011).

В латиноамериканском академическом сообществе на набиравшую популярность Индо-Тихоокеанскую концепцию откликнулся аргентинский политолог Андрес Сербин. Он предложил рассматривать Индо-Пацифику как новую альтернативу для Латинской Америки, вынужденной ранее выбирать между двумя гигантами — США и Китаем. По мнению исследователя, в настоящее время главный вызов, с которым сталкиваются латиноамериканские страны, заключается в сопротивлении давлению со стороны Вашингтона, который вовлекает их в геополитическое и геоэкономическое противостояние с Пекином (Serbin 2021). Эту ситуацию усложняет возрастающая зависимость стран региона от Китая как экономического партнёра (Хейфец 2019). Китай уже опередил ранее доминировавшие на континенте США по ряду показателей двусторонней кооперации с Чили, Перу (см. Табл. 1), а также не входящей в ИТР, но претендующей на лидерство в латиноамериканском регионе Бразилией (Каткова, Еремин 2022).

Таблица 1. Внешнеторговый оборот стран Тихоокеанского альянса с Китаем и США, 2022 г.

Table 1. Foreign trade of the Pacific Alliance countries with China and the USA, 2022

	Китай				США			
	Экспорт	Импорт	Оборот, млрд долл.	Доля во внешней торговле стран ТА, %	Экспорт	Импорт	Оборот, млрд долл.	Доля во внешней торговле стран ТА, %
Колумбия	1,700	18,698	20,398	17,5	12,033	18,990	31,023	26,6
Мексика	10,804	118,693	129,497	10,9	452,605	265,424	718,029	60,7
Перу	17,489	15,744	33,233	28,0	8,431	14,271	22,702	19,1
Чили	38,915	25,227	40,813	30,2	15,589	26,109	65,024	19,6

Источник: составлено по базе Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/> (accessed 08.09.2023)

Страны Латинской Америки пока не имеют собственного «тихоокеанского видения». В определённой мере подобная политика отвечает представлениям аргентинского политолога Карлоса Эскуде. Согласно его теории «периферийного реализма», страны, не имеющие возможности стать глобальными лидерами, неминуемо вовлекаются в орбиту одного из сильных игроков на международной арене и следуют в фарватере его интересов, тем самым достигая и своих политических целей. Такая тактика была распространена среди политических элит континента в начале 2000-х гг. (Еремин 2021). Стремление уйти от равнения на США возникло в период «левого поворота» начала XXI в., когда в ряде латиноамериканских государств к власти пришли правительства, провозгласившие целью достижение внешнеполитической независимости от северного соседа и сближение со странами Глобального юга (Сударев 2007).

В настоящее время некоторые латиноамериканские теоретики, в том числе экономист Карлос Фортин, специалист в области международных отношений Хорхе Гейне и экс-министр экономики Чили Карлос Оминами, предлагают в выстраивании международных связей следовать политике «активного присоединения», занимая равноудалённую позицию как от Вашингтона, так и от Пекина (Fortín, Heine, Ominami 2020). В этом смысле индо-тихоокеанская концепция предлагает странам региона новое пространство для взаимодействия.

Механизмы расширения присутствия стран Латинской Америки в ИТР

Основанный три десятилетия назад форум АТЭС (1989 г.), куда входит 21 государство, долгое время оставался главной площадкой для сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Согласно традиционным представлениям дипломатии, которым следовали основоположники форума из Австралии, Японии и Юго-Восточной Азии, участия в нём стран Латинской Америки не предполагалось (Wilhelmy 2005).

Вступление в АТЭС Мексики в 1993 г. изменило эту ситуацию и стало примером для других латиноамериканских держав, имеющих выход к Тихому океану. О желании присоединиться к форуму заявила Чили, чью инициативу

поддержал тогдашний премьер-министр Малайзии Махатхир ибн Мохамад. Будучи сторонником восточноазиатского регионализма, в расширении форума за счёт Чили (а потенциально также Колумбии и Эквадора как участников Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества) он увидел перспективу создать противовес западному влиянию в АТЭС. Вступление Чили состоялось в 1994 г., однако с принятием Перу в 1998 г. присоединение латиноамериканских стран завершилось. Мораторий на новое членство закрепил геополитическую асимметрию внутри форума, при которой страны Латинской Америки остались на периферийном положении.

В начале XXI в., несмотря на отсутствие политического сближения, в АТР наблюдалось активное усиление экономических механизмов взаимодействия. Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (ВПТПП)², подписанное в 2018 г., и Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), заключённое в 2020 г., создали крупнейшую в мире зону свободной торговли³ и существенно переформатировали экономические связи в Восточной Азии⁴. После ратификации всеми членами ВРЭП объединит в единую сеть двусторонние торговые соглашения, существующие у АСЕАН с Китаем, Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией. ВПТПП, своего рода спасённая версия торпедированного Дональдом Трампом соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП), которое было призвано сбалансировать расширение геоэкономических инициатив Пекина, состоялось без участия Индии и США, которые ранее претендовали на важную роль в соглашении. В случае присоединения к нему Китая и Южной Кореи, уже подавших заявки на вступление, именно эти страны, наряду с Японией, будут иметь ведущие позиции в АТР и станут наиболее привлекательными для внешних партнёров, в том числе латиноамериканских.

Потенциал взаимодействия между Латинской Америкой и Азией заложен в деятельности Тихоокеанского альянса, созданного Мексикой, Чили, Перу, Колумбией и Панамой (в качестве наблюдателя) в 2011 г. За истекшее время было заключено 10 торговых соглашений с азиатскими странами, из них Чили и Мексика создали зоны свободной торговли (ЗСТ) с четырьмя новыми партнёрами, по одному документу подписали Перу (идут переговоры с Индией) и Колумбия (ведутся переговоры с Австралией, Новой Зеландией, Сингапуром, Японией).

² Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (ВПТПП, также используется аббревиатура ТПП-11) – преференциальное торговое соглашение, в которые входят 11 государств: Австралия, Бруней, Канада, Чили, Япония, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Вьетнам.

³ Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП) – соглашение о зоне свободной торговли плюс («ЗСТ+», АСЕАН+6) объединяет 15 государств: Австралия, Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, КНР, Лаос, Малайзия, Мьянма, Новая Зеландия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Южная Корея, Япония.

⁴ Petri P., Plummer M. 2020. RCEP: A New Trade Agreement That Will Shape Global Economics and Politics. *Brookings*. November 16. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/11/16/rcep-a-new-trade-agreement-that-will-shape-global-economics-and-politics/> (accessed 15.02.2023)

Открыты перспективы расширения азиатских объединений на Латинскую Америку. К ВПТПП может присоединиться Колумбия, как только она будет принята в АТЭС, если мораторий на приём новых членов будет снят. Что касается ВРЭП, то, хотя на сегодняшний день между АСЕАН+6 и латиноамериканскими торговыми блоками нет договорённостей, доступ на азиатские рынки для латиноамериканских предприятий возможен через механизмы двусторонних торговых и инвестиционных соглашений. Межправительственный диалог, направленный на развитие политических контактов и создание новых механизмов сотрудничества, поддерживается на площадке Форума по сотрудничеству между Латинской Америкой и Восточной Азией (ФСВАЛА). В его состав входят почти все латиноамериканские страны и 16 азиатских государств. По оценкам специалистов этого Форума и Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК)⁵, соглашение о свободной торговле могло бы способствовать перестройке производственной специализации с учётом сравнительных преимуществ обоих регионов. При этом в большей степени, чем страны ВРЭП, от такой перестройки выиграли бы страны Латинской Америки, прежде всего Аргентина, Бразилия и Мексика (Durán Lima, Aguiar, Ronzheimer 2021).

В настоящее время из стран Латинской Америки наиболее экономически ориентированы на Восток Чили и Перу (см. табл. 2.). В 2022 г. более половины чилийского экспорта приходилось на четыре азиатские страны: больше всех закупает Китай — 37,9% (1-е место), Япония — 7,6% (3-е место), Корея — 6% (4-е место) и Индия — 1,2% (13-е место). В указанные страны направляется более 40% перуанского экспорта (Китай — 30,1%, Японию — 4,9%, Корею — 4,5%, Индию — 3,8%). Значение азиатских стран для Колумбии существенно ниже: суммарно в Индию и Китай она экспортирует лишь 10% своих товаров. При этом сопоставимы показатели импорта из Китая для этих стран (Чили — 23,1%; Перу — 26,1%; Колумбия — 24,2% соответственно) и почти равнозначны импорту из США (23,9%; 23,7%; 24,5% соответственно). Мексиканский экспорт ориентирован прежде всего на страны ЮСМКА, а Китай занимает лишь четвертую строчку (1,9%) в списке ведущих партнёров. Импорт Мексики более диверсифицирован; в 11 крупнейших стран-поставщиков входят Китай (19,6%), Корея (3,7%), Япония (3%), Малайзия (2,4%), Вьетнам (1,7%) и Таиланд (1,3%)⁶.

⁵ Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК, испанское сокращение CEPAL) – организация в структуре ООН, целью которой является содействие экономическому развитию в латиноамериканском регионе. Штаб-квартира расположена в Сантьяго, Чили.

⁶ Статистика приведена за 2022 г. по базе Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/> (accessed 11.07.2023)

Таблица 2. Доля стран ИТР во внешней торговле Тихоокеанского альянса, 2022 г. (%)
Table 2. Share of the Indo-Pacific countries in the foreign trade of the Pacific Alliance countries, 2022 (%)

Страны	Колумбия	Мексика	Перу	Чили
Индия	3,6	0,7	2,9	1,6
Республика Корея	1,1	2,2	3,0	3,8
Япония	1,6	1,9	3,3	5,0

Источник: Составлено по базе Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/> (accessed 08.09.2023)

Из «тихоокеанских пум» наименее интегрирована в экономику Восточной и Юго-Восточной Азии Колумбия. Долгое время она отдавала предпочтение отношениям с Японией, с которой ещё в 1908 г. был заключён Договор о дружбе, торговле и мореплавании. Связи с Китаем Богота начала наращивать сравнительно недавно: торговый оборот с 2003 по 2022 гг. вырос с 770 млн долл. до 20 млрд долл.⁷ О недостаточном внимании колумбийских властей к региону свидетельствует слабое дипломатическое представительство. В начале 2000-х гг. в целях экономии средств были закрыты посольства в Австралии и Индонезии. Сегодня колумбийские миссии действуют лишь в Вьетнаме, Индии, Индонезии, Китае, Корее, Малайзии, Сингапуре, Таиланде, Филиппинах и Японии.

Преимущество Мексики заложено в её географическом положении: выход к двум океанам создаёт предпосылки для пересечения международных торговых цепочек. Мексика имеет 14 соглашений о свободной торговле с 50-ю странами, 30 соглашений о поощрении и взаимной защите инвестиций с 31 страной или административным регионом и располагает инфраструктурой для траншпортировки товаров через 11 портов на побережье Тихого океана. Кроме того, реализуется масштабный проект по строительству и модернизации железной дороги между портами Салина-Крус (Тихий океан) и Коацакоалькос (Атлантический океан); открытие первого участка запланировано на октябрь 2023 г. Этот транспортный коридор, который может составить конкуренцию Панамскому каналу, усилит возможности транзитных перевозок.

Внешнеполитические приоритеты Мексики зафиксированы в Национальном плане развития, который обновляется со сменой правительства каждые шесть лет. Начиная с 2013 г. Азиатско-Тихоокеанский регион обозначен как ключевое направление для диверсификации мексиканских экономических связей и расширения сотрудничества⁸. В этот же период статус отношений с Китаем был повышен до всеобъемлющего стратегического партнёрства (Косевич 2020). Во внешнеполитической программе 2019–2024 гг. Индия обозначена как

⁷ Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/> (accessed 21.07.2023)

⁸ Programa Sectorial de Relaciones Exteriores 2013–2018. *Secretaría de Gobernación*, Ciudad de México. URL: https://dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5326546&fecha=13/12/2013#gsc.tab=0 (accessed 03.07.2023)

часть Азиатско-Тихоокеанского региона⁹. Тем не менее мексиканское государство не продвинулось ни по пути формирования «тихоокеанской идентичности», ни тем более собственного видения концепции ИТР. Впрочем, ни одна из стран четвёрки не последовала примеру США и не включила концепцию ИТР в официальный дискурс.

Ключевые направления межрегионального сотрудничества

Протяжённость морских маршрутов и отсутствие исторических и культурных связей препятствовали развитию торгового сотрудничества между странами Азии и Америки. В индийской дипломатической традиции латиноамериканский берег, формально входящий в «расширенный ИТР», составлял периферийный круг интересов (Куприянов 2020). Индийская стратегия сближения с Латинской Америкой была разработана в конце 1990-х гг. и с тех пор существенно не менялась. В её основе лежит стремление Индии к продвижению своих возможностей в сфере торговли и инвестиций средствами экономической дипломатии (Воротникова 2013). Центральным элементом этой стратегии выступала программа FOCUS Lac, принятая в 1997 г. с целью наращивания индийского экспорта в регион посредством усилий различных государственных ведомств. С начала 2000-х гг. двусторонняя повестка наполнилась визитами высокопоставленных лиц и торговых миссий. С 2007 г. страны Латинской Америки и Карибского бассейна принимают участие в конклавах Индия–ЛАК с целью поиска вариантов укрепления взаимной торговли и деловых отношений. В 2023 г. состоялся девятый по счёту конклав. Налажен диалог Дели с региональными объединениями континента, такими как МЕРКОСУР, Тихоокеанский альянс (в 2014 г. Индия получила статус страны-наблюдателя) и Система центральноамериканской интеграции.

По показателям финансового года 2021–2022 гг., первое место среди стран Латинской Америки по объёму внешней торговли с Индией занимает Бразилия (12,2 млрд долл.), следом идут Мексика (8,7 млрд долл.), Аргентина (5,6 млрд долл.), Колумбия (4,3 млрд долл.) и Перу (3,6 млрд долл.)¹⁰. С Бразилией Индию связывают стратегические проекты в рамках ИБСА и БРИКС. В страны Тихоокеанского альянса Индия экспортирует преимущественно наземные транспортные средства, хлопок и фармацевтическую продукцию, импортируя минеральное топливо, руды и драгоценные металлы. Об успехах индийских компаний можно судить по двум ярким примерам — экспорту мотоциклов в Колумбию и импорту золота из Перу.

⁹ Programa Sectorial de Relaciones Exteriores 2019–2024. *Secretaría de Gobernación*, Ciudad de México. URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5596023&fecha=02/07/2020#gsc.tab=0 (accessed 03.07.2023)

¹⁰ Данные Министерства торговли и промышленности Индии, см.: Department of Commerce. Export Import Data Bank. Total Trade. Top countries. URL: <https://tradedat.commerce.gov.in/> (accessed 06.02.2023)

С 2004 г. Колумбия вошла в тройку основных импортёров индийских мотоциклов; к 2009 г. мотоциклы стали крупнейшей статьёй индийского экспорта в южноамериканскую страну. Успех продаж был обусловлен тремя причинами: возможностью реэкспорта из Колумбии в другие страны Латинской Америки, размером местного рынка и удачной бизнес-стратегией индийских компаний. К настоящему времени Колумбия стала вторым по величине (после Бразилии) рынком сбыта мотоциклов в Южной Америке с объёмом продаж около 600 тыс. единиц в год. Мотоциклы поставляют компании Bajaj и Hero — крупнейшие в мире производители мотоциклов. Bajaj пришла на колумбийский рынок в 1993 г. через своего партнёра Auteco, первого в Колумбии производителя мотоциклов. В 2001 г. индийцы запустили линию по сборке самого продаваемого в истории страны мотоцикла Bxher. В настоящее время около четверти общего объёма продаж мотоциклов приходится на Bajaj. Компания Hero MotoCorp, инвестировав 70 млн долл., выбрала Колумбию в качестве площадки для строительства первого международного предприятия по производству мотоциклов – завода в Вилья-Рике с мощностью производства в 150 тыс. единиц в год, который заработал в январе 2018 г. Индийские капиталовложения стали значительным источником роста занятости в Колумбии. На каждый миллион долларов, вложенный Индией в Колумбию, было создано 24,6 рабочих места, что значительно превышает средний показатель для государств Азиатско-Тихоокеанского региона или других стран мира, инвестирующих в Латинскую Америку (Baroni, Seshasayee 2020).

В структуре индийско-перуанской торговли основной объём (в 2022 г. 2,1 млрд долл., почти 85% оборота) сконцентрирован на драгоценных металлах и полезных ископаемых¹¹. Перу продаёт азиатской стране золото, а также руды и их концентраты, чёрные и редкоземельные металлы. Первая партия перуанского золота поступила в Индию в 2012 г. Основной поток сделок осуществляется совместной швейцарско-индийской компанией ММТС-РАМР. Кроме того, Перу завозит на индийский рынок продукты питания: виноград, какао-бобы, авокадо и рыбную муку. В 2017 г. Перу стала вторым после США поставщиком в Индию свежего винограда и одним из десяти крупнейших поставщиков какао-бобов (Baroni, Seshasayee 2020).

Помимо производства и розничной торговли, где индийские компании имеют давнее присутствие в Латинской Америке, развивается сотрудничество в высокотехнологичных отраслях, таких как фарминдустрия и сфера консалтинга и услуг. В том числе, индийские компании используют преимущество соотвественства Латинской Америки часовым поясам США и Канады, нанимая лати-

¹¹ Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/> (accessed 21.07.2023)

ноамериканских сотрудников в колл-центры для работы на этих двух рынках. В этом секторе занято около 25 тыс. чел., из них только в Мексике в индийских компаниях работают до 7 тыс. чел.

Интерес к латиноамериканским странам проявляет Южная Корея. С 2003 г. действует договор о свободной торговле с Чили, с 2011 г. – с Перу, с 2013 г. – с Колумбией. В 2021 г. после ратификации Панамой вступило в силу ЗСТ с пятью странами Центральной Америки (Сальвадором, Никарагуа, Коста-Рикой, Гондурасом и Панамой). С 2004 г. ведётся дискуссия о подобном соглашении с МЕРКОСУР, в 2021 г. прошёл шестой раунд переговоров, возобновлённых после пандемии. Доля Мексики в корейском экспорте с 1990-х гг. выросла с 24% до 62% (2021 г.) от общего объёма поставок в латиноамериканский регион (Mesquita Moreira, Dolabella, Ko 2022). Отмена таможенных ограничений на ряд товаров позволила Южной Корее выйти на позиции ведущего торгового партнёра стран региона по импорту аграрной продукции (зерновые) и меди.

За последние два десятилетия укрепились экономические отношения между Латинской Америкой и Австралией (общий объём торговли вырос с 2 млрд долл. в 2003 г. до 8,8 млрд долл. в 2022 г.¹²). Ключевыми секторами выступают горнодобывающая промышленность Чили и Перу, а также сфера энергетики и сельское хозяйство. Кооперации способствует отсутствие существенных исторических разногласий на политическом уровне. Одним из немногих исключений можно назвать конфликт Австралии с Аргентиной в 80-х гг. прошлого века, связанный с позиций Канберры по вопросу Мальвинских (Фолклендских) островов, когда австралийское правительство временно ввело эмбарго на аргентинский импорт и отказалось от продажи Аргентине военных самолётов (Esposto, Abbott, Tran 2022).

Особое значение для Латинской Америки имеют связи с Японией ввиду наличия многочисленной и влиятельной диаспоры: в Бразилии 1,9 млн чел. (больше, чем в США), в Перу 100 тыс. чел., Аргентине 65 тыс. чел.¹³. Первые японцы прибыли в регион в конце XIX – начале XX в. (Кудеярова 2017) после подписания серий соглашений между Японией, которая столкнулась с ростом безработицы, и правительствами стран, нуждавшихся в рабочей силе на плантациях сахара, кофе и каучука (Большова, Савельева, Щербаков 2015). Переселенцы сыграли значимую роль в развитии торговых и культурных связей (Myers, Kuwayama 2016). К середине XX в. Япония превратилась в важного экономического партнёра государств Латинской Америки, которые поставляли минеральные и энергетические ресурсы в обмен на широкий ассортимент потребительских товаров и средств производства.

¹² *Trade Map*. URL: <https://www.trademap.org/> (accessed 21.07.2023)

¹³ *The Association of Nikkei & Japanese Abroad*. URL: <https://jadesas.or.jp/en/aboutnikkei/> (accessed 10.06.2023)

В конце века представители японской диаспоры (*никкэй*) начали активно возвращаться на историческую родину. После определённого спада 1980-х гг. японские предприниматели стали заново открывать для себя регион. В 1990-х гг. приток ПИИ из Японии в среднем увеличивался на 35% в год (Kahn 2016). Примерно половина японских вложений приходилась на производство, сферу услуг, добывающий и лесной секторы Бразилии. Второй по значимости для японцев стала Мексика, чья привлекательность возросла в качестве экспортной платформы после вступления в силу в 1994 г. Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА). В дополнение к прямым инвестициям со стороны японских автопроизводителей, таких как Nissan, Honda, Mazda и Toyota, Япония также способствует повышению эффективности предприятий в Мексике посредством обучения персонала технологиям управления кайдзен (Myers, Hosono 2019).

Тенденция к увеличению японских ПИИ в регион сохранилась и в XXI в., хотя объём вкладываемых средств значительно колебался. Стремительный рост наблюдался с 2006 по 2008 гг. (с 2,5 до 26,6 млрд долл.). Второй пик японских инвестиций пришёлся на 2016 г. (29,4 млрд долл.), после чего постепенное снижение продолжалось вплоть до 2021 г. (10,3 млрд долл.), когда кривая снова поползла вверх, достигнув 14,2 млрд долл. в 2022 г. с благоприятным прогнозом на 2023 г.¹⁴.

О намерении вернуться в Латинскую Америку в Японии вновь заговорили в 2021 г., после визитов министра иностранных дел Мотэги Тосимицу в Мексику, Уругвай, Аргентину, Парагвай и Бразилию. Это намерение подкреплено инициативой *Juntos* (исп. «вместе») по развитию связей между Японией и Латинской Америкой и Карибским бассейном¹⁵. Доля Центральной и Южной Америки в японском экспорте/импорте колеблется вокруг отметки 4–5% (в среднем за период 2013–2022 гг.): Япония в основном экспортирует свою продукцию в Мексику (1,5% в 2022 г.), в то время как импортирует преимущественно из Бразилии (1,2%) и Чили (0,8%)¹⁶. По данным японского Агентства международного сотрудничества ключевыми секторами для развития двусторонней кооперации выступают агропромышленный комплекс в Бразилии и Чили и автомобилестроение в Мексике.

В борьбе за латиноамериканские рынки Япония сталкивается с конкуренцией со стороны Китая (Marchini 2019; Telias 2020). Однако у неё есть важное имиджевое преимущество. Если китайские компании рассматривают регион

¹⁴ Japan External Trade Organization. *Japanese Trade and Investment Statistics*. Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (accessed 10.07.2023)

¹⁵ Chadha A. Japan Aims for Greater Engagement in Latin America. *The Diplomat*. January 12, 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/01/japan-aims-for-greater-engagement-in-latin-america/> (accessed 18.03.2023)

¹⁶ Japan External Trade Organization. *Japanese Trade and Investment Statistics*. Japan's International Trade in Goods. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (accessed 10.07.2023)

преимущественно как площадку для инвестиций и источник природных ресурсов, то японский бизнес стремился содействовать развитию местной промышленности и инфраструктуры, расширению логистических сетей и внедрению технологических и институциональных инноваций. Это способствовало формированию у латиноамериканского населения позитивного образа Страны восходящего солнца. Так, в период с 2001 по 2013 гг. в среднем 82% граждан положительно оценивали Японию. В то же время Китай за два десятилетия существенно утерятил доверие латиноамериканцев: с 2001 по 2020 гг. процент общих позитивных оценок снизился с 72,6% до 55,5% (44% — «хорошо» и 11,5% — «очень хорошо»), в то время как 44,4% и вовсе отозвались о Поднебесной негативно¹⁷.

Можно согласиться с мнением экспертов Межамериканского банка развития, характеризовавших отношения Японии и Латинской Америки как историю о том, как «хорошее может стать ещё лучше» (Kahn 2016). Вывод о поступательном развитии сотрудничества подтверждается динамикой последних лет, в том числе в части инвестиционных вложений и международной торговли, с поправкой на общемировые тренды и влияние пандемии.

Роль Тихоокеанского альянса в развитии межрегионального взаимодействия

Тихоокеанский альянс создавался как сугубо субрегиональный экономический союз, однако его значение важно оценивать не только в плоскости развития международной торговли, но и рассматривать с точки зрения политических интересов стран-участниц.

Инициативу по созданию блока в 2010 г. выдвинул тогдашний президент Перу Алан Гарсиа, призвавший своих коллег из Сантьяго, Кито и Боготы начать процесс глубокой интеграции, который обеспечил бы свободу передвижения товаров, услуг, капиталов и людей. В 2012 г. Чили, Колумбия, Перу и Мексика подписали Рамочное соглашение о создании Тихоокеанского альянса (ТА), ставшего общим рынком с высоким потенциалом роста и диверсифицированной экспортной матрицей, включавшей продукцию таких отраслей, как горнодобывающая, электроэнергетика, машиностроение, обрабатывающая промышленность, сельское и лесное хозяйство, рыболовство. Посредством интеграции с тихоокеанской Азией альянс стремился стать полюсом притяжения для иностранных инвестиций, создавая рынок капитала, а также увеличить глобальное присутствие (Beltrán Mora, Ferrer Toscano 2016).

¹⁷ Выборка по пяти странам (Бразилия, Колумбия, Мексика, Перу, Чили) на основе данных Latinobarómetro. *Opinión Pública Latinoamericana*. URL: <https://www.latinobarometro.org> (accessed 10.07.2023)

В настоящее время на страны – участницы Альянса с населением около 230 млн жителей приходится около 1/8 мирового ВВП и 40% ПИИ в Латинскую Америку. Приверженность принципам открытого регионализма и ориентация на внешние связи благоприятствовали расширению взаимодействия с АТР, в том числе за счёт присоединения к Альянсу новых ассоциированных членов из восточного полушария. В 2022 г. в рамках XVI саммита ТА было подписано соглашение о свободной торговле с Сингапуром, которое, как только оно вступит в силу (первым из латиноамериканских партнёров его ратифицировал парламент Перу в феврале 2023 г.), сделает эту страну первым государством – партнёром Альянса. Ведутся переговоры с Австралией, Канадой и Новой Зеландией, претендующими на статус ассоциированных государств, к которому также стремится Южная Корея.

Альянс представляет интерес и для соседних государств. Процесс интеграции в Тихоокеанский альянс начала Коста-Рика, подав официальную заявку в июле 2022 г.¹⁸. В попытке расширить свой экспорт на рынки ИТР в блок намерен войти Эквадор. В 2022 г. вступило в силу Соглашение об экономическом дополнении между Эквадором и Чили. Для присоединения к ТА Эквадору необходимо подписать соглашение о свободной торговле с Мексикой, однако у сторон есть серьёзные расхождения по некоторым ключевым торговым позициям, как, например, креветки и бананы, в отношении которых Мексика принимает протекционистские меры.

Прочность Альянса во многом обеспечивала не только экономическая целесообразность, но и идеологическое единство правительств стран-основательниц. Неолиберального подхода придерживался президент Колумбии Хуан Мануэль Сантос (2010–2018) – при нём страна получила статус основного союзника США вне НАТО и глобального партнёра НАТО в Латинской Америке. Конвергенцию в ТА усилил правоцентристский курс президента Себастьяна Пиньеры (2010–2014, 2018–2022) в Чили. При этом смена чилийского руководства, происходившая каждые четыре года, существенно не меняла характер национальной внешнеэкономической деятельности. Мишель Бачелет (2006–2010, 2014–2018), представительница левоцентристской коалиции, следовала той же модели открытой экономики, в русле которой развивалась страна последние три десятилетия. В Перу первые годы существования блока пришлись на президентство Ольянты Умалы, который продолжал неолиберальную политику своих предшественников. Наконец, Мексика при администрации Энрике Пенья Ньето (2012–2018) всё отчётливее дрейфовала в сторону укрепления североамериканских связей, что также в целом не противоречило задачам ТА.

¹⁸ Costa Rica formaliza su solicitud de adhesión a la Alianza del Pacífico. Ministerio de relaciones exteriores y culto. *República de Costa Rica*. URL: <https://www.rree.go.cr/?sec=servicios&cat=prensa&cont=593&id=6935> (accessed 17.06.2023)

Ввиду тесной привязки экономики Мексики к США в рамках НАФТА, а также традиционной для внешней политики Колумбии ориентации на северного соседа создание ТА было расценено частью латиноамериканской общественности как своего рода ответ на деятельность Боливарианского альянса для народов нашей Америки (АЛБА), созданного режимами, разделявшими идеологию «Социализма XXI века». ТА виделся ими как средство противодействия их политическому влиянию в регионе и конкурент крупнейшему южноамериканскому экономическому блоку МЕРКОСУР (см. подробнее Bernal-Meza 2015), что потенциально могло способствовать снижению региональной роли Бразилии, активно продвигавшей идею южноамериканской интеграции во время первого президентства Л.И. Лулы да Силвы.

В настоящее время Тихоокеанский альянс переживает внутривнутриполитическую трансформацию, вызванную приходом к власти в странах – основательницах альянса левоориентированных политиков. Судя по их заявлениям о пересмотре контактов с крупными инвесторами и корректировке соглашений о свободной торговле, можно ожидать некоторой модификации интеграционных механизмов. Однако это не обязательно приведёт Альянс к экзистенциальному кризису, поскольку вопрос об отказе от принципов свободной торговли и рыночных механизмов не ставится.

Представляется, что солидарность лидеров четвёрки по многим вопросам внутреннего и международного развития могла бы способствовать укреплению блока. Об этом, в частности, свидетельствует взаимодействие лидеров стран в двустороннем формате. В ноябре 2022 г. состоялась встреча президентов Чили Г. Борича и Мексики А.М. Лопесом Обрадором; в январе 2023 г. прошёл первый государственный визит колумбийского президента Г. Петро в Чили; встреча лидеров Мексики и Колумбии намечена на сентябрь 2023 г.¹⁹. Общая повестка включает широкий круг тем, в том числе в сфере образования, культуры, миграционной политики, совместной борьбы против загрязнения пластиком, а также необходимости выработки новых подходов по противодействию наркоугрозе.

Работу ТА осложняет далекий от своего завершения институциональный кризис в Перу. Очередной саммит альянса, который должен был пройти в 2022 г. в Мехико, был отменён из-за того, что перуанский Конгресс не дал действовавшему президенту разрешение на выезд из страны. После того, как в декабре 2022 г. Педро Кастильо был смещён с должности, Мексика отказалась передавать своё председательство в ТА новому перуанскому правительству, не признав законность перехода власти. Тем не менее занимающая пост президента Перу Дина Болуарте заявила о готовности возглавить ТА.

¹⁹ AMLO visitará Colombia el 8 y 9 de septiembre para discutir política de drogas. *Forbes*. Mexico. Julio 23, 2023. URL: <https://www.forbes.com.mx/amlo-visitara-colombia-el-8-y-9-de-septiembre-para-discutir-politica-de-drogas/> (accessed 17.07.2023)

За годы своего существования Альянс показал себя как устойчивое объединение, продвигающее совместные интересы на международной арене (Буцкая, Качян 2018). Обладая высокой степенью вовлечённости в мировую хозяйственную систему, он способствует развитию связей между Азией и Латинской Америкой. Устойчивость внешнеэкономических приоритетов стран-членов почти не подвержена влиянию изменчивой внутривнутриполитической повестки, что даёт основания полагать, что вектор движения блока будет осуществляться в изначально выбранном направлении без существенных колебаний. Это способствует достижению основной декларируемой цели Альянса – стать объединённой платформой для политической артикуляции интересов и экономической интеграции входящих в него государств с проекцией на мир и особым акцентом на Тихоокеанский регион.

Заключение

Развитие взаимодействия между странами Латинской Америки и Азии демонстрирует пример стратегии многовекторности экономических и политических отношений, которой сегодня стремятся следовать большинство государств развивающегося мира. Новые интеграционные инициативы в Тихоокеанском регионе открывают латиноамериканским странам возможности продвигать свои интересы в Восточном полушарии. После того как в феврале 2023 г. Чили ратифицировала ВПТПП, все континенты Тихого океана впервые оказались объединены одним соглашением. Импульс к расширению взаимодействия может распространиться и на другие страны, в том числе Колумбию, Панаму, Коста-Рику, уже скреплённые сетью двусторонних и многосторонних договоров. Выраженная Китаем и Южной Кореей заинтересованность в присоединении к проекту, в случае её реализации, может превратить его в один из самых масштабных в мировой истории.

Сегодня наиболее интегрированы в азиатскую экономику четыре страны Латинской Америки, входящие в состав Тихоокеанского альянса — Колумбия, Мексика, Перу и Чили. Позитивный прогноз относительно общего вектора его развития подтверждается выраженным стремлением к присоединению к блоку со стороны соседних государств, а также к увеличению пула ассоциированных стран-партнёров. Следование политике «открытого регионализма», подразумевающей ориентацию объединения на усиление внешнего партнёрства, способствует укреплению сотрудничества с ведущими азиатскими странами, прежде всего с Японией и Южной Кореей, с которыми налажены тесные торговые и инвестиционные связи. Несмотря на то, что в официальном дискурсе стран альянса концепция ИТР не принята, расширение тихоокеанского пространства за счёт включения Индийского океана и активное взаимодействие с Индией обеспечивает диверсификацию их внешнеполитической повестки и снижение зависимости от США и Китая, что отвечает интересам латиноамериканских государств.

Об авторе:

Татьяна Александровна Воротникова – кандидат политических наук, учёный секретарь, Институт Латинской Америки РАН, 115035 Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16; старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма Факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: vorotnikovat@yandex.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>

UDC 327.8(8:5-11/13)
Received: March 20, 2023
Accepted: September 22, 2023

Pacific Pumas in Indian Jungle: Place of Latin America in the Indo-Pacific

T.A. Vorotnikova
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-5-92-105-125](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-105-125)

Institute of Latin America of RAS, HSE University

Abstract: The article examines the political potential of Latin American countries in bolstering their influence within the Indo-Pacific region (IP). It delves into the Indo-Pacific concept, championed internationally by India and Japan, as an alternative viewpoint in contrast to the predominant orientation towards China as the regional leader in the Asia-Pacific region. Carlos Exudé's "Peripheral Realism" provides the theoretical framework for the study, although Latin American states strive to move beyond their peripheral status.

The focus is on four Pacific coastal countries in Latin America: Colombia, Mexico, Peru, and Chile. It identifies key areas of cooperation between these nations and major players in the IP such as India, Japan, South Korea, and Australia. Chile and Peru have established a more robust transpacific partnership compared to their neighbors. However, Mexico possesses a significant advantage due to its unique geographical position intersecting the Atlantic and Pacific routes.

Colombia, along with Mexico, Chile, and Peru, formed the Pacific Alliance, an integration association that emphasizes closer ties with Asian countries. Over its decade-long existence, this Alliance has significantly increased in both economic and political significance. The article highlights the pivotal role of this alliance in fostering Asian-Latin American trade and entrepreneurship.

The study also delves into the prospects of integrating the two regions by extending the reach of Pacific economic megablocks (Regional Comprehensive Economic Partnership, Trans-Pacific Partnership) to Latin America. After the ratification of the TPP by Mexico, Peru, and Chile,

an agreement that unites all four Pacific Ocean continents for the first time emerged. The advent of the RCEP, which includes powerful economies such as China, South Korea, and Japan, demonstrates a clear global shift from the Atlantic to the Pacific and from West to East. The inclusion of Latin American countries in these processes is poised to advance their regional and global interests on the international stage.

Keywords: Indo-Pacific, Asia-Pacific, Pacific Alliance, India, Colombia, Mexico, Peru, Chile, foreign policy of Latin American countries, Trans-Pacific cooperation.

About the author:

Tatiana A. Vorotnikova – academic secretary, PhD in political science, Institute of Latin America of RAS, Moscow, 115035, Bolshaya Ordynka, 21/16; senior research scholar, International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, 109028, Moscow, Pokrovsky bulvar, 11.
E-mail: vorotnikovat@yandex.ru.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledges:

This article has been supported by the grants from the Russian Science Foundation, RSF 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>

References:

- Esposito A., Abbott M., Tran M. 2022. Increasing Complexity: Australia's Foreign Policy Links with Latin America, 1973 to 2019. *Estudios económicos*. XXXIX(79). P. 271-300.
- Durán Lima J., Aguiar A., Ronzheimer I. 2021. *Economic and Social Effects of a Possible Trade Agreement between Latin America and the Asia-Pacific Region. International Trade Series*. №168. Santiago, Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC). 49 p.
- Kahn T. 2016. *A Virtuous Cycle of Integration: The Past, Present, and Future of Japan-Latin America and the Caribbean Relations*. Inter-American Development Bank. 42 p.
- Mesquita Moreira M., Dolabella M., Ko K. [and others]. 2022. *Latin America and Korea: Partners for Sustainable Trade and Investment*. Inter-American Development Bank. 48 p.
- Myers M., Hosono A. 2019. *Japanese Engagement with LAC*. Japan-LAC Report. The Dialogue. 11 p.
- Wilhelmy M. 2005. Chile, Latin America, and the Asia-Pacific Region. *Revista de ciencia política (Santiago)*. 25(2). P. 190-197. DOI: 10.4067/S0718-090X2005000200010
- Bernal-Meza A. 2015. Alianza de Pacífico versus ALBA y MERCOSUR: Entre el desafío de la convergencia y el riesgo de la fragmentación de Sudamérica [The Pacific Alliance versus ALBA and MERCOSUR: between the Challenge of Convergence and the Risk of Fragmentation of South America]. *Persquisa & Debate*. SP. 26(1(47)). P. 1-34. (In Spanish).
- Baroni P.A., Seshasayee H. 2020. La India y la Alianza del Pacífico: oportunidades y desafíos [India and the Pacific Alliance: Opportunities and Challenges]. *Agenda Internacional*. №38. P. 141-164. (In Spanish).
- Beltrán Mora L.N., Ferrer Toscano H.E. 2016. Alianza Pacifico: una perspectiva geopolítica y económica [Pacific Alliance: A Geopolitical and Economic Perspective]. *Dimensión Empresarial*. 14(1). P. 79-94. DOI: 10.15665/rde.v14i1.632 (In Spanish).

Fortín C., Heine J., Ominami C. 2020. El no alineamiento activo: un camino para América Latina [Active Non-Alignment: A Path for Latin America]. *Nueva Sociedad*. URL: <https://nuso.org/articulo/el-no-alineamiento-activo-una-camino-para-america-latina/> (accessed 12.02.2023) (In Spanish).

Marchini G. 2019. Las relaciones económicas de la Alianza del Pacífico con Japón: especificidades y perspectivas [Economic Relations of the Pacific Alliance with Japan: Specificities and Perspectives]. *Contextualizaciones Latinoamericanas*. 11(22). Enero-Junio. P. 140–166. (In Spanish)

Myers M., Kuwayama M. 2016. *Una nueva fase en las relaciones entre Japón y América Latina y el Caribe*. Informe Japón-América Latina [A New Phase in Relations between Japan and Latin America and the Caribbean. Japan-Latin America Report]. The Dialogue. 16 p. (In Spanish).

Serbin A. 2021. El Indo-Pacífico y América Latina en el marco de la disputa geoestratégica entre Estados Unidos y China [The Indo-Pacific and Latin America in the Framework of the Geostrategic Dispute between the United States and China]. *Documentos de Trabajo*. №45. Madrid: Fundación Carolina. 18 p. (In Spanish).

Telias D. 2020. El retorno de Japón hacia América Latina y el Caribe: ¿una estrategia de hedging ante el crecimiento de China? [Japan's Return to Latin America and the Caribbean: A Hedging Strategy in the Face of China's Growth?] *Estudios Internacionales*. 52(197). P. 9–37. DOI: 10.5354/0719-3769.2020.55477 (In Spanish).

Batyuk V.I. 2021. Indo-Tikhookeanskaia strategii SShA i Evraziia [Us Indo-Pacific Strategy and Eurasia]. *Current Problems of Europe*. 1(109). P. 135–153. DOI: 10.31249/ape/2021.01.06 (In Russian).

Bobrovnikov A.V., Davydov V.M., Martynov B.F. [and others]. 2014. *BRICS – Latinskaiia Amerika: pozitsionirovanie i vzaimodeistvie* [BRICS – Latin America: Positioning and Interaction]. Moscow: ILA RAS. 186 p. (In Russian).

Bol'shova E.V., Savel'eva A.V., Shcherbakov D.A. 2015. Osobennosti razvitiia torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii Iaponii so stranami Latinskoi Ameriki [The Features of the Development of Trade and Economic Relations between Japan and Latin America]. *Latin America*. №8. P. 51–65. (In Russian).

Butskaia N.G., Kachian M.A. 2018. Tikhookeanskii al'ians: mesto i rol' v sovremennoi global'noi ekonomike [Pacific Alliance: Place and Role in Modern Global Economy]. *The bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. №1. P. 133–142. (In Russian).

Eremin A.A. 2021. Periferiinyi realizm Karlosa Eskude [The Peripheral Realism of Carlos Escudé]. *Cuadernos Iberoamericanos*. 9(1). P. 50–61. DOI: 10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61 (In Russian).

Evseenko A.S. 2022. Rasshirenii prisutstviia KNR i RF v Latinskoi Amerike kak vyzov amerikanskim interesam [China's and Russia's Growing Footprint in Latin America as a Challenge to American Interests]. *Science of Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 27(2). P. 163–177. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.14 (In Russian).

Galishcheva N.V. 2011. Sovremennaia vneshneekonomicheskaiia strategii Indii: sotrudnichestvo «Iug – Iug» [Contemporary External Economic Strategy of India: “South – South” Cooperation]. *MGIMO Review of International Relations*. №5. P. 96–106. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-5-20-96-106 (In Russian).

Jeifetz V.L. (Ed.) 2019. *Ot bipoliarnogo k mnogopoliarnomu miru: latinoamerikanskii vektor mezhdunarodnykh otnoshenii v XXI veke* [From a Bipolar to a Multipolar World: Latin American Vector of International Relations in the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN. 494 p.

Katkova E.Iu., Eremin A.A. 2022. Otnosheniia KNR s regionom Latinskoi Ameriki i Karibskogo basseina na sovremennoi etape [China's Relations with Latin America and the Caribbean at the Present Stage]. *International Organisations Research Journal*. 17(2). P. 164–188. (In Russian).

Kosevich E.Iu. 2020. *Meksika v sisteme geopoliticheskikh koordinat nachala XXI veka* [Mexico in the System of Geopolitical Coordinates in the Beginning of the 21st Century]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 312 p. (In Russian).

Kudeiarova N.Iu. 2017. Epokha massovykh migratsii v Latinskoi Amerike: globalizatsiia vs lokalizatsiia [The Mass Migration Epoch in Latin America: Globalization vs Localization]. *Latin America*. №2. P. 76–91. (In Russian).

Kupriianov A.V. 2020. Kontseptsii Indo-Tikhookeanskogo regiona v rabotakh indiskikh politologov [The Concept of Indo-Pacific Region in the Works of Indian Political Scientists]. *Outlines of global transformations: Politics, Economics, Law*. 13(3). P. 47–65. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-3. (In Russian).

Kupriianov A.V. 2021. Indo-Patsifika kak geopoliticheskii konstrukt: podkhod Indii i interesy Rossii [Indo-Pacific as a Geopolitical Construct: India's Approach and Russia's Interests]. *The International Affairs*. №11. P. 60–71. (In Russian).

Kupriianov A.V. 2022. Strategicheskie imperativy Indii: ot Indiskogo okeana k ITR i obratno [Strategic Imperatives of India: From the Indian Ocean to the Indo-Pacific and Back Again]. *USA & Canada: Economics. Politics. Culture*. №8. P. 75–89. DOI: 10.31857/S2686673022080065 (In Russian).

Kuznetsov D.A. 2015. Latinoamerikanskaia integratsiia i subregionalizatsiia na sovremen-nom etape: politiko-ideologicheskoe izmerenie [Latin American Integration and Sub-Regionali-zation: Political and Ideological Dimension]. *Comparative politics Russia*. 6(3). P. 65–84. (In Rus-sian).

Lavut A.A. 2014. Megabloki – vyzov dlia Latinskoi Ameriki [Megablocks as a Challenge for Latin America]. *Latin America*. №6. P. 37–52. (In Russian).

Lavut A.A. 2017. Transtikhookeanskoe partnerstvo, Donal'd Tramp i latinoamerikanskaia integratsiia [Trans-Pacific Partnership, Donald Trump and Latin American Integration]. *Latin America*. №9. P. 19–35. (In Russian).

Leksytina Ya.V. 2019. Rol' Kitaia v strategii «Svobodnyi i otkrytyi Indo-Tikhookeanskii re-gion» D. Trampa. *Vestnik RUDN. International Relations* [China in D. Trump's Free and Open Indo-Pacific Strategy]. 19(1). P. 22–34. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-22-34 (In Russian)

Lukin A.V. 2023. Amerikano-kitaiskoe sopernichestvo v ATR: deklaratsii i real'nost' [Sino-U.S. Rivalry in the Asia-Pacific: Declarations and Actual Policies]. *Russia in Global Affairs*. 21(1). P. 118–137. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-1-153-173 (In Russian)

Razumovskiy D.V. 2014. Novye puti regional'noi integratsii: latinoamerikanskii i vostochnoaziatskii opyt [New Ways of Regional Integration: Latin American and East Asian Experience]. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. №1. P. 122–129. (In Russian)

Santoro M. 2020. Politika Kitaia v Latinskoi Amerike v XXI veke [China in Latin America in the 21st Century] *Cuadernos Iberoamericanos*. 8(3). P. 24–34. DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-3-24-34 (In Russian)

Sudarev V.P. 2007. SShA i «levyi povorot» v Latinskoi Amerike [USA and the “Left Turn” in Latin America]. *Latin America*. №5. P. 4–17. (In Russian).

Vorotnikova T.A. 2013. Cherez Zapad na Vostok Perspektivy indisko-latinoamerikanskogo sotrudnichestva [Through the West to the East. The Prospects of Indian-Latin American Coopera-tion]. *Latin America*. №5. P. 35–47. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- Батюк В.И. 2021. Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия. *Актуальные проблемы Европы*. 1(109). С. 135–153. DOI: 10.31249/ape/2021.01.06
- Бобровников А.В., Давыдов В.М., Мартынов Б.Ф. [и др.]. 2014. *БРИКС – Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие*. Москва: ИЛА РАН. 186 с.
- Большова Е.В., Савельева А.В., Щербаков Д.А. 2015. Особенности развития торгово-экономических отношений Японии со странами Латинской Америки. *Латинская Америка*. №8. С. 51–65.
- Буцкая Н.Г., Качян М.А. 2018. Тихоокеанский альянс: место и роль в современной глобальной экономике. *Известия ДВФУ. Экономика и управление*. №1. С. 133–142.
- Воротникова Т.А. 2013. Через Запад на Восток. Перспективы индийско-латиноамериканского сотрудничества. *Латинская Америка*. №5. С. 35–47.
- Галищева Н.В. 2011. Современная внешнеэкономическая стратегия Индии: сотрудничество «Юг – Юг». *Вестник МГИМО-Университета*. №5. С. 96–106.
- Евсеев А.С. 2022. Расширение присутствия КНР и РФ в Латинской Америке как вызов американским интересам. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 27(2). С. 163–177. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.14
- Еремин А.А. 2021. Периферийный реализм Карлоса Эскуде. *Иberoамериканские тетради*. 9(1). С. 50–61. DOI: 10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61
- Каткова Е.Ю., Еремин А.А. 2022. Отношения КНР с регионом Латинской Америки и Карибского бассейна на современном этапе. *Вестник международных организаций*. 17(2). С. 164–188.
- Косевич Е.Ю. 2020. *Мексика в системе геополитических координат начала XXI века*. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История. 312 с.
- Кудеярова Н.Ю. 2017. Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs локализация. *Латинская Америка*. №2. С. 76–91.
- Кузнецов Д.А. 2015. Латиноамериканская интеграция и субрегионализация на современном этапе: политико-идеологическое измерение. *Сравнительная политика*. 6(3). С. 65–84.
- Куприянов А.В. 2020. Концепция Индо-Тихоокеанского региона в работах индийских политологов. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 13(3). С. 47–65. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-3.
- Куприянов А.В. 2021. Индо-Пацифика как геополитический конструкт: подход Индии и интересы России. *Международная жизнь*. №11. С. 60–71.
- Куприянов А.В. 2022. Стратегические императивы Индии: от Индийского океана к ИТР и обратно. *США и Канада: экономика, политика, культура*. №8. С. 75–89.
- Лавут А.А. 2014. Мегаблоки – вызов для Латинской Америки. *Латинская Америка*. №6. С. 37–52.
- Лавут А.А. 2017. Транстихоокеанское партнерство, Дональд Трамп и латиноамериканская интеграция. *Латинская Америка*. №9. С. 19–35.
- Лексютин Я.В. 2019. Роль Китая в стратегии «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» Д. Трампа. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 19(1). С. 22–34. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-22-34

Лукин А.В. 2023. Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность. *Россия в глобальной политике*. 21(1). С. 118–137. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-1-153-173.

Разумовский Д.В. 2014. Новые пути региональной интеграции: латиноамериканский и восточноазиатский опыт. Вестник Института экономики *Российской академии наук*. №1. С. 122–129.

Санторо М. 2020. Политика Китая в Латинской Америке в XXI веке. *Ибероамериканские тетради*. 8(3). С. 24–34. DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-3-24-34.

Сударев В.П. 2007. США и «левый поворот» в Латинской Америке. *Латинская Америка*. №5. С. 4–17.

Хейфец В.Л. (отв. ред.) 2019. *От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке*. Москва: РОССПЭН. 494 с.

Мигрантские перечисления и диаспоральная политика в странах Африки

 И.Д. Лошкарёв, И.С. Копытцев

МГИМО МИД России

В последние годы на фоне динамики устойчивого роста объёмов денежных перечислений, поступающих из мигрантских сообществ в страны происхождения, перед развивающимися государствами всё острее встаёт потребность создания и совершенствования институциональных механизмов, которые позволили бы направить эмоциональную привязанность участников диаспор для реализации национальных экономических интересов. В рамках статьи рассматривается роль фактора мигрантских перечислений в выстраивании диаспоральных политик государств в Африке. Подробно изучены две группы из восьми стран – лидеров по доле мигрантских перечислений в ВВП и по абсолютному объёму подобных денежных и натуральных поступлений (Гамбия, Египет, Кения, Лесото, Марокко, Нигерия, Сомали, Южный Судан). Основными критериями сравнения выступают три группы инструментов и практик взаимодействия, направляющих мигрантов стран с диаспорами: формально-институциональные, экономические и социально-культурные. В процессе исследования авторы опираются на неоинституциональный подход, понимая под диаспоральной политикой набор упорядоченных практик в ряде смежных отраслей государственного управления. Сравнение, последовательно проведённое как внутри, так и между группами кейсов, позволяет констатировать существование различных траекторий развития механизмов сотрудничества страны происхождения с диаспорой, а также определить ключевые из этих механизмов. По результатам проведённого исследования удалось установить наиболее перспективные направления развития диаспоральных политик и в то же время выявить факторы, ограничивающие их возможности. К перспективным направлениям развития мы относим создание отдельных платформ диаспорального представительства, углубление сотрудничества государств происхождения и государств пребывания, перенос части механизмов диаспоральной политики на субнациональный и наднациональный уровень. В то же время развитие диаспоральной политики в проанализированных кейсах ограничивается не только недостаточными материальными ресурсами, но и слабостью государственных институтов и нежеланием государств утрачивать контроль над коммуникацией своего населения с внешними акторами. Тем не менее, несмотря на интуитивное предположение о существовании связи между степенью разработанности механизмов сотрудничества с диаспорой, с одной стороны, и величиной мигрантских

УДК 325.2(6)

Поступила в редакцию: 11.04.2023

Принята к публикации: 20.07.2023

перечислений в страну происхождения, с другой – эмпирический анализ демонстрирует ограниченность потенциала подобной гипотезы как минимум в африканских реалиях.

Ключевые слова: диаспора, диаспоральная политика, перечисления мигрантов, формально-институциональные практики, экономические практики, социально-гуманитарные практики, Африка

Диаспоральная политика становится всё более важным направлением деятельности государств. По данным А. Гамлена (Гамлен 2014: 182), к 2014 г. в мире насчитывалось не менее 110 стран, которые учредили ведомства, консультационные органы или парламентские структуры по вопросам взаимодействия с соотечественниками за рубежом и их потомками, которые сохраняют культурную и, реже, этническую идентичность, связанную с территорией происхождения. В то же время в ряде случаев в последние годы наметился тренд на отказ от «больших» ведомств по связям с диаспорой (Сербия, Индия, Армения) и на совмещение этого направления государственной политики с какими-либо смежными сферами деятельности (Бангладеш, Россия, Египет). Во многом это связано с тем, что государства стремятся получить от своих диаспор различные варианты отдачи — одни намерены использовать культурные связи для продвижения своих интересов в зарубежных странах, другие ожидают от диаспор материальной поддержки, третьи озабочены возможностью репатриации тех, кто покинул страну, и защитой прав находящихся на заработках трудовых мигрантов.

Одна из важнейших причин активизации диаспоральной политики связана с возможностью контроля над получением материальных благ из-за рубежа. По оценке Всемирного банка, наблюдается устойчивый рост объёмов денежных и натуральных переводов мигрантов¹ из стран пребывания в страны происхождения. В период 2000–2020 гг. ежегодные объёмы подобных отчислений увеличились с 128 млрд долл. до 702 млрд долл. При этом основная доля переводов ушла в развивающиеся страны, составив 548 млрд долл. в 2020 г.² Помимо позитивного социально-экономического эффекта — смягчения шоков от экономических кризисов, роста покупательной способности домохозяйств, повышения уровня экономической инклюзивности и развития сфер образования и здравоохранения — вовлечённость диаспор и их отдельных представителей в развитие

¹ В данном тексте, термины «денежные переводы мигрантов» и «мигрантские перечисления» применяются как синонимичные. Экономисты в большей степени используют первый термин.

² McAuliffe M. and Triandafyllidou A. (eds.), 2021. World Migration Report 2022. *International Organization for Migration (IOM)*. Geneva. P. 39.

стран происхождения способствует политическим трансформациям, включая формирование горизонтальных социальных связей и укрепление институтов гражданского общества (Aguinas 2009).

В наивысшей степени перечисления мигрантов считаются полезными для беднейших государств, у которых нет возможности диверсифицировать источники доходов населения и предпринять самостоятельные шаги по сокращению бедности (De Haas 2005; Sana 2005). Активизация диаспоральной политики таких государств именно в привязке к мигрантским перечислениям часто обусловлена тем, что местные элиты зачастую не готовы делиться своим политическим влиянием и перераспределять контроль над крупными финансовыми потоками, но в то же время они ищут дополнительные источники смягчения социальной напряжённости и бедности (Leblang 2017; Williams 2020). С этой точки зрения, основной мотив в выстраивании институтов диаспоральной политики для увеличения мигрантских перечислений можно изложить в виде такой формулы: использование эмоциональной привязанности представителей и организаций диаспор к странам происхождения, но для реализации неполитических и одновременно долгосрочных проектов (Mullings and Pellerin 2013: 89–120).

С середины 2000-х гг. идея увязывания мигрантских перечислений и диаспоральной политики активно продвигалась Всемирным банком применительно к государствам Африки³. В официальном дискурсе африканских государств и Африканского Союза (АС) диаспоры занимают важное место: отношения с ними нередко описываются как стратегические и партнерские⁴. В 2014 г. на уровне АС было провозглашено стремление «дать возможность высказываться» представителям диаспоры и поощрять их «полноценное участие» в развитии континента⁵.

В данной статье мы намерены по меньшей мере предварительно проанализировать, насколько значим фактор мигрантских перечислений для выстраивания диаспоральных политик государств в Африке, с тем чтобы оценить их вклад в страновое развитие. Очевидно, что на особенности диаспоральных политик африканских стран влияют и другие показатели — численность и географическое распределение диаспор, наличие межпоколенческой дистанции и длительность периода адаптации в странах пребывания, отношение диаспор к политическим режимам стран происхождения. В целом мы отобрали лишь восемь

³ World Bank. 2005c. Meeting the Challenge of Africa's Development: A World Bank Action Plan, Washington, DC: *World Bank*. http://siteresources.worldbank.org/INTAFRICA/Resources/aap_final.pdf (accessed 28.10.2023).

World Bank. 2007a. Concept Note: Mobilizing the African Diaspora for Development, Washington, DC: Capacity Development Management Action Plan Unit (AFTCD). *Operational Quality and Knowledge Services Department* (AFTQK).

⁴ *Diaspora Division Factsheet*. URL: <https://au.int/documents/20200919/diaspora-division-factsheet> (accessed 28.10.2023)

⁵ *Protocol to Constitutive Act of the African Union*. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/7806-treaty-0047_-_protocol_to_the_constitutive_act_of_the_african_union_relating_to_the_pan-african_parliament_e.pdf (accessed 28.10.2023)

государств, наиболее зависимых от мигрантских перечислений. Поскольку степень зависимости может определяться по-разному, мы взяли для сравнения две группы стран – лидеров по доле мигрантских перечислений в ВВП (Сомали — 35%, Южный Судан — 29%, Лесото — 20%, Гамбия — 15%) и лидеров по абсолютному объёму перечислений (Египет — 29,6 млрд долл., Нигерия — 17,2 млрд долл., Марокко — 7,4 млрд долл. и Кения — 3,1 млрд долл.).

В методологическом плане мы опираемся на неоинституциональный подход и рассматриваем диаспоральные политики государств в качестве совокупности упорядоченных практик в нескольких смежных отраслях (культурное взаимодействие, экономические связи, политическое представительство). Поскольку в двух группах сравниваемых государств результаты оказываются примерно одинаковыми (очень высокая доля мигрантских перечислений в ВВП или значительный объём перечисленных средств), мы предлагаем развернуть логику сравнения от итогов, провалов и достижений диаспоральной политики к тем правилам и институциональным практикам сотрудничества диаспор и государств происхождения, которые обусловили достигнутые результаты. Такая логика воспроизводит неоинституциональный подход (Ostrom 2005: 64–65). В рамках диаспоральной политики правила и практики могут исходить как от государств, так и от диаспор, но в силу конституционных и бюджетных норм фиксируются они в подавляющем большинстве случаев решениями органов государственной власти или каких-либо консультативных структур, созданных государствами происхождения. То есть институциональный дизайн конкретной диаспоральной политики определяется средой уже действующих политических институтов на страновом уровне.

Применение метода сравнения групп кейсов со схожими итоговыми показателями позволяет выявить многообразие и специфику институциональных траекторий и отдельных востребованных норм диаспоральной политики государств. Как отмечали А. Джордж и Э. Беннет (Bennett, George 2005: 81–83), такой метод также позволяет уточнить вопросы типологии анализируемых страновых кейсов и выдвинуть обоснованные предположения о так называемых «упущенных» переменных (англ. *left-out variables*), что немаловажно для сравнительно молодого направления международно-политической науки — диаспоральных исследований.

Институциональные практики диаспоральной политики

За несколько десятилетий различными государствами мира накоплен немалый опыт использования разнообразных инструментов и технологий диаспоральной политики. Более того, в долгосрочной перспективе заметна тенденция, что некоторые цели и практики (прежде всего, в отношении полноценной репатриации представителей диаспор) заменяются более практичными и минималистскими задачами и форматами (Фокин 2001: 179–194).

Нередкие декларации на высшем и высоком уровне о необходимости интенсифицировать взаимодействие с диаспорами столкнулись на практике с организационными затруднениями и нехваткой информации о потребностях и возможностях диаспор. Поэтому многие институциональные практики диаспоральной политики государств примерно с середины 2000-х гг. заточены не на немедленный результат, а на кропотливое выстраивание доверительных отношений с представителями диаспоры и на диалог с диаспоральными организациями. Более того, анализ опыта нескольких десятков государств показал, что задачи вовлечения диаспор в политическое, экономическое и социальное развитие стран происхождения «провисают» или вступают в противоречие с интересами большинства в диаспоре, если игнорировать диалоговое измерение диаспоральной политики (Agunias 2009: 1–54).

Исходя из этого, можно выделить такие группы институциональных практик диаспоральной политики: формально-институциональные (отдельное ведомство по эмигрантам, двойное гражданство, право участвовать в выборах), экономические (налоговые льготы, выпуск специальных ценных бумаг) и социально-гуманитарные (сохранение языка и религии, сотрудничество в сфере образования, здравоохранения и т.д.). При сравнении данных практик формируется не только представление о специфике диаспоральной политики конкретных государств, но и возникает возможность типологизации диаспоральных политик и выделения устойчивых паттернов внутри и между выделяемыми разновидностями практик во взаимоотношениях государств происхождения и диаспор (Délano and Gamlen 2014: 43–53). Это позволит не только найти новые способы совершенствования диаспоральной политики, но и выявить её фундаментальные ограничения. В итоге избранная рамка анализа позволяет выяснить, насколько состоятельна гипотеза о взаимосвязи размера мигрантских перечислений и степени развитости институтов диаспоральной политики государств.

Африканские страны – лидеры по доле мигрантских перечислений в ВВП

К африканским странам, занимающим первые строчки по доле перечислений со стороны диаспоры в ВВП, относятся Сомали (35% ВВП), Южный Судан (29% ВВП), Лесото (20% ВВП) и Гамбия (15% ВВП)⁶. Подобные показатели свидетельствуют о критической значимости экономической помощи диаспоры, играющей решающую роль в обеспечении функционирования управленческого аппарата и выживания населения в фактически несостоявшихся государствах (*failed states*) Сомали и Южный Судан. Схожим образом, небольшие и ограни-

⁶ Migration and Remittances Data. *World bank*. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (accessed 28.10.2023)

ченные в экономических ресурсах Лесото и Гамбия, хоть и в меньшей степени, но зависят от помощи соотечественников, проживающих за рубежом. Однако, несмотря на наличие видимых сходств, отношения рассматриваемых государств с диаспорами зачастую развиваются в различном, а порой и принципиально отличающемся ключе.

Вопреки традиционной модели отношений «государство – диаспора», где национальное правительство играет ведущую роль, устанавливая основные принципы сотрудничества с эмигрантскими сообществами, в Сомали наблюдается обратный характер взаимодействия. Так, в условиях многолетнего военного, политического и экономического кризиса сомалийская диаспора, зарождение которой относится ещё к концу XIX в., стала ключевым источником обеспечения базовых потребностей жителей страны, а позднее приобрела решающее значение при формировании политического и управленческого аппарата. Начиная с 2000 г. более 70% мест в правительстве страны принадлежит лицам с двойным гражданством, выходцами из диаспоры являются и все премьер-министры страны за указанный период. В 2017 г. из 26 министров в правительстве к выходцам из диаспоры относилось 18–19 чел. Не менее высока доля представителей диаспоры в составе региональных администраций и политических партий Сомали⁷.

Важно отметить, что в условиях продолжающегося вооружённого конфликта на территории страны сомалийские власти вынуждены иногда дистанцироваться от диаспоры и выстраивать своеобразные фильтры для вовлечения её представителей во внутриполитические и внутриэкономические процессы, чаще всего безуспешно. Попытки ограничить контакты с некоторыми соотечественниками за рубежом связаны с тем, что часть диаспоры из-за преобладания клановых, региональных и идеологических идентичностей скорее склонна поддерживать локальные парамилитарные объединения и исламистские движения (Kleist 2008: 307–323). Кроме того, государственные органы Сомали вынуждены самоустраниться от многочисленных внутренних разногласий в диаспоре, в которой сохраняется немало разделительных линий на персональном и групповом уровне (Horst 2013: 228–245). В силу ограниченности ресурсов сомалийские власти не могут разрешить эти проблемы диаспоры в странах пребывания.

Именно такой логикой объясняются нормы несостоявшейся избирательной реформы 2020 г., которая вводила прямое голосование на выборах в нижнюю палату парламента вместо отбора депутатов клановыми старейшинами. В принятом с трудом законе отмечалось, что голосование проходит только на

⁷ Osman M.H. 2015/2016. *The Impact of the Somali Diaspora on Somalia from the perspectives of Political engagement, Economic development (Remittances) and Humanitarianism*. Dissertation. P. 12. URL: https://www.researchgate.net/publication/331311844_The_Impact_of_the_Somali_Diaspora_on_Somalia_from_the_perspectives_of_Political_engagement_Economic_development_Remittances_and_Humanitarianism (accessed 28.10.2023)

территории страны, что прямо исключало диаспору. Более того, документ не содержал в отношении диаспоры даже указания на какие-либо пассивные избирательные права (Elmi 2021: 99–113). Однако менее чем через год избирательная реформа была отменена, а механизм отбора в нижнюю палату оказался ещё более привязанным к территории страны, поскольку к отбору депутатов, помимо клановых старейшин, были допущены региональные органы исполнительной власти⁸. В результате присутствие представителей диаспоры в федеральных органах власти сохранилось, но абсолютно вопреки формальной логике конституционного и избирательного законодательства.

В отличие от кейса Сомали, государство играет первичную роль в построении отношений с диаспорой в Лесото, Гамбии и Южном Судане. Вместе с тем, если для первых двух роль государства как иницилирующей стороны объясняется наличием устоявшихся и относительно стабильных институтов власти, то в случае Южного Судана речь идёт о страновых особенностях рекрутирования элит. На сегодняшний день Южный Судан, как и Сомали, относится к числу наименее устойчивых политий, находящихся в состоянии перманентного кризиса и испытывающих острую зависимость от внешней помощи. Вместе с тем для южносуданского общества центральным элементом политической культуры остаётся длительная борьба за независимость, а отношение населения к эмигрантам напрямую зависит от участия последних в освободительной войне. Занимая ряд постов в правительстве и научно-исследовательских центрах, представители диаспоры остаются лишь ограниченно вовлечёнными в политическую жизнь своей страны (Amoui and Carver 2022: 131).

В случае Южного Судана дополнительным фактором ослабления связей диаспоры и государства происхождения служит полиэтничность. Если в диаспоре Сомали и Лесото⁹ этническая и национальная (относящаяся к государству происхождения) идентичности практически совпадают, то в самом Южном Судане и в южносуданской диаспоре представлено свыше 20 этнических групп. Основным консолидирующим фактором для этой диаспоры долгое время выступали внешние силы (турко-египетская экспансия, британский колониализм, дискриминация суданскими властями), но после получения независимости этот механизм формирования идентичности уже не работает с прежней силой (Amoui and Carver 2022: 123–135).

Для всех государств данной группы, приступивших к созданию мер по укреплению сотрудничества с диаспорами лишь в недавнем прошлом, характерны следующие черты (см. табл. 1). Во-первых, относительная неразработанность институциональных практик, включая отсутствие профильных министерств

⁸ Somali opposition leaders 'no longer recognise president'. *Al Jazeera*. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/2/8/somali-opposition-leaders-no-longer-recognise-president> (accessed 28.10.2023)

⁹ В Гамбии большую консолидирующую роль играет ислам и принадлежность к определённым тарикатам.

и в ряде случаев программных документов. В частности, в Сомали, Лесото и Гамбии существуют профильные департаменты по вопросам взаимодействия с диаспорой, а в Южном Судане орган осуществления диаспоральной политики отсутствует. В Гамбии, Лесото и Южном Судане были приняты программы, определяющие параметры сотрудничества с диаспорами, в то время как в Сомали подобный документ находится на стадии разработки¹⁰. Самый разработанный документ в этой группе государств – Диаспоральная стратегия Гамбии (2018), которая провозглашает диаспору «восьмым» регионом страны (из семи) и подчёркивает её значение для климатической и цифровой повестки дня¹¹.

В Лесото диаспоральная политика находится на стадии операционализации. Осознав потенциал общины в ЮАР, которая составляет более 14% населения страны, власти Лесото обратились к Международной организации по миграции за помощью. В 2014 г. чиновники Лесото прошли тренинг в МОМ по вопросам работы с диаспорой¹². В 2019 г. МИД Лесото и Международная организация по миграции провели форумы диалога с диаспорой в трёх провинциях ЮАР. Затем в течение трёх лет велась совместная разработка содержательного наполнения диаспоральной политики Лесото (2018–2021), в итоге МИД Лесото торжественно запустил работу в 2021 г.¹³. Среди заявленных целей – выстраивание координации государственных органов друг с другом и с диаспоральными сетями, включение диаспоры в процессы развития Королевства Лесото¹⁴.

Все четыре страны фактически признают двойное гражданство¹⁵, но лишь некоторые – право на участие зарубежных сограждан в выборах (кроме Сомали и Лесото). В то же время юридические гарантии на участие в избирательном процессе для представителей диаспоры в силу процессуальных и логистических, а также материальных причин не реализуется. В Гамбии попытки снять часть процедурных вопросов с помощью облегчения получения гражданства «по крови» провалились из-за отказа парламента вынести на референдум про-

¹⁰ State Minister for Foreign Affairs gives directions on finalizing the National Diaspora Policy Consultation. *Sonna*. URL: <https://sonna.so/en/state-minister-for-foreign-affairs-gives-directions-on-finalizing-the-national-diaspora-policy-consultation/> (accessed 28.10.2023)

¹¹ *Gambian Diaspora Strategy*. URL: <https://gambiandiaspora.net/wp-content/uploads/2021/12/Gambian-Diaspora-Strategy-Jan-2018v2-1.pdf> (accessed 28.10.2023)

¹² Lesotho Officials Study Diaspora Engagement. *International organization for migration*. URL: <https://www.iom.int/news/lesotho-officials-study-diaspora-engagement> (accessed 28.10.2023)

¹³ Government launches diaspora policy. *The Reporter*. URL: <https://www.thereporter.co.ls/2021/06/05/government-launches-diaspora-policy/> (accessed 28.10.2023)

¹⁴ National Diaspora Policy. *United Nations in Lesotho*. URL: <https://lesotho.un.org/index.php/en/download/73632/136635> (accessed 28.10.2023)

¹⁵ В частности, в Лесото не признается гражданство других государств при наличии подданства Лесото: фактически, это означает, что в Лесото индивид считается подданным, а в других государствах может выбирать свой правовой статус при наличии гражданства других стран.

ект новой конституции в 2020 г. Примечательно, что положения касательно гражданства и некоторые другие нормы были выработаны с участием представителей диаспоры¹⁶.

Если в случае Сомали и Южного Судана на фоне ресурсных и политических ограничений уместно говорить о минимальном уровне каких-либо формальных институциональных практик, то Лесото и Гамбия напротив демонстрируют позитивную динамику в последние годы.

Таблица 1. Институциональные практики диаспоральной политики в первой группе кейсов

Table 1. The first group of cases: institutional practices of the diaspora policy

	Формально-институциональные	Экономические	Социально-гуманитарные
Гамбия	- Департамент в составе МИД по делам диаспоры; - Диаспоральная стратегия Гамбии (2018); - Номинальные избирательные права для нерезидентов.	- Линейка грантов для представителей диаспоры (государство+НКО); - Планируется две волны выпуска диаспоральных облигаций; - Планируется создание цифровой платформы для бизнесменов и инвесторов из диаспоры.	Эпизодические встречи официальных лиц с представителями диаспоры.
Лесото	- Департамент в составе МИД по делам диаспоры; - Официальный старт диаспоральной политики (2021); - Номинальные избирательные права для нерезидентов (только нижняя палата парламента); - Сотрудничество с MOM в подготовке документов и мероприятий.	- Планируется создать трастовый фонд диаспоры; - Планируется создание цифровой платформы для бизнесменов и инвесторов из диаспоры (Linked Lesotho).	Эпизодические встречи официальных лиц с представителями диаспоры.
Сомали	- Департамент в составе МИД по делам диаспоры; - Разработка концептуального документа по диаспоральной политике; - Нет избирательных прав (де-факто есть пассивные формы).	- Устойчивые контакты диаспоральных организаций с локальными акторами.	Эпизодические встречи официальных лиц с представителями диаспоры.
Южный Судан	- Департамент в составе МИД по делам диаспоры; - Номинальные избирательные права для нерезидентов.	- Устойчивые контакты диаспоральных организаций с локальными акторами.	-

Источник: составлено авторами на основании открытых публикаций.

Вывод об умеренности в предпринятых действиях во многом актуален и при изучении экономических институциональных практик, фактически отсутствующих в Сомали, Южном Судане и Лесото и лишь постепенно разрабатываемых

¹⁶ Why The Gambia's quest for a new constitution came unstuck – and what next. *The Conversation*. URL: <https://the-conversation.com/why-the-gambias-quest-for-a-new-constitution-came-unstuck-and-what-next-147118> (accessed 28.10.2023)

в Гамбии¹⁷. В частности, согласно Диаспоральной стратегии Гамбии, необходимо было создать Фонд развития диаспоры для распределения финансирования проектов соотечественников за рубежом на грантовой основе. Однако в 2020 г. вместо создания Фонда была выбрана более сложная схема действий: средства на гранты выделяет и распределяет некоммерческая организация «Проект по миграции и устойчивому развитию в Гамбии», а власти страны координируют эту работу и определяют первоочередные задачи, на которые необходимо направить усилия¹⁸.

Отсутствие каких-либо экономических институциональных практик диаспоральной политики в Сомали обусловлено не только нехваткой материальных ресурсов у федерального правительства. За время безвластия и гражданской войны в стране представители диаспоры наладили контакты с локальными получателями помощи и инвестиций. Более того, представители диаспоры во втором поколении намного больше доверяют неправительственным и междunarодным организациям, чем государственному аппарату. В этой связи вместо относительно равномерной работы по всей территории страны организации диаспоры предпочитают точечные проекты в области образования, инфраструктуры и здравоохранения, а также временные меры поддержки в период засухи (Arrey and Ullán de la Rosa 2021; Lindley 2009). Ещё более сложная ситуация в Южном Судане: диаспоральные организации более охотно вовлекаются в локальные проекты, но вынуждены распределять свои ресурсы ещё и для помощи беженцам, которые покинули страну с 2013 г. после нескольких этапов гражданской войны (Madibbo and Teye-Kau 2020: 27–45).

Схожая ситуация прослеживается и при анализе практик гуманитарного и культурного сотрудничества: правительства всех четырёх государств организуют конференции и мероприятия по обмену опытом и привлечению квалифицированных специалистов. В рамках развития взаимодействия с диаспорами власти Лесото и Гамбии постепенно создают ассоциации диаспоры¹⁹ и ассоциации городов, а также иные формы сотрудничества (например, недели культуры).

В целом государства – лидеры по доле перечислений диаспоры в ВВП находятся лишь на стадии создания эффективных и диверсифицированных институтов и практик взаимодействия с диаспорой. Особенной в этом смысле

¹⁷ Finance Ministry Introduces Innovative Projects to Attract Diaspora Investment. *Voice Gambia*. URL: <https://www.voicegambia.com/2022/01/10/finance-ministry-introduces-innovative-projects-to-attract-diaspora-investment/> (accessed 28.10.2023)

¹⁸ 60 applications to the Diaspora Development Fund from 9 countries: Awards to be made in August 2022. *The Standard*. URL: <https://standard.gm/60-applications-to-the-diaspora-development-fund-from-9-countries-awards-to-be-made-in-august-2022/> (accessed 28.10.2023)

¹⁹ В Лесото не обошлось без дублирования функций и интриг диаспоральных организаций: в дополнение к уже имевшейся Ассоциации мигрантов из Лесото (Lesotho Migrants Association) власти поддержали создание Ассоциации диаспоры басото (Basotho Diaspora Association), которую признали основным представителем соотечественников за рубежом. Также напомним, что Лесото – «земля сото», а басото – множественное число от этнонима «сото».

остается модель диаспоральной политики Сомали, где диаспора на протяжении нескольких десятилетий не только активно участвует в политической и социально-экономической жизни страны, но и, с некоторым допущением, играет государствообразующую роль. В то же время, несмотря на схожую модель взаимодействия («государство – диаспора») Лесото, Гамбия и Южный Судан обладают различной динамикой развития отношений с диаспорами. Если для последнего данное направление остаётся на периферии общественно-политической повестки в силу отсутствия материальных и организационных ресурсов, а также специфической политической культуры, то в случае Лесото и Гамбии представляется возможным констатировать позитивный тренд.

Наконец, все государства в проанализированной группе фактически игнорируют социально-гуманитарные аспекты диаспоральной политики и ограничиваются проведением отдельных «показательных» мероприятий. И если в случае Южного Судана можно выделить сразу несколько практически неустраняемых препятствий для активизации такого рода сотрудничества (включая полиэтничность и короткую традицию государственности), то остальные государства, скорее, пренебрегают имеющимися на этом направлении возможностями.

Африканские страны – лидеры по объёму мигрантских перечислений: формально-институциональные практики

Среди африканских государств, получающих наиболее высокие, в абсолютном выражении, объёмы денежных перечислений из диаспоры, ведущие позиции занимают: Египет (29,6 млрд долл.), Нигерия (17,2 млрд долл.), Марокко (7,4 млрд долл.) и Кения (3,1 млрд долл.)²⁰. Стоит отметить, что все перечисленные выше государства могут быть отнесены к экономическим тяжеловесам по меркам Африканского континента, и, несмотря на значительные объёмы, денежные перечисления диаспор не выступают ключевой статьёй в доходах этих стран. Если учитывать только фиксируемые денежные перечисления (без учёта иных форм перемещения капитала), доля поступлений от диаспоры в ВВП составляет: 8,2% – в Египте, 4% – в Нигерии, 6,5% – в Марокко, 3,1% – в Кении.

Наиболее принципиальным сходством в политике крупнейших получателей отчислений из диаспоры следует признать зависимое положение последней по отношению к государству. Выраженная модель отношений «государство – диаспора» опирается на наличие многолетних и относительно стабильных институтов власти в Египте, Нигерии, Марокко и Кении, которые, несмотря на

²⁰ Migration and Remittances Data. *World Bank*. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (accessed 28.10.2023)

разницу в сроках обретения независимости и различие путей дальнейшего развития, обладают серьёзным опытом как политизированного, так и неполитизированного сотрудничества с диаспорой (см. табл. 2).

Таблица 2. Институциональные практики диаспоральной политики во второй группе кейсов

Table 2. The second group of cases: institutional practices of the diaspora policy

	Формально-институциональные	Экономические	Социально-гуманитарные
Египет	- Упоминание в Конституции; Министерство по делам иммиграции и сограждан за рубежом; - Упоминание в стратегии национального развития "Egypt Vision" (2016); Ежегодная Конференция египетских организаций за рубежом; формальное наличие пассивных избирательных прав.	- Уравнивание банковских прав граждан и граждан-нерезидентов; - Ad hoc кампании по привлечению средств.	- Курсы арабского языка в Египте; - Форумы, летние экскурсии и детские лагеря для молодежи;
Кения	- Упоминание в документах стратегического планирования; - Департамент МИД; - формальное наличие пассивных избирательных прав.	- Африканский институт мигрантских перечислений; - Защита прав трудовых мигрантов (в т.ч. двусторонние соглашения со странами пребывания); - Диаспорные облигации (в том числе, «мобильные»); - Снижение транзакционных издержек для мигрантских перечислений.	- Эпизодические встречи официальных лиц с представителями диаспоры.
Нигерия	- Ежегодные Дни диаспоры; Консультативная; - Комиссия по делам нигерийцев за рубежом; Национальная служба волонтеров Нигерии; - Комитет по делам диаспоры в нижней палате парламента; - зонтичная Организация нигерийцев в диаспоре; - Региональные органы диаспоральной политики; формальное наличие пассивных избирательных прав.	- Диаспорные облигации; - Механизм «найры за доллар»; - Мероприятия по созданию Трастового инвестиционного фонда диаспоры; - Снижение транзакционных издержек для мигрантских перечислений.	- Частные инициативы по культурному и информационному обмену; - Эпизодические встречи официальных лиц с представителями диаспоры.
Марокко	- Упоминание в Конституции; - консультативный Совет сообщества зарубежных марокканцев; - Фонд имени Хасана II; - Министерство по делам марокканцев за рубежом в составе МИД; - формальное наличие пассивных избирательных прав.	- Государственно-частное партнёрство для привлечения инвестиций; - Создание объединений иммигрантов-профессионалов для передачи навыков и знаний.	- Курсы арабского языка в странах пребывания и в Марокко; - Летние университетские модули, экскурсии и детские лагеря для молодёжи; - Посылка имамов на постоянной и временной основе в страны пребывания диаспоры; - Двусторонние соглашения со странами пребывания по социальным вопросам; - Социальная поддержка прибывающих соотечественников.

Источник: составлено авторами на основании открытых публикаций.

Обязанность защищать интересы и поддерживать отношения с представителями диаспоры зафиксирована в Марокко и Египте на уровне конституций. В частности, Конституция Марокко (ст. 16 и ст. 17) подчёркивает, что основной целью диаспоральной политики является поддержание национальной идентичности и «развитие межличностных связей»²¹. Основной закон Египта (ст. 88) в более привычном для мировой практики духе отмечает, что египтяне за рубежом должны сохранять свои права и свободы, а также участвовать в развитии страны происхождения²². Хотя практического значения закрепление подобных норм в конституциях может и не иметь, сам факт их наличия свидетельствует о более высоком формальном статусе диаспоральной политики и стремлении государств сохранять связь с согражданами-нерезидентами и их потомками.

Важность работы с диаспорой в Египте стала осознаваться сравнительно рано – ещё на рубеже 60–70-х гг. XX в. На фоне оттока рабочей силы в развивающиеся страны Персидского залива, а также в Европу и Северную Америку власти страны сделали ставку на регулирование отношений с эмигрантами. В 1967 г. в МИД был учреждён Департамент по делам эмиграции. Однако в какой-то момент диаспоральная политика стала чрезмерно бюрократизированной, поскольку оказалась в ведении более чем 10 ведомств и комитетов. Такое положение дел привело к появлению многочисленных ограничений для эмиграции и репатриации (Dessouki 1982: 53–68). Во время правления Х. Мубарака (1981–2011) диаспоральная политика оказалась в двойном ведении МИД и Министерства трудовых ресурсов и велась крайне неактивно.

После утверждения Конституции 2014 г. в Египте произошла активизация и дальнейшая институционализация диаспоральной политики. Сначала вопросы отношений с египтянами за рубежом находились в ведении Министерства трудовых ресурсов, но с 2015 г. было создано отдельное Министерство по делам иммиграции и сограждан за рубежом. Тем самым вопросы взаимодействия с диаспорой в Египте были выведены из сферы ответственности МИД и увязаны с вопросами социально-экономического развития²³. Несмотря на появление отдельного ведомства, заявленную цель – сформулировать и утвердить отраслевую стратегию диаспоральной политики к 2018 г. – выполнить не удалось до сих пор²⁴.

Однако в национальной стратегии развития Египта *Egypt Vision 2030* (2016) был сформулирован целый раздел, отражающий новый подход властей страны к взаимоотношениям с диаспорой. Фактически эта стратегия отражает в

²¹ *Constitution of Morocco*. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Morocco_2011.pdf (accessed 28.10.2023)

²² *Constitution of Egypt*. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Egypt_2019?lang=en (accessed 28.10.2023)

²³ Важную роль в диаспоральной политике Египта также играют негосударственные акторы – Университет аль-Азхар и Коптская православная церковь Александрии.

²⁴ *Национальная политика управления миграцией и делами египтян за рубежом (на арабском)*. URL: <http://www.emigration.gov.eg/DefaultAr/Pages/achivementdetails.aspx?AchCode=7> (accessed 28.10.2023)

том числе приоритеты египетского правительства в сфере диаспоральной политики. В упомянутом документе, в частности, предложено создать зонтичную структуру для всех организаций египтян за рубежом, сформировать отдельные объединения высококвалифицированных специалистов, а также подготовить отдельный закон о взаимоотношениях государства и диаспоры²⁵. Из вышеперечисленного власти Египта приблизились к первой цели: с 2019 г. стала проводиться Ежегодная конференция египетских организаций за рубежом, на которой обсуждаются вопросы согласования интересов государств и египтян за рубежом²⁶.

В свою очередь, в Марокко диаспоральная политика стала активно развиваться сравнительно рано. Король Хасан II (1961–1999) опасался политического влияния эмигрантов и пытался ограничить их деятельность в формате «обществ дружбы», которые занимались преимущественно мониторингом в среде мигрантов и поиском радикальных элементов. Но в 1990 г. произошло существенное изменение в позиции властей Марокко: для обеспечения религиозных и культурных потребностей марокканцев за рубежом был создан Фонд имени Хасана II, который начал поощрять поездки соотечественников домой в праздничные дни, строительство мечетей и образовательных центров, организацию детского досуга. Помимо этого, в 1990 г. было создано Министерство по делам марокканцев за рубежом²⁷. Затем эта структура была передана в качестве «младшего» министерства в состав МИД в 2011 г., зонтичное ведомство получило название Министерства иностранных дел по делам африканского сотрудничества и соотечественников за рубежом²⁸.

В 2007 г. преемник Хасана II король Мухаммед VI учредил консультативный Совет сообщества зарубежных марокканцев. В основном в данную организацию входят представители заинтересованных министерств и ведомств, но к участию в рабочих группах Совета приглашаются представители диаспоры, в том числе со специфическим профессиональным опытом и международной репутацией²⁹. Данный Совет в основном помогает формулировать приоритеты диаспоральной политики и предлагает законодательные инициативы в смежных отраслях государственного управления.

В целом формально-институциональные практики диаспоральной политики Марокко пытаются совмещать «государствоцентричный» и «диаспорацентричный» подходы: власти страны исходят из необходимости смягчить

²⁵ The Egyptian Diaspora and El-Sisi's Use of "Soft Power". *The Jerusalem Strategic Tribune*. URL: <https://jstribune.com/barak-the-egyptian-diaspora/> (accessed 28.10.2023)

²⁶ Первая конференция египетских организаций за рубежом (на арабском). URL: <http://www.emigration.gov.eg/DefaultAr/pages/eventdetails.aspx?EventCode=5> (accessed 28.10.2023)

²⁷ Упразднено в 1997 г., восстановлено в 2007-м.

²⁸ Ministry of Foreign Affairs, African Cooperation and Moroccan Expatriates. URL: <https://www.diplomatie.ma/en/ministry> (accessed 28.10.2023)

²⁹ Council of the Moroccan Community living abroad. URL: <https://www.ccme.org.ma/en/the-council> (accessed 28.10.2023)

негативное восприятие страны происхождения в диаспоре и ослабить угрозу радикализации марокканцев за рубежом. В частности, Фонд имени Хасана II выведен из подчинения государственных структур и выполняет «компенсирующую» функцию, выстраивая в диаспоре сети лояльности. В рамках этих сетей последующие запросы государственных органов к представителям диаспоры на участие в процессах социально-экономического развития Марокко чаще оказываются услышанными (Mahieu 2019; Bruce 2018).

Важно отметить, что с учётом особенностей политического устройства Египта и Марокко в парламентах данных государств фактически нет отдельных институциональных структур, занимающихся вопросами диаспоральной политики. В Египте это поле деятельности отнесено к ведению Комитета по международным делам (в нижней палате парламента)³⁰. В Марокко вопросами отношений с диаспорой занимается Комитет по обороне, межисламским и международным делам (также нижняя палата)³¹.

В то же время в Нигерии формально-институциональные практики в основном связаны с созданием диалоговых платформ для коммуникации государства и диаспоры. Первые попытки установить форматы взаимодействия диаспоры и государства относятся к середине 80-х гг. XX в. в период военной администрации И. Бабагинды. После перехода власти от военных в 1999 г. глава государства О. Обасанджо запустил серию президентских диалогов с представителями диаспоры. Под его патронатом в 2000 г. была создана Организация нигерийцев в диаспоре (англ. *Nigerians in the Diaspora Organizations, NIDO*), которая открыла представительства в основных странах проживания представителей диаспоры. В 2003 г. была создана Национальная служба волонтеров Нигерии – государственный орган по привлечению специалистов с востребованными навыками и образованием. В ведение этой службы были переданы вопросы привлечения представителей диаспоры в проекты по социально-экономическому развитию страны³². С 2007 г. на регулярной основе нигерийское правительство проводит Дни диаспоры с тематическими программами, например, по проблемам совершенствования системы образования или развития инфраструктуры. Параллельно был создан механизм по взаимодействию с экспертным и академическими сообществами диаспоры (англ. *the Linkage with Experts and Academics in the Diaspora Scheme, LEADS*), который призван поощрить научный обмен и формы временной репатриации для передачи навыков и знаний, прежде всего, в технических науках (Amagoh and Rahman 2016: 40–42).

³⁰ Комитеты нижней палаты парламента *Egunta* (на арабском). URL: <http://www.parliament.gov.eg/Qualitative-Committees.aspx> (дата обращения: 11.10.2022)

³¹ Комитеты нижней палаты парламента Марокко (на арабском). URL: <https://www.chambredesrepresentants.ma/en/standing-committees-house-representatives-2021-2026-legislature> (дата обращения: 11.10.2022)

³² *Nigerian National volunteering services*. URL: <http://nnvsnigeria.gov.ng/about/> (accessed 28.10.2023)

Позднее возникли институты, ответственные за целеполагание в вопросах диаспоральной политики Нигерии. В 2009 г. в Палате представителей был создан комитет по делам диаспоры. Представители этого комитета активно продвигали идею создания федерального ведомства (комиссии) с соответствующим функционалом³³. Однако в дискуссии парламентариев возникали возражения по поводу затрат на подобное ведомство, выдвигались предположения о слабой отдаче от взаимодействия с соотечественниками в других странах. В результате Комиссия по делам нигерийцев за рубежом, подведомственная МИД Нигерии, появилась лишь в 2019 г. По Закону 2017 г. руководство Комиссии назначается президентом страны с одобрения верхней палаты парламента, а в её состав входят представители Организации нигерийцев в диаспоре от разных регионов мира³⁴. Деятельность данной комиссии не сопровождается значительным по объёму бюрократический аппарат, так что её основная функция – поддержание диалога с диаспорой, а не полноценная реализация государственных программ в стране и за рубежом.

Уникальность нигерийского опыта заключается в дополнении федерального уровня диаспоральной политики региональным. По данным на середину 2022 г., в 33 штатах (из 36) созданы должности чиновников по вопросам диаспоральной политики. В основном это должности координаторов или представителей штата, но три штата из вышеперечисленных пошли на создание полноценного агентства по делам диаспоры³⁵. Для полиэтнической Нигерии, в которой проживает более 250 этнических групп, такая локализация диаспоральной политики позволит более точно работать с тем, кто имеет слабую нигерийскую общегражданскую идентичность.

Наконец, в Кении диаспоральная политика находится в ведении МИД (с 2022 г. – Министерство иностранных дел и по делам диаспоры). В рамках этого ведомства действует Департамент по консульским вопросам и делам диаспоры, который координирует работу по коммуникации с представителями диаспоры и по защите их прав за рубежом. Стратегия внешней политики Кении 2014 г. выделила следующие цели в отношении диаспоры: увеличение доступа кенийцев к международному рынку труда, поощрение зарубежных соотечественников к участию в социально-экономическом развитии и использование навыков и ресурсов зарубежных кенийцев³⁶. В свою очередь, Стратегия диаспоральной политики Кении (2014) отмечала необходимость самоорганизации кенийской

³³ Nigeria Diaspora Commission – The time is NOW! *African leadership magazine*. URL: <https://www.africanleadershipmagazine.co.uk/nigeria-diaspora-commission-the-time-is-now/> (accessed 28.10.2023)

³⁴ *Nigerians in Diaspora Commission*. URL: <https://nidcom.gov.ng/about-nidcom/#1559379826352-8d1914e9-7fdc> (accessed 28.10.2023)

³⁵ Nigerian diaspora praised over increase in remittances. *The African courier*. URL: <https://www.theafricancourier.de/special/remittances/nigerian-diaspora-praised-over-increase-in-remittances/> (accessed 28.10.2023)

³⁶ Kenya Foreign Policy. *Ministry of Foreign & Diaspora Affairs*. URL: https://mfa.go.ke/wp-content/uploads/2022/03/Kenya_Foreign_Policy.pdf (accessed 28.10.2023)

диаспоры, выстраивания диалога государства и диаспоры, формирования механизмов координации деятельности ведомств³⁷. В развитие этих документов, Стратегический план МИД Кении на 2018–2023 гг. отмечает два основных направления работы: выстраивание коммуникации с диаспорой (создание Национального совета диаспоры и интернет-платформы для кенийцев за рубежом) и двустороннее сотрудничество с государствами пребывания³⁸.

В целом во всех четырёх государствах имеются ведомства или их подразделения, которым поручено заниматься диаспоральной политикой, во всех четырёх государствах наработана определённая нормативная база, позволяющая выстраивать отношения с соотечественниками за рубежом. Это касается и политического участия – формально доступного в трёх из четырёх государств. Однако в Кении, несмотря на наличие гарантии пассивного избирательного права, отдать свои голоса на выборах 2017 г. смогли лишь около 3 тыс. представителей диаспоры (около 0,1%) (Wellman and Whitaker 2021: 1). В свою очередь, в 2022 г. Сенат Нигерии подтвердил запрет на участие в выборах за рубежом, что ограничивает право избирать и быть избранным³⁹. При этом речь идёт о пассивном избирательном праве, поскольку возможности быть избранными в парламент или на пост президента обусловлены дополнительными требованиями, среди которых отсутствие другого гражданства, место рождения на территории государства, ценз осёдлости и так далее⁴⁰.

Таким образом, рассмотренные выше кейсы демонстрируют, что экономические стимулы от финансовых перечислений мигрантов привели к вариативному отклику у государств происхождения. Иными словами, в выстраивании диаспоральной политики не наблюдается простой причинно-следственной взаимосвязи «выгода → развитие инфраструктуры диаспоральной политики».

Африканские страны – лидеры по объёму мигрантских перечислений: экономические и социально-гуманитарные практики

В отношении экономических институциональных практик диаспоральной политики необходимо, прежде всего, отметить опыт Марокко. Власти этой страны не опираются только на государственные инструменты поддержки диаспоры, такие как налоговые льготы. К работе с диаспорой актив-

³⁷ Kenya Diaspora Policy. *Kenya High Commission*. URL: <https://kenyahighcomigali.org/version2/wp-content/uploads/2020/12/Kenya-Diaspora-Policy-1.pdf> (accessed 28.10.2023)

³⁸ Kenya MFA Strategic Plan. *Embassy of the Republic of Kenya in Paris*. URL: <https://kenyaembassy-paris.fr/wp-content/uploads/2021/11/mfa-strategic-plan.pdf> (accessed 28.10.2023)

³⁹ Nigerian Senate rejects diaspora vote, special seats for women. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/nigerian-senate-rejects-diaspora-vote-special-seats-women-2022-03-01/> (accessed 28.10.2023)

⁴⁰ В Нигерии в 2007 г. до ужесточения избирательного законодательства был прецедент участия в президентских выборах учёного-химика Исы Оиди, прожившего значительную часть жизни в Канаде.

но подключается и частный сектор. В частности, в формате государственно-частного партнёрства создан Марокканский форум международных компетенций за рубежом (Finsome), который запустил программы по научным исследованиям, профессиональные тренинги, консультирование бизнесменов из диаспоры. Кроме того, Фонд короля Мухаммеда V с 2001 г. ежегодно запускает на летний период операцию «Мархаба» («Привлечение»), целью которой является помощь приезжающим в страну в любых вопросах – от решения проблем при транспортировке багажа до доступа к здравоохранению.

В дополнение к этому, государство поощряет самоорганизацию потенциальных инвесторов. В 1999 г. возникло некоммерческое объединение Maroc Entrepreneurs, которое помогает представителям диаспоры открыть бизнес в Марокко и привлекать необходимые трудовые ресурсы из диаспоры. В 2013 г. для таких категорий лиц была создана интернет-платформа Maghribcom, на которой собрана актуальная правовая информация. Кроме того, власти Марокко поощряют создание страновых объединений иммигрантов-профессионалов, таких как германо-марокканская Сеть навыков или Марокканская ассоциация выпускников ведущих французских вузов. Однако все эти механизмы горизонтальной связи оказываются сравнительно неэффективными, поскольку представителям диаспоры часто не хватает капитала для открытия собственного дела, либо им не удается преодолеть бюрократические барьеры (Hellgren and Zapata-Barrero 2020: 2027–2044).

В Кении также значительную роль в привлечении диаспорального капитала играет частный сектор. С 2007 г. в стране быстрыми темпами внедряются системы мобильного перечисления средств (прежде всего, M-Pesa), которые позволили существенно сократить стоимость транзакций и ощутимо снизили долю теневых перечислений. За период 2006–2019 гг. оцениваемая доля теневых перечислений упала в пять раз (около 6% транзакций), а доступ к таким мобильным сервисам получило свыше 80% экономически активного населения. В результате объём зафиксированных мигрантских перечислений начал расти примерно по 14% в год, за счёт выхода средств из неформальных механизмов перечисления и снижения транзакционных издержек (Arthur et al. 2020: 1–10). В дополнение к этому, бюджетный закон 2022 г., подписанный уходящим в отставку У. Кениаттой, отменил налог на прибыль, полученную за рубежом⁴¹. В целом, хотя основная часть перечисляемых средств ушла на потребление домохозяйств, эффект от невмешательства государства оказался положительным, поскольку выросли показатели потребления и, как следствие, налоговые поступления.

⁴¹ Kenyans in diaspora get relief from local tax claim. *Nation*. URL: <https://nation.africa/kenya/business/kenyans-in-diaspora-get-relief-from-local-tax-claim-3867824> (accessed 28.10.2023)

Однако значение государства существенно выросло для кенийцев, проживающих вне Европы и Северной Америки. Трудовая миграция в страны Персидского залива поставила перед властями страны задачу защиты прав своих граждан и обеспечения их безопасности. Кения активно работает над заключением двусторонних соглашений о трудовой миграции, которые позволили бы упорядочить перемещение трудовых ресурсов. Хотя три страны Залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар) подписали подобные соглашения с Кенией, кенийские посольства часто не в состоянии осуществлять мониторинг соблюдения прав трудовых мигрантов, поскольку последние преимущественно не встают на консульский учёт. Несмотря на это, кенийская дипломатия продолжает подготовку подобных соглашений с Оманом, Кувейтом и Бахрейном⁴². Кроме того, в 2017 г. Кении удалось добиться от Саудовской Аравии трёхмесячной амнистии для нелегальных кенийских мигрантов: им разрешалось выехать из страны без наказания (например, в виде штрафа), а для выезда вместо документов о легальном пребывании выдавались специальные сертификаты⁴³.

Примечательно, что в Кении диаспоральная политика постепенно обрастает и наднациональным уровнем. По линии Африканского Союза в 2014 г. был создан Африканский институт денежных переводов. Спонсорами проекта выступили Всемирный банк, ЕС, Африканский банк развития и Международная организация по миграции. Кения боролась с тремя другими государствами континента за право принять этот институт в Найроби⁴⁴. В результате властям страны удалось «привязать» к своей территории проводимые на уровне АС официальные дискуссии по мигрантским перечислениям, поступающие оперативные данные и внимание потенциальных экономических доноров.

В 2009–2011 гг. Кения выпустила шесть волн диаспорных облигаций, доход от которых был направлен на локальные инфраструктурные проекты. В 2014 г. Кения выпустила подобные облигации, номинированные в евро, а в 2017 г. власти страны запустили платформу M-Akiba для облигаций, привязанных к номерам мобильных телефонов. Хотя в целом эти меры позволили привлечь несколько миллиардов долларов, энтузиазм и накопления в диаспоре сокращались с каждой последующей волной выпуска подобных ценных бумаг. В частности, платформа M-Akiba собрала всего 2,4 млн долл. из запланированных 10 млн. Несмотря на это, в 2019 г. «мобильные» диаспоральные облигации Кении стали доступны для покупки вновь⁴⁵.

⁴² Kenya reviewing labour agreements with Gulf countries. *The Star*. URL: <https://www.the-star.co.ke/news/realtime/2022-11-16-kenya-reviewing-labour-agreements-with-gulf-countries/> (accessed 28.10.2023)

⁴³ Kenyans illegally in Saudi Arabia asked to leave during 90-day amnesty. *The Star*. URL: <https://www.the-star.co.ke/news/2017-04-05-kenyans-illegally-in-saudi-arabia-asked-to-leave-during-90-day-amnesty/> (accessed 28.10.2023)

⁴⁴ African Institute for Remittances (AIR) is officially launched in Nairobi, Kenya. *African Union*. URL: <https://au.int/sw/node/28028> (accessed 28.10.2023)

⁴⁵ Diaspora engagement mapping. Kenya. *EU Global Diaspora Facility*. URL: https://diasporafordevelopment.eu/wp-content/uploads/2021/10/CF_Kenya-v.4.pdf (accessed 28.10.2023)

В Нигерии значительное внимание к мигрантским перечислениям и инвестициям во многом было связано с фигурой Нгози Оконья-Ивеалы – дважды министра финансов (2003–2006, 2011–2015). Поскольку Н. Оконья-Ивеала работала более 20 лет во Всемирном банке и большую часть жизни прожила на Западе, экономическая политика под её руководством воспроизводила самые востребованные мировые практики. В результате Нигерия стала публиковать данные о своих финансовых показателях, внедрила современные механизмы финансовых расчётов. Это впоследствии позволило снять основные операционные затраты на финансовые перечисления мигрантов из стран Европы и Северной Америки. Опираясь на соответствие своей деятельности международным стандартам, в 2017 г. правительство Нигерии выпустило целевые ценные бумаги (облигации) для диаспоры, что позволило за год привлечь 300 млн долл. для финансирования государственных проектов⁴⁶.

В 2021 г. Центральный банк Нигерии предложил новый механизм поддержки мигрантских перечислений «найры за доллар»: на каждый доллар США, переведённый на счёт физического лица в Нигерии физическими лицами из-за рубежа, дополнительно начисляется 5 найр (примерно 0,002 доллара США). Несмотря на тяжёлое положение дел в мире после пандемии COVID-19, данное нововведение позволило в 2022 г. увеличить объём мигрантских перечислений почти на 9% (при среднем росте для Африки южнее Сахары всего на 5,2%)⁴⁷.

Также в 2022 г. власти Нигерии принципиально одобрили создание Тростового инвестиционного фонда диаспоры. Для деятельности фонда будут открыты легальные возможности инвестировать в быстроразвивающиеся отрасли экономики – банковскую, строительную, аграрную. В августе 2022 г. МИД Нигерии утвердил организационный комитет фонда, которому поручено разработать предложения по оптимальной структуре и предстоящим формам работы⁴⁸.

Наконец, в Египте важность экономического измерения диаспоральной политики осознали достаточно давно. В 70-е гг. прошлого века в Египте было решено открывать банковские счета и совершать покупки предметов роскоши и бытовой техники в зарубежной валюте. Проценты по вкладам и права инвесторов к 80-м гг. XX в. были уравнены для иностранцев и граждан Египта (Dessouki 1982: 64–65).

На современном этапе египетское правительство предпочитает механизмы ad hoc для привлечения капитала соотечественников за рубежом. В 2014 г. власти выпустили пятилетние инвестиционные сертификаты с гарантирован-

⁴⁶ Abou S M. Egyptian government's diaspora engagement strategy: A qualitative study. *American University in Cairo*. P. 39–40. URL: <https://fount.aucegypt.edu/etds/546> (accessed 28.10.2023)

⁴⁷ Naira-4-dollar Scheme Influence as Remittances Hit \$20.9b, 2022. *The Nigerian Voice*. URL: <https://www.thenigerian-voice.com/news/314829/naira-4-dollar-scheme-influence-as-remittances-hit-209b-2.html> (accessed 28.10.2023)

⁴⁸ Nigerian Govt Plans Diaspora Investment Fund, Names Team. *Nigerian Investment Promotion Commission*. URL: <https://www.nipc.gov.ng/2020/08/31/nigerian-govt-plans-diaspora-investment-fund-names-team/> (accessed 28.10.2023)

ным доходом для покрытия расходов на обновление инфраструктуры Суэцкого канала. И хотя было куплено чуть более 1% от общего числа сертификатов, в акции приняло участие 81% граждан Египта за рубежом⁴⁹. Также представители диаспоры принимали участие в акции «Инвестируй в страну» и «Достойная жизнь» (развитие бедных аграрных поселений). Однако бюрократизм внутри Египта и отчуждение части эмигрантов по отношению к правлению президента А.Ф. ас-Сиси приводят к тому, что значительная часть диаспоры не решается идти на полноценное сотрудничество с государственными институтами. По имеющимся подсчётам, основная часть финансовых перечислений до сих пор приходит в Египет по неформальным каналам – доля средств, пришедших через официальные банковские счета, не превышает 10%⁵⁰.

На социально-гуманитарном направлении все проанализированные государства стремятся к достижению, как минимум, двух целей. Во-первых, в выступлениях глав государств и лиц, ответственных за диаспоральную политику, часто встречаются тезисы о том, что следующие поколения диаспоры (тех, кто родился вне страны происхождения) должны сохранить соответствующую культурную идентичность и заинтересованность в предлагаемых политических и экономических проектах. Во-вторых, государства декларируют необходимость возвращения востребованных в экономике специалистов – учёных, менеджеров, инженеров и т.д.

В Марокко с 2009 г. на государственном уровне организовываются летние университетские модули для диаспоральной молодежи. Участники от 18 до 25 лет (до 400 чел. в год) в течение нескольких недель посещают лекции в ведущих университетах, участвуют в дискуссиях, посещают объекты культурного наследия. Такая программа позволяет расширить знания в диаспоре о современном положении дел в Марокко и эмоционально приобщить диаспоральную молодёжь к стране происхождения (Mahieu 2015: 397–408).

Пользуясь тем, что светская и религиозная власть объединены в руках короля, власти Марокко с 70-х гг. прошлого века начали отправлять в места проживания крупных общин соотечественников представителей духовенства, получавших государственное содержание. В 80-е гг. к этому добавились финансируемые государством курсы арабского языка, созданные в рамках двусторонних соглашений с Нидерландами, Францией, Бельгией и Испанией. В начале 90-х гг. на фоне соперничества с Саудовской Аравией за влияние на умы марокканцев в Западной Европе, власти Марокко прибегли к фактическому захвату контроля над Национальной федерацией французских мусульман, стали ак-

⁴⁹ Mobilizing diaspora savings for investments in Egypt. *World bank*. URL: <https://blogs.worldbank.org/peoplemove/mobilizing-diaspora-savings-investments-egypt> (accessed 28.10.2023)

⁵⁰ Diaspora engagement mapping. Egypt. *EU Global Diaspora Facility*. URL: https://diasporafordevelopment.eu/wp-content/uploads/2020/04/CF_Egypt-v.4.pdf (accessed 28.10.2023)

тивно финансировать строительство мечетей. С 2000-х гг. за государственный счёт стали направлять знатоков ислама и имамов для проповедей и проведения праздничных молитв в священный месяц Рамадан. Партнёрами властей Марокко на местах выступают местные объединения как по гражданскому, так и религиозному принципу (Союз мечетей Франции, Центральный совет марокканцев Германии, Союз исламских культурных центров Каталонии).

Более того, направление марокканских священнослужителей получило поддержку даже стран пребывания. В 2008 г. Франция и Марокко заключили двустороннее соглашение, регламентирующее количество и время пребывания марокканских священнослужителей (30 человек на четыре года). Марокканская сторона взяла на себя не только отбор имамов, оплату их труда, но и посещение ими курсов во Франции по основам светскости (фр. *laïcité*). В свою очередь, французская сторона создала максимально благоприятные визовые условия для прибывших имамов (Bruce 2019).

Мощным механизмом диаспоральной политики в социальной гуманитарной сфере остается Фонд короля Хасана II. В число его задач входит поддержка культурных, религиозных и образовательных проектов, организация праздничных туров и регулярных визитов соотечественников за рубежом на историческую родину, подготовка спортивных и культурных событий в странах пребывания, а также организационная и финансовая поддержка нуждающимся. Ежегодно Фонд финансирует приезд молодёжи марокканского происхождения из стран мира в детские лагеря, оказывает помощь при оформлении документов прибывающих соотечественников, помогает с решением медицинских проблем. Однако основным направлением деятельности Фонда остаются программы по арабскому языку для разных уровней обучающихся (Brand 2006: 80–88). Подобный перекос вызывает некоторую напряжённость среди выходцев из Марокко, для которых предпочтительными языками общения остаются берберский или испанский.

Во многом социально-гуманитарное измерение диаспоральной политики Египта воспроизводит марокканский опыт. На официальном уровне организовывались визиты молодёжи из-за рубежа для посещения объектов культурного наследия, для участия в конференциях и форумах по экономической и диаспоральной проблематике. В 2021 г. была запущена программа «Говорю по-арабски», в рамках которой на популярных видеохостингах выкладывались образовательные видео. Позднее в рамках программы появилось специальное мобильное приложение для улучшения знания арабского языка⁵¹. Подобные оз-

⁵¹ Speak Arabic: Egypt Launches Initiative Promoting Arabic Language and Egyptian Culture. *Egyptian streets*. URL: <https://egyptianstreets.com/2020/12/17/speak-arabic-egypt-launches-initiative-promoting-arabic-language-and-egyptian-culture/> (accessed 28.10.2023)

накопительные проекты не сопровождаются мероприятиями по поддержанию религиозной идентичности соотечественников за рубежом в силу светского характера государства в Египте.

В случае Кении и Нигерии социально-гуманитарные связи диаспоры с территорией происхождения складываются скорее вопреки деятельности государств. Выходцы из этих стран объединены в группы по этническому и религиозному принципу, поддерживаются связи в популярных мессенджерах и социальных сетях (Skype, Whats app и иные). Нигерийская община в США создала собственную платформу Naijanet для культурной коммуникации. Благодаря интернету многие представители диаспор Кении и Нигерии продолжают просмотр национального телевидения (политические и спортивные новости, сериалы). На этом фоне весьма скромно выглядят действия государств – в основном проводятся культурные фестивали для реинтеграции, конференции и форумы.

Таким образом, диаспоральная политика государств – лидеров по объёму мигрантских перечислений характеризуется довольно высокой степенью разработанности как формально-институциональных, так и экономических, культурных практик. Наиболее равномерным представляется баланс между различными институциональными практиками диаспоральной политики в Марокко. В Египте и Кении многие практики носят бессистемный и декларативный характер, хотя государства прилагают заметные усилия для активизации диалога с диаспорой и наполнения его содержанием. В случае Нигерии необходимо отметить существенный перекося в сторону экономических институциональных практик, несмотря на некоторую инерцию от перекося в сторону политических инструментов диаспоральной политики времен президент О. Обасанджо.

Во всех проанализированных странах в целом происходит постепенный разворот к социально-гуманитарным практикам диаспоральной политики. Однако этот разворот имеет ресурсные ограничения и во многом подчинён внутривнутриполитической динамике. Именно этим объясняется относительно более высокий уровень вариативности в применяемых институциональных практиках и, соответственно, в полученных результатах.

Заключение

Безусловно, у проанализированных государств были совершенно разные стартовые внутривнутриполитические условия для формирования диаспоральной политики, а также непохожие характеристики внешней среды (соседи, основные союзники, направления миграции и т.д.). Всё же проведенный анализ дал определённые результаты.

На уровне интуиции можно предполагать, что ключевые получатели мигрантских перечислений будут вести активную диаспоральную политику или, как минимум, будут работать над привлечением капитала со стороны представителей диаспоры. В то же время в двух группах государств (лидеры по доле в

ВВП и лидеры по абсолютному объёму) такое логико-интуитивное предположение не нашло достаточного подтверждения. В первой группе только Гамбия и Лесото в последние 5–7 лет предприняли некоторые усилия для формирования осмысленной диаспоральной политики. Однако эти усилия часто не обеспечены соответствующими ресурсами, что обуславливает декларативность многих инициатив. В Сомали диаспора действует «сквозь» государство, выстраивая горизонтальные связи напрямую с нужными локальными и трансграничными игроками, а также функционерами федерального правительства. В случае Южного Судана в силу значительного числа причин дезорганизованными оказались и диаспора, и государство.

Во второй группе логико-интуитивному предположению в полной мере соответствует только Марокко. Данное государство выступает не только с позиций получателя мигрантских перечислений, но и небезуспешно пытается занять гуманитарную нишу – заботится о культурной и религиозной идентичности диаспоры, использует механизмы для помощи наименее защищенным её представителям. Без учёта социально-гуманитарных институциональных практик к уровню Марокко приближается Нигерия. В случае же Египта институциональная колея диаспоральной политики, по всей видимости, была прервана революционными событиями 2011–2013 гг. В 2014 г. произошла полная перезагрузка отношений государства с диаспорой, что фактически сблизило египетский кейс с ситуацией в Лесото и Гамбии. Наконец, Кения смогла успешно освоить экономические практики диаспоральной политики, но не имеет ярко выраженной стратегии, что негативно сказывается на конечных результатах.

С учётом этого, можно выделить следующие институциональные траектории диаспоральных политик государств:

- баланс «государствоцентризма» и «диаспорацентризма» для максимизации мигрантских перечислений (Марокко);
- «государствоцентризм» как способ сохранения контроля над диаспорой и снижения рисков для политической системы (Египет, Нигерия);
- избирательный «государствоцентризм» в целях сохранения мигрантских перечислений (Кения);
- «социальное обучение» (англ. *social learning*) для стимулирования мигрантских перечислений (Лесото, Гамбия), то есть сохранение возможности перейти к вышеперечисленным траекториям;
- самоустранение государств для минимизации затрат на диаспоральную политику (Сомали, Южный Судан).

По всей видимости, данные траектории связаны не только с плотностью институтов и ресурсными тратами на диаспоральную политику, но и с демографической асимметрией соответствующих диаспор. Для марокканской и египетской диаспор свойственна не только значительная численность (порядка 5–10 млн чел. в зависимости от методики подсчёта), но и высокая концентрация в небольшом количестве государств. Это позволяет государствам произ-

хождения дополнительно снижать транзакционные издержки при коммуникации с диаспоральными организациями и платформами (Pierson 2004: 33–41). По всей видимости, Кения и Нигерия лишь отчасти приблизились к решению этой проблемы за счёт интернет-платформ и мобильных сервисов.

В то же время ряд отдельных востребованных норм диаспоральной политики имеют перспективу для дальнейшего распространения. Во-первых, как ни парадоксально, неформальное ограничение доступа представителей диаспор к политическим процессам в странах происхождения оказалось востребовано практически во всех проанализированных случаях (в той или иной мере). По всей видимости, более жизнеспособной оказывается не норма политического представительства диаспоры в общенациональных органах власти, а создание неких отдельных платформ и институтов представительства диаспор. Во-вторых, кейсы Кении и Марокко демонстрируют, что диаспоральная политика может оказаться совместным делом государств происхождения и пребывания. Тем самым, с одной стороны, размывается суверенность государств пребывания, но, с другой стороны, возникают новые формы их контроля над транснациональными взаимодействиями (безусловно, нелинейно). В-третьих, помимо межгосударственных институциональных связей возникают субнациональные и наднациональные уровни диаспоральной политики (Кения, Нигерия, Лесото). Пока не совсем понятно, насколько это новшество повлияет на конкуренцию государств за финансовые потоки и насколько позволит заимствовать лучшие практики диаспоральной политики. Однако тенденция к институциональному усложнению вполне может ослабить для государства проблему дефицита ресурсов для диаспоральной политики – за счёт эффектов масштаба и координации усилий. Наконец, в-четвёртых, диаспорные облигации как форма долгосрочных взаимоотношений государства и диаспоры (Кения, Нигерия, Гамбия) пока не достигают порогового значения институциональной привлекательности, поскольку их выпуск, помимо возможного притока финансовых ресурсов, может иметь репутационные риски. В этой связи более осторожные меры Египта и Марокко позволяют «сохранить лицо» как государственным институтам, так и организациям, и представителям соответствующих диаспор.

Исходя из вышеперечисленного, многообразие институциональных траекторий диаспоральных политик государств и востребованность отдельных норм и практик свидетельствует о возрастании роли мигрантских перечислений для государств Африки и для смягчения социально-экономических и политических проблем континента. Фактором дальнейшего расширения спектра институциональных практик диаспоральной политики африканских государств, по всей вероятности, можно считать не только институциональную инерцию от уже существующих форм взаимодействия, но и растущее число мигрантов из Африки в остальных регионах мира. В то же время унификации диаспоральных политик ожидать не приходится, поскольку существующие институциональные траектории диаспоральных политик не являются одинаково совместимыми и взаимо-

заменяемыми. Это значит, что африканские страны – лидеры по мигрантским перечислениям продолжают конкурировать друг с другом и предлагать другим странам континента свои наработки и форматы взаимодействия с диаспорами.

В целом наш анализ кейсов не позволяет сделать однозначный вывод об обусловленности диаспоральной политики объёмом или значительной относительной долей мигрантских перечислений, по крайней мере, в Африке. По всей вероятности, более значимыми факторами, идентифицировать которые позволило применение неоинституционального анализа, оказываются следующие «упущенные переменные» – доступные для государств ресурсы, запрос на устойчивую коммуникацию со стороны диаспоры и внимание к диаспоральной проблематике отдельных лидеров (О. Обасанджо, Хасан II, У. Руто).

Об авторах:

Иван Дмитриевич Лошкарёв – кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, научный сотрудник Центра ближневосточных и африканских исследований ИМИ МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Иван Сергеевич Копытцев – стажер Центра ближневосточных и африканских исследований ИМИ МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76. E-mail: www.kopitsev53.ru@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

UDC 325.2(6)

Received: April 11, 2023

Accepted: July 20, 2023

Migrant Remittances and Diaspora Policies in Africa

I.D. Loshkariov, I.S. Kopyttsev

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-5-92-126-154](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-126-154)

MGIMO University

Abstract: Recent years have seen a substantial increase in remittances from diaspora communities to their home countries, prompting developing economies to establish and enhance institutional mechanisms. These mechanisms aim to channel and leverage the emotional connections of emigrants to their native lands for economic purposes. This article concentrates on the influence of migrant remittances on the formulation of diaspora policies

in Africa. It closely examines two clusters encompassing a total of 8 states recognized as leaders in terms of migrant remittances' share in GDP and their absolute value, respectively. The article evaluates three primary categories of tools and practices that structure diaspora cooperation: formal institutional means, economic tools, and socio-cultural practices. The research applies a neo-institutional approach, conceiving diaspora policy as a network of interconnected practices across various spheres. By comparing cases within and between these clusters, it demonstrates diverse approaches to developing diaspora cooperation mechanisms. Additionally, the authors outline the most promising pathways for advancing diaspora policies while identifying existing barriers. They advocate for the establishment of distinct platforms for diaspora representation, deepening cooperation between origin and host states, and extending certain diaspora policy mechanisms to subnational and supranational levels. However, the development of diaspora politics in the examined cases is impeded by insufficient resources, weak state institutions, and state reluctance to cede control over their population's interaction with external actors. Despite the prevalent notion that the evolution of diaspora cooperation mechanisms correlates with the volume of migrant remittances, empirical analysis within the African context exposes the explanatory limitations of such a model.

Keywords: diaspora, diaspora policies, migrant remittances, formal institutional practices, economic practices, socio-humanitarian practices, Africa

About the authors:

Ivan D. Loshkariov – Ph.D. in Political Science, Associate Professor in the Department of Political Theory, a researcher at the Center for Middle Eastern and African Studies, Institute of International Studies MGIMO University, 119454, Moscow, 76 Vernadsky Ave.
E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Ivan S. Kopyttsev – Research Trainee of the Center for Middle Eastern and African Studies, Institute of International Studies MGIMO University, 119454, Moscow, 76 Vernadsky Ave.
E-mail: www.kopitsev53.ru@gmail.com

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

References:

- Aguinas D.R. 2009. Closing the Distance. *How Governments Strengthen Ties with Their Diasporas*. Washington: Migration Policy Institute. 105 p.
- Amagoh F. and Rahman T. 2016. Tapping into the Potential of academic Diaspora for Homeland Development: The Case of Nigeria. *Journal of International Migration and Integration*. 17(1). P. 35–53. DOI: 10.1007/s12134-014-0376-y.
- Amoi G.K., and Carver F. 2022. Perceptions about Dual Citizenship and Diaspora Participation in Political, Economic, and Social Life in South Sudan. *Diaspora*. 22(1). P. 123–135.
- Arrey S.T. and Ullán de la Rosa F.J. 2021. The Contribution of Somali Diaspora in Denmark to Peacebuilding in Somalia through Multi-Track Diplomacy. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*. 8(2). P. 241–260. DOI: 10.29333/ejecs/642.
- Arthur E.K., Musau S.M. and Wanjohi F.M. 2020. Diaspora Remittances and Financial Inclusion in Kenya. *European Journal of Business and Management Research*. 5(2). P. 1–10. DOI: 10.24018/ejbmr.2020.5.2.289.
- Bennett A. and George A.L. 2005. *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*. Cambridge: MIT Press. DOI: 10.1177/0276146707305480.

- Brand L.A. 2006. *Citizens Abroad: Emigration and the State in the Middle East and North Africa*. Cambridge: Cambridge University Press. 246 p. DOI: 10.1017/S0020743809990699.
- Bruce B. 2018. Transnational Religious Governance as Diaspora Politics: Reporming the Moroccan Religious Field Abroad. *Mashriq & Mahjar: Journal of Middle East and North African Migration Studies*. 5(1). P. 36–74. DOI: 10.24847/55i2018.159.
- Bruce B. 2019. *Governing Islam Abroad. Turkish and Moroccan Muslims in Western Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 303 p. DOI: 10.1007/978-3-319-78664-3.
- De Haas H. 2005. International Migration, Remittances and Development: Myths and Facts. *Third World Quarterly*. 26(8). P. 1269–1284. DOI: 10.1080/01436590500336757.
- Délano A. and Gamlen A. 2014. Comparing and Theorizing State–Diaspora Relations. *Political Geography*. №41. P. 43–53. DOI: 10.1016/j.polgeo.2014.05.005.
- Dessouki A.E.H. 1982. The Shift in Egypt's Migration Policy: 1952–1978. *Middle Eastern Studies*. 19(1). P. 53–68.
- Elmi A. 2021. The Politics of the Electoral System in Somalia: An Assessment. *Bildhaan: An International Journal of Somali Studies*. 21(1). P. 99–113.
- Gamlen A. 2014. Diaspora Institutions and Diaspora Governance. *International Migration Review*. 48(1). P. 180–217. DOI: 10.1111/imre.12136.
- Hellgren Z. and Zapata-Barrero R. 2020. Harnessing the Potential of Moroccans Living Abroad through Diaspora Policies? Assessing the Factors of Success and Failure of a New Structure of Opportunities for Transnational Entrepreneurs. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 46(10). P. 2027–2044. DOI: 10.1080/1369183X.2018.1559997.
- Horst C. 2013. The Depoliticization of Diasporas from the Horn of Africa: From Refugees to Transnational Aid Workers. *African Studies*. 72(2). P. 228–245. DOI: 10.1080/00020184.2013.812881.
- Kleist N. 2008 Mobilising ‘the Diaspora’: Somali Transnational Political Engagement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 34(2). P. 307–323. DOI: 10.1080/13691830701823855.
- Leblang D. 2017. Harnessing the Diaspora: Dual Citizenship, Migrant Return Remittances. *Comparative Political Studies*. 50(1). P. 75–101. DOI: 10.1177/0010414015606736.
- Lindley A. 2009. Between ‘Dirty Money’ and ‘Development Capital’: Somali Money Transfer Infrastructure under Global Scrutiny. *African Affairs*. 108(433). P. 519–539.
- Madibbo A., and Teye-Kau M. 2020. Transnational Migration as a Strategy of Resistance among Refugees: The South Sudanese Diaspora in Canada. *Canadian Ethnic Studies*. 52(3). P. 27–45. DOI: 10.1353/ces.2020.0015.
- Mahieu R. 2015. Feeding the Ties to “Home”: Diaspora Policies for the Next Generations. *International Migration*. 53(2). P. 397–408.
- Mahieu R. 2019. Competing Origin-Country Perspectives on Emigrant Descendants: Moroccan Diaspora Institutions’ Policy Views and Practices Regarding the “Next Generation Abroad”. *International Migration Review*. 53(1). P. 183–209. DOI: 10.1177/0197918318768556.
- Massey D.S., and Sana M. 2005. Household Composition, Family Migration, and Community Context: Migrant Remittances in Four Countries. *Social Science Quarterly*. 86(2). P. 509–528. DOI: 10.1111/j.0038-4941.2005.00315.x.
- Ostrom E. 2005. *Understanding Institutional Diversity*. Princeton: Princeton University Press. 355 p.
- Pellerin H. 2013. The ‘Diaspora Option’, Migration and the Changing Political Economy of Development. *Review of International Political Economy*. 20(1). P. 89–120. DOI: 10.1080/09692290.2011.649294.
- Pierson P. 2004. *Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis*. Princeton: Princeton University Press. 212 p. DOI: 10.1515/9781400841080.

Wellman E.I., and Whitaker B.E. 2021. Diaspora Voting in Kenya: A Promise Denied. *African Affairs*. 120(479). P. 199–217. DOI: 10.1093/afraf/adab008.

Williams N. 2020. Moving beyond Financial Remittances: The Evolution of Diaspora Policy in Post-Conflict Economies. *International Small Business Journal*. 38(1). P. 41–62. DOI: 10.1177/0266242619878064.

Fokin Y.E. (ed.) 2001. *Gosudarstva i diaspor: opyt vzaimodejstviya* [States and Diasporas: Experience of Interaction]. Moscow: Terra. 264 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Фокин Ю.Е. (отв. ред.) 2001. *Государства и диаспоры: опыт взаимодействия*. Москва: Терра. 264 с.

Влияние международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций

 В.И. Бартенев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В последнее десятилетие на первый план в международном дискурсе вышел вопрос о расширении участия частного бизнеса в достижении целей устойчивого развития, в том числе в юрисдикциях с высоким уровнем риска. Эта задача может решаться с применением как инновационных инструментов мобилизации ресурсов частного сектора (квалифицируемых в настоящее время в ОЭСР как официальная помощь развитию (ОПР)), так и классических мер внешней поддержки самих нуждающихся стран, на которые пока приходится почти весь объём направляемых им средств. Цель обзора – оценить научный опыт осмысления проблемы влияния традиционных инструментов международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций (ПИИ), обозначить имеющиеся ограничения и наметить пути их преодоления.

В первом разделе кратко раскрыта суть заявленной проблемы и описаны принципы отбора литературы с применением библиографической базы Google Scholar. Во втором разделе наиболее релевантные работы классифицированы и сопоставлены по формальным признакам и методологическим параметрам. В последующих двух разделах обобщены результаты осмысления митигирующего воздействия международной помощи в целом и её влияния на отдельные виды политических рисков – экспроприацию, терроризм и коррупцию. В последнем разделе рассмотрена отдельная подгруппа работ, посвящённых специфическому опыту КНР как крупнейшего незападного донора.

Проведённый библиометрический анализ позволяет сделать вывод: степень научной разработанности заявленной проблематики не соответствует уровню внимания, уделяемому ей в политическом дискурсе. Ощущается дефицит трудов, охватывающих весь спектр основных политических рисков для бизнеса. Лишь в исключительных случаях разграничивается митигирующий эффект грантов и кредитов, инструментов с разным целевым назначением; потоков, направляемых по правительственной линии и в обход официальных институтов. Нет исследований, которые бы рассматривали проблему митигации политических рисков для ПИИ посредством ОПР применительно ко всей совокупности западных и незападных провайдеров или изучали опыт любых других стран вне ОЭСР, кроме

УДК 327.81:339.9

Поступила в редакцию: 31.08.2023

Принята к публикации: 02.10.2023

Китай. Преимущественно работы зарубежных учёных по заявленной проблематике не охватывают всех реципиентов, в их фокусе оказывается африканский континент, а разграничения между категориями получателей помощи – «хрупкими» и стабильными государствами, странами с различным уровнем дохода и т.д. – проводятся крайне редко. Наконец, пока в релевантных работах не изучались данные за период после начала пандемии COVID-19, которая внесла коррективы и в представления о политических рисках для транснационального бизнеса, и в распределение потоков международной помощи и ПИИ. Всё это указывает на наличие исследовательской ниши, заполнение которой будет иметь не только научное, но и прикладное значение.

Ключевые слова: международная помощь, политические риски, прямые иностранные инвестиции, библиометрия, эконометрика, терроризм, экспроприация, коррупция, конфликты

В последнее десятилетие на первый план в глобальном дискурсе вышел вопрос о путях расширения участия частного бизнеса в достижении целей устойчивого развития. Символом новых приоритетов стал яркий и запоминающийся лозунг «от миллиардов к триллионам»¹. Однако стремительная фрагментация глобального пространства, ускорившаяся на фоне пандемии COVID-19, зримая политизация всех форм экономической деятельности, усиление нестабильности во многих регионах земного шара усложнили воплощение этого императива в жизнь. Стало ясно: подлинного прорыва в привлечении средств на цели развития невозможно добиться – особенно, если речь идёт о наиболее уязвимых государствах – без учёта политических рисков для транснационального бизнеса, предпочитающего вести деятельность в как можно более предсказуемых и безопасных условиях².

В теории изменению ситуации к лучшему может помочь применение государствами и многосторонними организациями двух типов инструментов. С одной стороны – *традиционных мер* поддержки самих нуждающихся стран (Бартенев 2023), совокупный объём финансирования которых уже превысил две сотни миллиардов долларов. С другой стороны – *инновационных инструментов* мобилизации ресурсов частного сектора (*private sector instruments, PSI*), с недавних пор квалифицируемых ОЭСР как «официальная помощь

¹ *From Billions to Trillions: Transforming Development Finance Post-2015 Financing for Development: Multilateral Development Finance*. 2015. African Development Bank, the Asian Development Bank, the European Bank for Reconstruction and Development, the European Investment Bank, the Inter-American Development Bank, the International Monetary Fund, the World Bank Group. DC2015-0002. April 2. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/622841485963735448-0270022017/original/DC20150002EFinancingforDevelopment.pdf> (accessed 25.10.2023)

² Kher P., Chun D. 2020. Policy Options to Mitigate Political Risk and Attract FDI. *World Bank Group*. P. 4-6. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/c323e356-9d13-5cd9-af63-0b2c3cbca36c/content> (accessed 25.10.2023)

развитию»³. Последние применяются всё активнее (в 2018–2021 гг. масштабы их финансирования выросли на 17% – с 4,4 до 5,2 млрд долл.), но пока ещё составляют микроскопически малую долю от совокупного объёма ОПР (порядка 2,8% в 2021 г.)⁴. Цель обзорной статьи – оценить накопленный учёными опыт анализа влияния пока ещё более востребованных классических инструментов международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций, обозначить имеющиеся ограничения и наметить возможные пути их преодоления.

Статья состоит из пяти разделов. В первом разделе мы кратко раскроем суть рассматриваемой проблемы, обозначим принципы отбора исследований и впишем их в более широкий научный контекст. Во втором разделе наиболее релевантные работы, отобранные по результатам поиска, будут классифицированы и сопоставлены по нескольким ключевым формальным признакам и методологическим характеристикам. В третьем и четвёртом разделах обобщаются результаты оценивания их авторами митигирующего эффекта международной помощи в целом, а также её влияния на отдельные виды политических рисков. Наконец, в последнем, пятом разделе детально рассмотрено содержание работ, посвящённых опыту Китая, который привлекает к себе всё больше внимания.

Связи между внешней помощью, политическими рисками и прямыми иностранными инвестициями через призму библиометрии

Отбор релевантных исследований для обзора представлял собой весьма нетривиальную задачу, поскольку мы имеем дело с достаточно специфической, «сложносоставной» проблемой. Образуют её три стержневые для международной политической экономии понятия – «международная помощь», «прямые иностранные инвестиции» и «политические риски», – ни одно из которых формально не подразумевает обязательного рассмотрения в связке с другими.

Например, международная помощь может использоваться для самых разных целей – отнюдь не только для стимулирования прямых иностранных инвестиций (Van der Veen 2011; Дегтерёв 2012; Максимова 2015; Содействие

³ Под «официальной помощью развитию (ОПР) Комитет содействия развитию ОЭСР (далее – КСР ОЭСР) понимает «потоки, которые направляются в государства и территории, включённые в список реципиентов ОПР, и многосторонние институты официальными учреждениями (включая региональные и муниципальные органы власти); имеют первоочередной целью оказание содействия экономическому и социальному развитию и носят льготный характер». *OECD. Official development assistance – definition and coverage*. URL: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/officialdevelopmentassistance/definitionandcoverage.htm> (accessed 25.10.2023).

⁴ Craviotto N. Little to Celebrate. An Assessment of Official Development Assistance in 2022. Briefing Paper. June 2023. *European Network on Debt and Development*. URL: https://eurodad.org/little_to_celebrate (accessed 25.10.2023)

международному развитию 2018 и др.). Точно так же и осуществление капиталовложений за рубежом не всегда подкрепляется инструментами официальной помощи – тем более в «хрупких» государствах (*fragile states*)⁵.

С другой стороны, существуют и иные виды страновых рисков для прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые не относятся к категории политических (Братерский 2010: 129–131). Более того, термин «политические риски» применяется – с разным смысловым наполнением – по отношению к рискам, сопряжённым как с оказанием помощи (в первую очередь, в наиболее «проблемных» государствах)⁶, так и с осуществлением торгово-инвестиционной деятельности. Во втором случае речь идёт о политических рисках, которые могут возникать отнюдь не только для капиталовложений, но и для внешней торговли, и для трансграничного кредитования (на коммерческих основаниях).

Наконец, политические риски для транснационального бизнеса совсем не обязательно должны исследоваться в связке с международной помощью, поскольку факторы, их продуцирующие, проявляют себя в том числе и в развитых странах, которые внешнюю помощь в привычном смысле слова не получают вовсе. Международная помощь, в свою очередь, может рассматриваться под самыми разными углами, и совсем не обязательно через призму риск-менеджмента.

Другими словами, если эти три понятия в научных публикациях всё же изучаются в той или иной комбинации друг с другом, мы имеем дело с вполне осознанным решением исследователей. Если вынести за скобки видовое разнообразие каждого элемента, можно обозначить три диадные смычки и образуемую их сопряжением «треугольную» предметную область. Кроме того, каждый элемент триады оказывает влияние ещё и на точки сопряжения между двумя другими элементами.

Внутри этого «треугольника» располагается и та часть инструментов финансирования развития (*development finance*), которые призваны непосредственно снижать уровень оцениваемых бизнесом политических рисков (Бартенев 2023) и льготную (субсидируемую государствами-донорами) составляющую которых КСР ОЭСР с недавних пор как раз и счёл частью ОПР⁷.

⁵ См., например: Collier P., Gregory N., Ragoussis A. 2019. Pioneering Firms in Fragile and Conflict-Affected States: Why and How Development Financial Institutions Should Support Them. *BSG Working Paper Series*. BSG-WP-2019/028. URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/sites/default/files/2019-04/BSG-WP-2019-028.pdf> (accessed 25.10.2023)

⁶ Преимущественно термин используется в рамках получившей широкое распространение в профильном дискурсе типологии рисков, разработанной специалистами британского Института зарубежного развития и получившей известность под названием «Копенгагенские круги». Представлена впервые в 2011 г. здесь: Metcalfe V. et al. 2011. Risk in Humanitarian Action: Towards a Common Approach? L.: *Overseas Development Institute*. URL: <https://www.odi.org/publications/5463-risk-humanitarian-action-towards-common-approach> (accessed 25.10.2023)

⁷ Общие принципы учёта инструментов мобилизации ресурсов частного сектора в качестве ОПР были согласованы на встрече высокого уровня КСР ОЭСР еще в 2016 г., однако процесс обсуждения технических деталей пока ещё не завершён. См.: DAC Working Party on Development Finance Statistics Private Sector Instruments: ODA-Eligibility Assessment. DCD/DAC/STAT(2022)51/REV2. OECD. 6 March 2023. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/STAT\(2022\)51/REV2/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/STAT(2022)51/REV2/en/pdf) (accessed 25.10.2023)

Ввиду специфичности рассматриваемой проблемы важно было для начала оценить, насколько равномерно распределено внимание исследователей как между самими элементами триады, так и между диадными связками. Для этого было решено воспользоваться библиографической базой Google Scholar, производя поиск ключевых слов и/или их сочетаний в англоязычных и русскоязычных публикациях с учётом особенностей их употребления на обоих языках – сначала только в названиях⁸. Полученные «сырые» числовые данные, позволяющие оценить исследовательский интерес к заявленной теме в динамике, приведённые в табл. 1, оказались в высшей степени показательными.

Исследовательский интерес между элементами рассматриваемой триады распределён отнюдь не равномерно. В англоязычном сегменте ПИИ посвящено почти в три раза больше статей, чем международной помощи, а той, в свою очередь, – почти в шесть с лишним раз больше научных работ, чем политическим рискам. В русскоязычном сегменте самым малоизученным феноменом, напротив, оказалась как раз международная помощь.

Отмеченные диспропорции в степени внимания к политическим рискам и к двум другим элементам триады имели место ещё в XX в., но применительно к ПИИ и международной помощи явно обозначились только в XXI столетии – на фоне роста значимости частных финансовых потоков. Отдельно можно констатировать рост интереса учёных к проблематике политических рисков с 2010-х гг., в ответ на усиление нестабильности как в отдельных регионах мира (начиная с Ближнего Востока и Северной Африки и заканчивая постсоветским пространством), так и на глобальном уровне.

Невозможно не обратить внимание и на различия между англоязычным и русскоязычным сегментами в том, что касается изучения диадных связей между элементами триады. Интерес к ним проявляют исключительно зарубежные исследователи, в то время как поиск трудов на русском языке с заданными критериями отбора выявляет лишь одну⁹ работу, посвящённую, пожалуй, самой прочной из связей – между политическими рисками и ПИИ (Силкин 2011).

⁸ Так, например, применительно к трансграничным потокам, направляемым в развивающиеся страны на льготной или безвозмездной основе, решено было использовать шесть наиболее часто употребляемых в англоязычном дискурсе – преимущественно взаимозаменяемо – лексем: 'foreign aid', 'foreign assistance', 'international aid', 'international assistance', 'external aid', 'external assistance'. При этом автор отдаёт себе отчёт в том, что термин 'foreign aid'/'foreign assistance' – в случае с отдельными странами (в первую очередь, США) может включать помощь различной целевой направленности – как потоки, соответствующие критериям ОПР, так и помощь в сфере безопасности и поставки оружия. Вместе с тем абсолютное большинство учёных употребляют данный термин в значении, идентичном значению понятия «ОПР». Это подтвердило и ознакомление с исследованиями, которые попали в нашу итоговую подборку. Применительно к русскоязычному сегменту использовался следующий набор терминов: «внешняя помощь»/ «иностранная помощь»/ «зарубежная помощь» / «международная помощь».

⁹ Отдельно стоит отметить англоязычную статью С. Мишра и Е. Федоренко из РУДН, опубликованную в отечественном журнале «Вестник МИРБИС» и раскрывающую связь между внешней помощью и ПИИ в Непале (Mishra and Fedorenko 2019).

Что касается англоязычной литературы, диадные связки с ПИИ в качестве одного из элементов, исследованы приблизительно одинаково. Число трудов, им посвящённых, превышает две сотни. Третья же диадная связка – между политическими рисками и международной помощью – занимает в библиографии периферийное место – общее количество изучающих её публикаций в буквальном смысле можно пересчитать на пальцах одной руки. Трудов же, посвящённых интересующей нас «треугольной» предметной области, и того меньше.

Таблица 1. Результаты поиска релевантных публикаций в библиографической базе Google Scholar (по состоянию на август 2023 г.)

Table 1. Google Scholar query results (August 2023)

Англоязычные труды						Русскоязычные труды					
Ключевые слова	ВСЕГО	До 2000	2001–2010	2011–2020	2021–2023	Ключевые слова	ВСЕГО	До 2000	2001–2010	2011–2020	2021–2023
Результаты поиска релевантных публикаций по названиям											
'political risk'	3094	893	658	1170	373	«политические риски»***	321	27	75	179	40
'foreign direct investment'*	50310	9140	16700	16900	7570	«прямые иностранные инвестиции»****	818	42	206	501	69
'foreign aid'**	17730	6220	4110	6200	1200	«международная помощь»*****	92	10	16	56	10
'political risk' + 'foreign direct investment'	243	45	61	110	27	«политические риски» + «прямые иностранные инвестиции»	1	0	0	1	0
'foreign direct investment' + 'foreign aid'	204	4	40	131	29	«прямые иностранные инвестиции» + «международная помощь»	Труды, соответствующие заданным критериям отбора, не обнаружены				
'political risk' + 'foreign aid'	5	2	0	2	1	«политические риски» + «международная помощь»					
'foreign aid' + 'political risks' + 'foreign direct investment'	2	0	0	1	1	«международная помощь» + «политические риски» + «прямые иностранные инвестиции»					
Справочно: Результаты поиска релевантных публикаций по полнотекстовым версиям											
'foreign aid' + 'political risks' + 'foreign direct investment'	5120	587	1250	2610	673	«международная помощь» + «политические риски» + «прямые иностранные инвестиции»	5	0	1	3	1

Источник: составлено автором.

Примечание: при поиске использовались следующие лексемы:

* 'foreign direct investment' и 'FDI',

** 'foreign aid', 'foreign assistance', 'international aid', 'international assistance', 'external aid', 'external assistance'.

*** «политический риск» и «политические риски»;

**** «прямые иностранные инвестиции» и «прямые зарубежные инвестиции»,

***** «международная помощь», «иностранный вклад», «зарубежная помощь», «внешняя помощь»

Если смягчить условия и оценить общее число исследований, в которых все элементы триады присутствовали бы не в заголовке, а в полном тексте, число релевантных трудов в поисковой выдаче Google Scholar оказывается больше на несколько порядков (в тысячи или сотни раз), но только применительно к англоязычным трудам. В русскоязычном сегменте, однако, количество исследований, соответствующих заданным критериям, так и не превысило пяти (!) (табл. 1).

Это побудило отсмотреть наиболее релевантные исследования «вручную». При этом нас интересовало влияние *традиционных* инструментов международной помощи на факторы политического риска для ПИИ. Выставление такого условия позволило изначально сузить выборку. В первую очередь, был отсечён пласт исследований, посвящённых применению принципиально отличных по своей природе инструментов страхования политических рисков отдельными государствами-донорами (см.: Perry 1996; Peinhardt, Allee 2016; и др.) или «сертифицированными» КСР ОЭСР международными организациями, в частности, Международной финансовой корпорацией (Gamso, Nelson 2019) и Многосторонним агентством по инвестиционным гарантиям (Gamso, Dimitrova 2023).

Кроме того, был вынесен за скобки достаточно широкий пласт исследований (в том числе широко цитируемых), в которых фактор политического риска не являлся объектом исследования, а выступал лишь в качестве *контролируемой* переменной (control variable) при оценке влияния помощи на объёмы прямых иностранных инвестиций (Harm, Lutz 2006; Selaya, Sunesen 2012; Donabauer, Herzer, Nunnenkamp 2014; и др.)

В итоге в подборку англоязычных исследований, которые затрагивают интересующую нас связь, мы включили почти два десятка работ (включая две неопубликованные рукописи). Отметим также, что, к большому сожалению, в отечественной литературе даже после смягчения условий поиска достаточного числа релевантных исследований для сопоставительного анализа двух сегментов обнаружено не было. Результаты классификации отобранных работ и их анализ по формальным признакам и характерным особенностям методологии представлены во втором разделе.

Сопоставление релевантных работ по формальным признакам и характерным особенностям методологии

Отобранный нами комплекс трудов неоднороден. В общей сложности выборку можно разделить на три небольшие подгруппы (табл. 2).

Таблица 2. Классификация отобранных научных статей и их библиометрические показатели (по состоянию на август 2023 г.)

Table 2. Classification and bibliometric parameters of selected research papers (August 2023)

№ п/п	Вид изучаемого политического риска	Краткое обозначение статьи (в Гарвардском формате цитирования)	Кол-во цитирований по Google Scholar	Наличие цитирований других статей из выборки
Подгруппа 1: Научные статьи общетеоретического плана и эконометрические исследования с широким географическим охватом, посвящённые влиянию помощи на факторы политического риска				
1	Экспроприация	Asiedu and Villamil 2002	28	-
2		Asiedu, Jin and Nandwa 2009	215	1 ¹⁰
3		Biglaiser, Lee and Staats 2016	19	2
4		Jin and Zeng 2017	5	1,2
5		Jensen et al. 2020	18	3
6	Терроризм	Bandyopadhyay, Sandler and Younas 2014	274	1,2
7		Lee 2017	39	2,6,11
8		Efobi, Asongu and Beecroft 2018	7	2,6,7
9	Коррупция	Bahoo et al. 2023	0	2,11,18
Подгруппа 2: Научные статьи, посвящённые влиянию иностранной помощи на уровень оцениваемого зарубежными инвесторами политического риска				
10	Легально-правительственные риски (исходя из контекста)	Kimura and Todo 2010	277	-
11		Garriga and Phillips 2014	106	1,2
12	Национализация/Экспроприация	Jensen and Behmer 2018	1	2,
13	Все виды риска	Blanton and Machain 2022	0	5,7,11
Подгруппа 3: Научные статьи, исследующие потоки помощи и ПИИ из КНР				
14	Легально-правительственные риски (исходя из контекста)	O'Neill 2011	2	-
15		Lu, Huang and Muchiri 2017	16	2
16		Lu, Li and Wu 2018	36	1,2,11
17		Wang et al. 2022	1	2,4,15
18		Fon and Alon 2022	3	15

Источник: составлено автором.

В первую подгруппу мы определили девять статей, авторы которых стараются оценить влияние помощи на факторы политического риска. Все без исключения принадлежащие к ней работы фокусируются на *отдельных* факторах политического риска различного происхождения¹¹ – экспроприации, терроризме, коррупции.

Вторую группу формируют несколько весьма широко цитируемых исследований, в которых речь идёт о влиянии официальной международной помощи (за одним исключением (Blanton, Machain 2022) – невоенной) на уровень *оцениваемого (воспринимаемого)* инвесторами риска.

¹⁰ Номер в этой колонке соответствует номеру, под которым данная работа значится в таблице 2.

¹¹ Риски легально-правительственного характера представляют собой ограничительные решения, принимаемые государственными структурами. Риски же экстра-легального характера генерируются преимущественно негосударственными акторами и связаны, так или иначе, с выплеском имеющегося в обществе конфликтного потенциала в той или иной форме.

Самостоятельную, третью подгруппу образуют исследования, посвящённые рассмотрению заявленной проблемы на примере Китайской Народной Республики. Опыт Китая как крупнейшего незападного государства-донора из-за целого ряда факторов – как политических, так и чисто научных (специфичность политики содействия развитию, отсутствие сопоставимых с другими донорами статистических данных и т.п.) – исследуется преимущественно обособленно – как китайскими, так и западными учёными. В работах этой подгруппы нет заявленного фокуса на конкретных видах политического риска, но при внимательном прочтении оказывается, что преимущественно речь идёт о риске экспроприации активов китайских инвесторов.

Сопоставительный анализ отобранных исследований с использованием ряда формальных параметров (табл. 1) позволяет сделать ряд важных наблюдений:

1. В динамике прослеживается рост интереса исследователей к заявленной проблематике. Если в 2000-е гг. было опубликовано только две релевантные статьи (при этом с одним и тем же учёным в составе авторского коллектива – Э. Асиеду из Университета Канзаса (США) (Asiedu, Villamil 2002; Asiedu, Jin, Nandwa 2009)), то в 2010-е гг. происходит заметное расширение библиографического комплекса. Большая часть отобранных трудов вышла в свет после 2015 г. С нашей точки зрения, в этом можно увидеть косвенное следствие закрепления в международном политическом дискурсе идеи использования официального финансирования развития (далее – ОФР) для мобилизации ресурсов частного бизнеса (в том числе и посредством митигации политических рисков) после утверждения Целей устойчивого развития (ЦУР) и Аддис-Абебской программы действий в 2015 г.

2. Первопроходцами в разработке заявленной проблематики выступили учёные, аффилированные с образовательными и научными учреждениями западных стран (в первую очередь, США). Однако в целом в библиографическом массиве преобладают работы учёных, работающих в странах Глобального Юга – центрах Азиатско-Тихоокеанского региона (в первую очередь, КНР), Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки. В случае с китайскими авторами это можно рассматривать одновременно и как ещё одно проявление динамичного развития политэкономических исследований в стране, и как следствие актуализации вопросов защиты растущих китайских инвестиций за рубежом – в том числе и посредством применения инструментов ОФР. Интерес со стороны африканских учёных, в свою очередь, объясняется не только традиционной значимостью привлечения внешнего финансирования в реалиях Африки, но и заметным повышением уровня конкретного политического риска экстра-легального происхождения в странах континента – угрозы терроризма, которое легко отслеживается, например, по «Глобальному индексу терроризма», состав-

ляемому Институтом экономики и мира¹². Наблюдаемое же в последние годы возрождение интереса к заявленной проблематике со стороны исследователей, аффилированных с учреждениями США, Великобритании, стран ЕС, в свою очередь, можно воспринимать как своего рода обратную реакцию на появление большого числа работ китайских учёных, продвигающих вполне определённое понимание характера взаимодействия КНР с развивающимися странами (см. последний раздел).

3. Раньше всего учёные стали исследовать влияние международной помощи на риск экспроприации. Этой же теме принадлежит первенство и по числу публикаций. Большое внимание уделяется также терроризму. Это можно объяснить не только непреходящей важностью данной проблемы для множества развивающихся стран мира, но и влиятельностью первопроходческой статьи С. Бандиопадхиаи, Т. Сэндлера и Дж. Юнаса (Bandyopadhyay, Sandler, Younas 2014), которые сформировали набор данных, впоследствии использовавшийся большим числом исследователей.

4. Среди авторов отобранных трудов есть по крайней мере шесть исследователей (Э. Асиеду, Н. Йенсен, И. Алон, Чжэн Цзинь, Ли Цзяи, Лу Вэньчжэнь, Хуан Сюэли), которые разрабатывали интересующую нас тему больше, чем в одной статье. В то же время анализ институциональной аффилиации авторов отобранных трудов указывает на отсутствие явных «центров превосходства», специализирующихся на данной проблематике.

5. 18 из отобранных нами статей опубликованы в 16 (!) разных журналах. Журнал *Review of International Organizations* можно считать сложившейся площадкой только применительно к одному аспекту заявленной проблематики, а именно к оценке влияния помощи от Бреттон-Вудских институтов на риски экспроприации активов зарубежных инвесторов. Что касается второго журнала, дважды фигурирующего в подборке, – *Thunderbird International Business Review*, издаваемого Школой глобального менеджмента при Университете штата Аризона, пока есть сомнения в том, что наиболее активная научная дискуссия по интересующим нас вопросам развернётся именно на его страницах (две опубликованные в нём статьи имеют общего автора – И. Алону (Fon, Alon 2022; Bahoo et al., 2023)).

6. Самой показательной характеристикой отобранных нами исследований является множество примеров цитирования авторами, интересующимися одним типом политического риска, работ коллег, которые посвящены рискам другого типа (табл. 1.) С нашей точки зрения, это доказывает, что отобранные научные труды всё же образуют некий отдельный пласт. В то же время в силу специфичности рассматриваемой триады авторы отобранных работ вступают

¹² Global Terrorism Index (GTI). *Institute for Economics and Peace*. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (accessed 25.08.2023)

в заочный диалог друг с другом реже, чем с учёными, которые изучают тот или иной её элемент отдельно или же, например, диадные связи. Это, с нашей точки зрения, говорит о том, что соответствующий исследовательский кластер ещё находится в стадии формирования. Данный вывод подтверждается и результатами сопоставления методологических и содержательных параметров отобранных работ.

В первую очередь, крайне важно было отделить сугубо теоретические исследования, а конкретно-эмпирические – в свою очередь, разделить на труды, применяющие качественные и количественные (эконометрические) методы. Чисто теоретических исследований оказалось крайне мало (Asiedu, Villamil 2002; Jin, Zeng 2017), причём обе работы посвящены одному и тому же политическому риску легально-правительственного происхождения – экспроприации. Большая часть эконометрических исследований традиционно содержит одновременно и описание конструируемых авторами моделей, и верификацию априорных гипотез с использованием того или иного набора статистических данных. В нашей подборке оказалось лишь две работы, авторы которых решили не использовать эконометрические методы и сосредоточились на анализе отдельных кейсов (O'Neill 2011) и обработке мнений экспертов (Jensen, Behmer 2018).

Дополнительно мы сравнили используемые при осуществлении регрессионного анализа переменные и массивы статистических данных (с точки зрения широты временного диапазона, а также географического охвата провайдеров и реципиентов помощи). Результаты сопоставления представлены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3. Результаты сопоставления методологических особенностей отобранных теоретических работ и прикладных исследований с широким географическим охватом

Table 3. Theoretical and applied multi-country research: a methodological comparison

№ п/п	Краткое обозначение статьи ¹³	Временной диапазон выборки	Набор реципиентов международной помощи	Набор провайдеров помощи	Виды международной помощи*	Зависимая переменная
1	Asiedu and Villamil 2002	Верификация априорных гипотез с использованием статистических данных не производится			льготные кредиты, техническая помощь, многосторонняя помощь	запас капитала
2	Asiedu, Jin and Nandwa 2009	1983–2004	35 стран с низким уровнем дохода, 28 стран Африки южнее Сахары	не указано ¹⁴	вся помощь, двусторонняя помощь, многосторонняя помощь (% от ВВП)	нетто-приток ПИИ (% от ВВП)
3	Biglaiser, Lee and Staats 2016	1961–2006	75 развивающихся стран	МВФ	кредиты МВФ	число случаев экспроприации за год

¹³ В Гарвардском формате цитирования.

¹⁴ Можно предположить, что используются данные по всем «традиционным» донорам – членам КСР ОЭСР.

№ п/п	Краткое обозначение статьи ¹³	Временной диапазон выборки	Набор реципиентов международной помощи	Набор провайдеров помощи	Виды международной помощи*	Зависимая переменная
4	Jin, Yi and Zeng, Zhixiong 2017	<i>Верификация априорных гипотез использованием статистических данных не производится</i>			вся помощь	нетто-приток ПИИ
5	Jensen et al. 2020	1961–2010	80 развивающихся стран	МВФ Всемирный банк	кредиты МВФ, кредиты МБРР и МАР	число случаев экспроприации за год
6	Bandyopadhyay, Sandler and Younas 2014	1984–2008	78 стран ¹⁵	не указано ¹⁶	вся помощь, двусторонняя помощь, многосторонняя помощь (% от ВВП)	нетто-приток ПИИ (% от ВВП)
7	Lee 2017	1987–2007	114 стран	США все доноры, отчитывающиеся перед ОЭСР ¹⁷	помощь в борьбе с терроризмом ¹⁸ , «конфликто-ориентированная помощь» ¹⁹	нетто-приток ПИИ + нетто-приток ПИИ (% от ВВП)
8	Efobi, Asongu and Beecroft 2018	1984–2008	78 стран ²⁰		вся помощь, двусторонняя помощь, многосторонняя помощь (логарифмы)	нетто-приток ПИИ (% от ВВП)
9	Bahoo et al. 2023	2001–2018	34 стран Африки	18 европейских–стран членов ОЭСР	двусторонняя помощь	нетто-приток ПИИ (% от ВВП)
10	Kimura and Todo 2010	1990–2002	98 стран-реципиентов	Топ-5 доноров: США, Япония, Великобритания Германия Франция	двусторонняя помощь «инфраструктурная» помощь «не-инфраструктурная помощь»	нетто-приток ПИИ (натуральный логарифм)
11	Garriga and Phillips 2014	1973–2008	все развивающиеся страны пост-конфликтные развивающиеся страны	США страны-доноры помимо США	нетто-ОПР (% от ВВП)	нетто-приток ПИИ (% от ВВП)
12	Jensen and Behmer 2018	Не применимо				
13	Blanton and Machain 2022	1985–2017	180 стран	США	военная помощь (% от ВВП)	Нетто-приток ПИИ (% от ВВП)

Источник: составлено автором.

Примечание: *Во всех эконометрических исследованиях используются данные по фактически предоставленной помощи (disbursements).

¹⁵ В это число входят преимущественно развивающиеся страны, по которым доступны данные о получаемой внешней помощи и контролируемым переменным. Афганистан, Ирак и Палестинские территории исключены авторами статьи по причине слишком большого числа террористических атак и фрагментарности конфликтов.

¹⁶ Можно предположить, что используются данные по всем «традиционным» донорам – членам КСР ОЭСР.

¹⁷ Широкая выборка доноров используется при проведении оценки робастности модели.

¹⁸ Ли Цзя оперирует категорией 'counterterrorism aid', используя данные об ассигнованиях, выделенных Конгрессом США по статье «Противодействие нераспространению оружия массового поражения, борьба с терроризмом, разминирование и связанные программы» (Nonproliferation, Anti-terrorism, Demining, and Related Programs, NADR). Значительная часть такой помощи не соответствует критериям ОПР.

¹⁹ Анализируемая группа целевых направлений ОПР, отражённых в базе «Система отчётности кредиторов» ОЭСР (Creditor Reporting System, CRS), объединяет все направления помощи, так или иначе связанные с конфликтами – администрирование и реформирование сектора безопасности, предотвращение и урегулирование конфликтов, разминирование, реинтеграция бывших комбатантов, контроль над оборотом стрелкового оружия и легких вооружений.

²⁰ Выборка аналогична той, что используется С. Бандиопадхиаи и его соавторами.

Таблица 4. Результаты сопоставления методологических особенностей отобранных исследований, посвящённых анализу опыта КНР

Table 4. Selected research papers with a focus on China: a methodological comparison

№п/п	Краткое обозначение статьи ²¹	Временной диапазон выборки	Набор реципиентов международной помощи	Изучаемые виды помощи ²²	Зависимая переменная
1	O'Neill 2011	<i>не применяются эконометрические методы</i>			
2	Lu, Huang and Muchiri 2017	2002–2012	50 стран Африки Отдельно: африканские страны, богатые природными ресурсами	потоки помощи, соответствующие критериям ОПР прочие официальные потоки	ПИИ из КНР (натуральный логарифм)
3	Lu et al. 2017	2000–2014	53 страны Африки	двусторонняя помощь прочие официальные потоки (натуральные логарифмы)	фиктивная переменная (создание совместного предприятия(1)/сохранение инвестором полного контроля (0))
4	Wang et al. 2022	2000–2019	124 страны	агрегированная помощь со стороны КНР (данные AidData) помощь со стороны США, Японии, стран ЕС (данные ОЭСР)	ПИИ, осуществляемые китайскими компаниями
5	Fon and Alon 2022	2003–2014	21 страна Африки	помощь, соответствующая критериям ОПР помощь, не соответствующая критериям ОПР по степени льготности	ПИИ, осуществляемые китайскими государственными компаниями

Источник: составлено автором.

Даже при первом взгляде на обе таблицы привлекает внимание повышенное внимание исследователей к африканскому континенту. Функциональные же группы стран-реципиентов – по уровню доходов, степени «хрупкости» и затронутости вооружённым конфликтом или обладанию природными ресурсами – оказываются в фокусе внимания в исключительных случаях.

Массив наиболее релевантных исследований по заявленной проблематике характеризуется полным отсутствием работ, которые бы рассматривали все типы политического риска применительно ко всем группам доноров/стран происхождения и реципиентов помощи и ПИИ. Вместе с тем в текстах ряда статей из нашей подборки при внимательном прочтении можно обнаружить фрагменты, где авторы предпринимают попытку выйти на самый высокий уровень обобщения в изучении интересующей нас темы, и которые, по нашему мнению, заслуживают рассмотрения в первую очередь.

²¹ В Гарвардском формате цитирования.

²² Во всех статьях из табл. 4, кроме первой, для анализа данных по китайской помощи использовалась доступная на момент их выхода в свет версия набора данных, сформированного исследовательской лабораторией Aid Data в американском Колледже Вильгельма и Марии: *AidData's Global Chinese Development Finance Dataset*. <https://www.aiddata.org/data/aiddatas-global-chinese-development-finance-dataset-version-2-0> (accessed 25.10.2023).

Концептуализация механизмов митигирующего воздействия международной помощи

Импульс к осмыслению общей логики влияния международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций задали японские авторы – Х. Кимура из Министерства финансов Японии и Я. Тодо из Исследовательского института экономики, торговли и финансов Токийского университета. В своей широко цитируемой статье 2010 г. (Kimura, Todo 2010)²³ они осмыслили «проходческий» эффект помощи (*'vanguard effect'*) для ПИИ и объясняли его тремя факторами: 1) получением эксклюзивной информации о бизнес-климате в стране-реципиенте компаниями из страны-донора; 2) *снижением субъективного уровня риска, оцениваемого компаниями страны-донора* (курсив автора); 3) трансфером определённых практик, правил и институтов, характерных для страны-донора в страну-реципиент (Kimura, Todo 2010: 483). Главная идея Х. Кимура и Я. Тодо состояла в том, что позитивное воздействие международной помощи оказывает на потоки ПИИ из той страны-донора, которая её предоставляет, но не на ПИИ из других стран.

При этом учёные подчёркивали, что значимость указанных выше трёх эффектов будет отличаться в зависимости от того, идёт ли речь об «инфраструктурной» помощи (вложениях в экономическую и социальную инфраструктуру, включая здравоохранение и образование) или «не-инфраструктурной» (прямой поддержке бюджета и облегчении задолженности). С точки зрения Х. Кимура и Я. Тодо, оба типа помощи должны выполнять функцию «псевдогосударственной гарантии» и *сигнализировать* (курсив автора) об экономической и политической значимости страны, принимающей инвестиции, для донора. При этом «информационный эффект» (получение более точной информации о ситуации в принимающей стране и снижение тем самым уровня неопределённости), по их мнению, более выражен в случае с «инфраструктурной помощью». Что касается трансфера бизнес-практик донора, то лучше всего ему, по мнению японских учёных, будет содействовать оказание технической помощи (Kimura, Todo 2010: 484).

Взяв за основу предложенную Х. Кимура и Я. Тодо классификацию, коллектив китайских исследователей (Ван Хайцзюнь (Пекинский университет Вузи); Ян Ху; Ли Фэнъя; Чжан Минь (все – Центральный университет финансов и экономики в Пекине) спустя десятилетие предложил ещё более общую модель

²³ Данная статья представляет собой существенно переработанную версию более ранней публикации с тем же названием, вышедшей в свет в качестве доклада Исследовательского института экономики, торговли и финансов. На тот момент Я. Тодо ещё не был госслужащим и работал в Университете Аояма Гакуин в Токио (Kimura and Todo 2007).

митигирующего воздействия внешней помощи, которое распространяется на все виды страновых рисков для иностранных инвесторов, в том числе и политические риски.

По их мнению, такого рода эффект имеет пять основных измерений, отличающихся логикой причинно-следственных связей:

1) «компенсационный эффект» – иностранная помощь частично компенсирует потери страны-реципиента за допуск иностранных инвесторов на её внутренний рынок;

2) «синергетический эффект» – экономическая помощь (особенно, в развитии инфраструктуры) привлекает инвестиции и улучшает бизнес-климат в стране-реципиенте;

3) «проходческий эффект» – внешняя помощь способствует установлению связей с принимающей страной, создавая условия для прихода зарубежных инвестиций;

4) «ассимиляционный эффект» – помощь по правительственной или неправительственной линии может прямо или косвенно влиять на политику страны-реципиента, побуждая к принятию решений, более благоприятствующих деятельности компании из страны-донора;

5) «редистрибутивный эффект» – внешняя помощь обеспечивает постоянный приток средств в принимающую страну, которые могут быть распределены правительством страны-реципиента среди населения, в то время как размер налогов, которые могут поступить в казну с предприятий, построенных с помощью зарубежных инвестиций, очень сильно зависит от того, насколько успешной будет их деятельность (Wang et al. 2022: 254–255).

По мнению Ван Хайцзюнь и её соавторов, последние два эффекта оказывают прямое воздействие на политические риски, а третий – на экономические и политические риски одновременно.

При этом, с точки зрения упомянутых китайских учёных, митигирующий эффект внешней помощи имеет амбивалентный характер. С одной стороны, любая иностранная помощь снижает страновые риски. С другой стороны – поддержка, оказываемая одной страной, препятствует увеличению потоков ПИИ из других источников, поскольку оказание помощи осуществляется из эгоистических соображений (Wang et al. 2022: 252).

Наконец, по мнению авторов статьи, коммерчески ориентированная помощь лучше способствует притоку ПИИ, нежели помощь, ориентированная на развитие. Кроме того, в сравнении с поставками товаров и гуманитарной помощью, техническая и финансовая помощь играет более заметную роль в укреплении потенциала и качества управления (Wang et al. 2022: 253).

Проблему вариативности митигирующего воздействия международной помощи на политические риски любого типа пытались осмыслить в концептуальном плане А.К. Гаррига и Б. Дж. Филлипс из Центра экономических исследований и обучения в Мехико (Garriga, Phillips 2014). Однако авторы решили

ограничиться его рассмотрением применительно только к одной категории реципиентов – постконфликтным государствам, которые, как известно, характеризуются высоким риском возобновления конфликта, особенно в первые годы после завершения его активной фазы. Авторы видят уникальность постконфликтных стран в дефиците надёжной информации о происходящем (Garriga, Phillips 2014: 297), которая в их понимании может объясняться в том числе и стремлением правительств данных стран сознательно искажать сведения. В условиях неопределённости, по мнению авторов статьи, инвесторы обращают внимание, главным образом, на *сигналы* (курсив автора). Одним из таких сигналов может выступать как раз оказание принимающей стране помощи развитию – поскольку доноры в целом предоставляют более существенные средства тем странам, которым они больше доверяют (Garriga, Phillips 2014: 284).

Проверка данной гипотезы на эмпирическом материале, осуществленная А.К. Гаррига и Б.Дж. Филлипсом, показала, что потоки ПИИ в постконфликтные страны подчиняются иной логике, нежели потоки, направляемые в развивающиеся страны в целом. При этом помощь развитию со стороны США воздействует на потоки ПИИ совершенно иначе, чем помощь от других доноров. В случае с любыми другими провайдерами внешняя помощь играет роль позитивного сигнала для инвесторов, причём эффект наступает практически мгновенно – ещё до того, как помощь достигает заявленных целей. В случае же с США оказываемая ими помощь, наоборот, играет роль предостережения, поскольку преимущественно обусловлена не экономическими или деvelopeменталистскими соображениями, а геостратегическими (Garriga, Phillips 2014: 297–298).

Это позволяет авторам прийти к двум главным выводам. Во-первых, роль внешней помощи как позитивного сигнала для инвесторов определяется характером помощи – а именно тем, в какой степени оказание поддержки определяется политическими мотивами. Во-вторых, эта роль уменьшается по прошествии времени с момента завершения активной фазы вооружённого конфликта. По мнению А.К. Гаррига и Б.Дж. Филлипса, это доказывает, что «сигнальный» эффект помощи для иностранных инвестиций ограничивается контекстами, которые характеризуются дефицитом точной информации о происходящем «на земле» (Garriga, Phillips 2014: 280).

Особняком стоит статья профессора Университета Техаса в Остине Н. Йенсена и его аспиранта Т. Бемера (Jensen, Behmer 2018). Она посвящена проблеме влияния политических институтов и характера межгосударственных отношений на восприятие политических рисков иностранными инвесторами и является единственным исследованием в нашей подборке, выполненным с применением метода сбора экспертных оценок. Взяв за основу расхожую гипотезу о том, что двусторонняя помощь, оказываемая страной происхождения инвестиций принимающей стране, снижает риск национализации или экспроприации зарубежных активов её компаний, они решили проверить отношение к ней профессионалов-практиков. Для этого был сформирован экспертный пул

из нескольких сот представителей государственных и коммерческих структур, занимающихся страхованием политических рисков (СПР), которым были разосланы анкеты, содержавшие, среди прочего, и вопрос об их отношении к этой гипотезе. Собрав порядка 75 анкет, авторы также провели более 10 глубинных интервью (по телефону и электронной почте). Эксперты по СПР продемонстрировали убежденность в наличии у внешней помощи митигирующего эффекта применительно к инвесторам из страны-донора. По итогам обработки анкет оказалось, что фактор зависимости страны-реципиента от помощи из страны происхождения инвестиций повышает вероятность (на 6,8%) того, что практики при принятии решений сочтут осуществление капиталовложений в неё менее рискованным (Jensen, Behmer 2018: 12). Этот показатель, однако, почти втрое меньше, чем в случае с фактором наличия двустороннего инвестиционного соглашения между принимающей страной и страной происхождения инвестиций (+21,4%).

Важно и другое: сразу в нескольких глубинных интервью эксперты отметили, что воспринимают зависимость принимающей страны от внешней помощи, скорее, как признак её «хрупкости». На этой основе авторы статьи делают вывод о необходимости критического отношения к результатам, полученным в ходе эконометрических исследований, которые могут попросту не учитывать амбивалентный характер влияния зависимости от помощи на риск экспроприации (Jensen, Behmer 2018: 14–15).

Последней в этом ряду заслуживает упоминания статья американских учёных Ш.Л. Блантон из Университета Алабамы в Бирмингеме и К. Мартинез Машен из Университета штата Нью-Йорк в Баффало (Blanton, Machain 2022). В отличие от всех других публикаций в подборке она посвящена оценке митигирующего воздействия американской военной помощи на потоки ПИИ из США через изменение оцениваемого уровня риска и его сопоставлению с эффектом от использования инструментов СПР.

Используя данные в общей сложности по 180 странам-реципиентам, они обнаружили позитивную корреляцию между получением страной военной помощи от США и объёмами капиталовложений со стороны американских частных инвесторов. Авторы объясняют это тем, что военная помощь может содействовать улучшению экономической и социальной инфраструктуры в стране-реципиенте, укреплять её институциональный потенциал и улучшать обстановку в сфере безопасности и бизнес-климат (Blanton, Machain 2022: 113–114). Полученные результаты, отчасти противоречащие выводам К. Гаррига и Б.Дж. Филиппса, позволяют Ш.Л. Блантон и К.М. Машен констатировать наличие и у военной помощи «сигнального» эффекта, который проявляет себя, главным образом, в тех странах, куда инвесторы уже вошли, влияя на их решение наращивать объёмы своих капиталовложений. При этом этот сигнальный эффект гораздо более заметен в тех странах, где американские инвесторы получали содействие от Корпорации частных зарубежных инвестиций в виде СПР (Blanton, Machain 2022: 113–114).

Хотя Ш.Л. Блантон и К.М. Машен исследовали только опыт США, есть все основания предполагать, что выявленные ими закономерности могут иметь место и применительно к другим провайдерам помощи/странам происхождения ПИИ. «Сигнальный эффект» военной помощи – наряду с эффектом, производимым применением властями стран происхождения инструментов СПР (равно как и других инструментов мобилизации ресурсов частного сектора) – существенно усложняет задачу достоверного установления влияния «классической» международной помощи на ПИИ.

Изложенные в этом разделе тезисы авторов, безусловно, представляют наибольший интерес в плане концептуального осмысления рассматриваемой нами связки. Однако следует признать, что внимание учёных к обобщениям такого уровня несопоставимо с их интересом к анализу воздействия международной помощи на отдельные типы политических рисков – экспроприацию, терроризм, коррупцию. Оценка научной разработанности каждого такого «ответвления» интересующей нас «связки» представлена ниже.

Оценки влияния различных видов международной помощи на отдельные типы политических рисков

Влияние помощи на риск экспроприации. Эмпирически влияние такого рода обнаружил в 1980 г. американский учёный Д. Йодиче. Проведённый им анализ показал, что повышение степени зависимости от американской помощи снижало риск экспроприации властями стран-реципиентов активов инвесторов из США, поскольку заставляло власти опасаться прописанного в американском законодательстве в 1962–1973 гг. автоматического прекращения данной помощи в ответ на такие действия (Jodice 1980).

Однако в подлинно системном плане к проработке данного аспекта подошли американские исследователи Э. Асиеду (Университет Канзаса) и А. Вилламил (Университет Иллинойса в Урбане-Шампейне). Определяют они экспроприацию специфически – как нарушение любых условий инвестиционных соглашений (дефолт правительства принимающей страны по соглашениям с зарубежными инвесторами или гарантиям, мешающим резидентам выполнить обязательства перед зарубежными кредиторами) (Asiedu, Villamil 2002: 490). Рассматривая лишь два вида помощи – техническую помощь и льготные кредиты – они пришли к двум основным выводам: 1) международная помощь снижает риск дефолта, способствует притоку капитала в страну-реципиент и в принципе может восстановить уровень инвестиций до оптимального уровня; 2) при высоком риске дефолта помощь может способствовать росту благосостояния и страны-донора, и страны-реципиента. Это позволяет авторам признать международную помощь «скрытым трансграничным механизмом информента» и сформулировать, как они сами его называют, «неальтруистическое» обоснование необходимости её предоставлять (Asiedu, Villamil 2002: 476).

При этом авторы демонстрируют убеждённости в большей эффективности многосторонней помощи по сравнению с двусторонней, а также технической помощи по сравнению со льготными кредитами – ввиду её безвозмездного характера и прямого воздействия на уровень производительности труда в принимающей стране (Asiedu, Villamil 2002: 489).

Развивая данную тему, в 2008 г. Э. Асиеду вместе с двумя другими соавторами Цзинь И (Университет Монаш, Австралия) и Б. Нандва (Йельский университет, США) опубликовала ещё одну статью, где была представлена и апробирована любопытная модель взаимовлияния прямых иностранных инвестиций, политического риска и международной помощи (Asiedu, Jin, Nandwa 2009). В её основу был положен тезис о том, что принимающая страна теряет доступ и к ПИИ, и к ресурсам помощи в случае экспроприации её властями активов иностранных инвесторов (Asiedu, Jin, Nandwa 2009: 269). Авторы утверждают, что при определённых условиях международная помощь может смягчать негативное воздействие риска экспроприации на объёмы ПИИ (Asiedu, Jin, Nandwa 2009: 269).

Доказательства такого митигирующего воздействия внешней помощи были найдены авторами в данных по реципиентам с низким уровнем дохода и отдельно по африканским странам за период с 1983 по 2004 гг. с использованием индекса International Country Risk Guide (ICRG), составляемого Political Risk Services (PRS) Group. Проведённый ими регрессионный анализ позволил прийти к выводу, что двусторонняя и многосторонняя помощь обладают сопоставимым митигирующим эффектом (Asiedu, Jin, Nandwa 2009: 269). При этом авторы подчёркивают, что для полного устранения риска экспроприации потребуются запредельно большие объёмы помощи (Asiedu, Jin, Nandwa 2009: 274). Будучи убеждёнными в необходимости увеличения помощи странам с высоким уровнем риска для осуществления капиталовложений, они подчёркивают, что даже при получении внешней помощи правительствам стран-реципиентов всё равно требуется принимать меры по снижению рисков для притока ПИИ, в первую очередь, укреплять верховенство закона (Asiedu, Jin, Nandwa 2009: 275).

Вектор научного поиска, намеченный Э. Асиеду, закрепили китайские учёные: её соавтор Цзинь И (к тому моменту имевший аффилиацию уже с Юго-Западным университетом финансов и экономики в Чэнду) и Цзэн Чжисюн (Чжуннаньский университет экономики и права, Китай). Они представили своё понимание взаимовлияния между внешней помощью и риском экспроприации для ПИИ в русле позитивной экономической теории (Jin, Zeng 2017). Развивая ту же идею о том, что в случае экспроприации реципиент рискует утратить доступ и к внешней помощи, и к инвестициям, авторы из КНР рассматривают внешнюю помощь в качестве альтернативы заключению двусторонних инвестиционных соглашений, основанной на стимулах, и как инструмент защиты инвестиций (Jin, Zeng 2017: 140).

Ключевой особенностью их подхода является фокус на роли институтов принимающей страны в укоренении принципов защиты иностранных инвестиций от экспроприации в национальном законодательстве (*'commitment technology'*) (Jin, Zeng 2017: 140). Авторы исходят из того, что в достаточно бедных странах с высоким риском экспроприации помощь может играть митигирующую роль, но куда эффективнее стимулировать принимающую страну к проведению реформ и устранению таким образом риска экспроприации раз и навсегда. Впрочем, по мнению китайских учёных, может возникнуть патовая ситуация, когда ни принимающая страна добровольно не захочет брать на себя обязательство не осуществлять экспроприацию, ни страна-донор не будет побуждать принимающую страну к проведению институциональных реформ посредством оказания помощи. В этом случае риск экспроприации сохранится (Jin, Zeng 2017: 140–141).

Отдельного внимания заслуживают работы, посвящённые анализу влияния помощи развивающимся странам со стороны Бреттон-Вудских институтов – МВФ и структур Группы Всемирного банка. Первым на эту тему вышел коллектив во главе с Н. Йенсеном из Университета Техаса, представив проект статьи, посвящённой МВФ, ещё в 2014 г. (Jensen et al. 2014). Её выход в свет занял в общей сложности более пяти лет, и за это время свои изыскания на аналогичную тему успел опубликовать другой научный коллектив из Университета Северного Техаса во главе с Г. Биглейзером (Biglaiser, Lee, Staats 2016).

Используя данные по экспроприациям за 1961–2006 гг. и соглашениям принимающих инвестиции стран с МВФ, они обнаружили, что страны, получающие займы (главным образом, льготные) по этим соглашениям, реже идут на национализацию собственности иностранных компаний. Это авторы объясняют наличием у МВФ «кнута» в виде наложения серьёзных санкций на заёмщиков, которые позволяют ему препятствовать грубым нарушениям прав собственности (Biglaiser, Lee, Staats, 2016: 8). Выявленная указанными авторами закономерность становится ещё более выраженной в странах с высокой степенью зависимости от внешних заимствований (измеряемой как доля займа МВФ в её ВВП) и в странах с более слабыми политическими институтами.

Н. Йенсену и его коллегам, изначально планировавшим также ограничиться исследованием «связки» на примере МВФ, пришлось модифицировать своё исследование и включать в него ещё одну пару переменных – объём льготных кредитов, предоставляемых Всемирным банком, и случаи вмешательства Многостороннего агентства по инвестиционным гарантиям в урегулирование намечающегося конфликта между властями принимающей страны и зарубежных инвесторов (*cases of 'pre-claims'*) (Jensen et al. 2020). Они обнаружили, что страны, получившие займы от любого из Бреттон-Вудских институтов, реже осуществляют экспроприацию собственности зарубежных инвесторов, особенно в моменты кризиса, когда зависимость от поступающих извне финансовых ресурсов особенно сильна. Соответственно, по их мнению, правительства стран

происхождения обладают возможностью наказывать принимающие страны за экспроприацию как посредством прекращения их двусторонней финансовой поддержки, так и посредством блокирования выдачи им новых займов МВФ и Всемирным банком, а зависимость принимающих стран от этих займов имеет «дисциплинирующий» эффект (Jensen et al. 2020: 894–895).

Работа Н. Йенсена и его коллег крайне показательна также фактом сознательного отказа авторов от использования в качестве ещё одного предиктора агрегированных объёмов международной помощи. Они обосновывают его двумя факторами – с одной стороны, «сложной природой иностранной помощи как внешнеполитического инструмента, применение которого осуществляется в соответствии со стратегическими соображениями государства-донора, а с другой – коллинеарностью – наличием линейной зависимости между помощью и другими объясняющими (контролируемыми) переменными (Jensen et al. 2020: 894–895).

Влияние помощи на риск терроризма. Обзор подгруппы исследований, посвящённых данной теме, следует начать с первопроходческой статьи сотрудника Федерального резервного банка Сент-Луиса С. Бандиопадхиаи и двух представителей академического сообщества – Т. Сэндлера (Университет Далласа, США) и Дж. Юнаса (Американский университет Шарджи, ОАЭ) (Bandyopadhyay, Sandler, Younas 2014). В ней, в частности, предлагается теоретическая модель взаимосвязи между двумя видами терроризма – внутренним и транснациональным – и потоками ПИИ. Используя данные по 78 развивающимся странам за период с 1984²⁴ по 2008 гг. авторы приходят к выводу, что оба вида терроризма негативно воздействуют на потоки ПИИ. Такое негативное воздействие статистически более выражено в случае с внутренним терроризмом – ввиду существенно большего числа зарегистрированных инцидентов, однако акт транснационального терроризма оказывает значительно более сильный эффект на потоки ПИИ (Bandyopadhyay, Sandler, Younas 2014: 48).

Внешняя помощь же, по мнению авторов, может способствовать смягчению этого эффекта, но в большей степени применительно к угрозе внутреннего терроризма. При этом двусторонняя помощь более эффективна в снижении негативного воздействия транснационального терроризма, что авторы объясняют частичной привязкой помощи к проведению контртеррористических мероприятий, тогда как многосторонняя помощь хорошо показывает себя именно в митигации риска внутреннего терроризма, поскольку содействует повышению благосостояния населения и смягчению остроты внутренних противоречий (Bandyopadhyay, Sandler, Younas 2014: 48). Впрочем, авторы указанной статьи

²⁴ Выбор нижней границы в данном случае был обусловлен тем, что с 1984 г. началось составление индекса International Country Risk Guide (ICRG), данные которого авторы используют в рамках регрессионного анализа.

признавали невозможность верифицировать предложенные ими объяснения полученных коэффициентов корреляции в отсутствие полноценных данных по помощи, увязанной с противодействием терроризму.

Тему, нацупанную С. Бандиопадхиаи и его коллегами, вскоре подхватила исследовательница из Наньянского университета (Сингапур) Ли Цзяи (Lee 2017). Отталкиваясь от тезиса, что терроризм является важным фактором, сдерживающим потоки ПИИ, она попыталась доказать, что иностранные инвесторы учитывают в своих решениях о входе в страдающие от терроризма страны ('terrorism-plagued countries') такой фактор, как способность их властей противостоять этой угрозе (Lee 2017: 181). С её точки зрения, получение той или иной страной помощи от США, нацеленной непосредственно на борьбу с терроризмом, может служить достаточно чётким признаком наличия такого потенциала. Причём не только из-за целевой направленности этой поддержки, но и из-за того, что получение такой помощи сигнализирует инвесторам о наличии тесных связей между страной-реципиентом и США и их сотрудничестве в «глобальной войне с терроризмом» (Lee 2017: 183). Ли Цзяи нашла подтверждение своим гипотезам в тех же массивах данных, что и её предшественники, и сделала вывод, что страны, получающие большие объёмы помощи на нужды борьбы с терроризмом, оказываются менее уязвимы к негативному воздействию данного политического риска на потоки ПИИ (Lee 2017: 168).

На выкладки С. Бандиопадхиаи и его коллег и сформированный ими набор данных опирались и африканские учёные У.Р. Эфоби, И. Бикрофт (оба – Университет Ковенанта, Нигерия) и С. Асонгу (Университет Кейптауна, ЮАР) (Efobi, Asogu, Beecroft 2018). Они также попытались оценить митигирующее воздействие международной помощи на связь между уровнем террористической угрозы и потоками ПИИ с введением в уравнение важного дополнительного фактора – борьбы с коррупцией. Они обнаружили, что негативное воздействие терроризма на ПИИ заметно только в странах, где власти эффективно борются с коррупцией, причём только там внешняя помощь и может оказать заметный митигирующий эффект (Efobi, Asogu, Beecroft 2018: 19). Результаты применительно к двусторонней и многосторонней помощи оказались, скорее, амбивалентными. При этом авторы обнаружили митигирующий эффект и у многосторонней помощи – в первую очередь, применительно к тем видам террористической активности, которые не могут быть однозначно классифицированы ни как внутренний, ни как транснациональный терроризм (Efobi, Asogu, Beecroft 2018: 2). Представляет интерес и факт выявления Р. Эфоби, С.А. Асогу и И. Бикрофтом отсутствия негативного воздействия терроризма на входящие потоки ПИИ в странах с высоким уровнем коррупции. Они объясняют это тем, что для инвесторов большее значение, нежели уровень террористической активности, может иметь специфика институциональной структуры в принимающей стране и «вера в способность правительства защитить интересы иностранных инвесторов и нанести поражение внутренним противникам» (Efobi, Asogu, Beecroft 2018: 19).

Влияние помощи на риск коррупции. Коррупция выступает одним из самых традиционных факторов политического риска, удерживающих иностранных инвесторов от входа в развивающиеся страны и дальнейшего наращивания объёма своих капиталовложений. Однако трудов, которые бы оценивали воздействие помощи именно на данный риск, практически нет. Единственное исключение – статья, подготовленная интернациональным коллективом авторов в составе С. Баху (Парижская школа бизнеса, Франция), И. Алона (Ариэльский университет, Израиль), Й. Флореани (Университет Удине) и М. Куккулелли (Политехнический университет Марке, Италия) (Bahoo et al. 2023). Анализируя панельные данные по оказанию двусторонней помощи европейскими государствами – членами ОЭСР 34 африканским странам за период с 2001 по 2018 гг. и потокам ПИИ, они пришли к выводу, что внешняя помощь смягчает негативный эффект коррупции для прямых иностранных инвестиций, но подлинно значимым такое митигирующее воздействие является только в демократических странах (Bahoo et al. 2023: 461).

Отметим: о каком бы конкретном политическом риске ни шла речь, зарубежные авторы, выбирая путь верификации выдвигаемых ими априорных гипотез на эмпирическом материале, не стремятся к обеспечению инклюзивности выборки – применительно как к реципиентам, так и к провайдерам международной помощи. Ни одно из перечисленных исследований не рассматривает опыт западных доноров – даже тех, кто предоставляет отчётность по ОПР в ОЭСР. Возможно, это предопределяется фрагментарностью статистических данных, поскольку наиболее крупные и значимые провайдеры такой категории – Российская Федерация, Турция, монархии Персидского залива, начали предоставлять такие данные лишь недавно. Вместе с тем опыт КНР изучается весьма активно – пусть и обособленно – в силу обозначенных во втором разделе объективных причин, и результаты соответствующих исследований также заслуживают внимания.

Осмысление специфики опыта КНР

Одним из первых интересующую нас связку применительно к Китаю начал разрабатывать ещё в конце 2000-х гг. Д. О’Нил в ходе подготовки докторской диссертации на базе Университета имени Джорджа Вашингтона в Сент-Луисе (США) (O’Neill 2010). На основе данной диссертации, пока находящейся под эмбарго, уже в качестве доцента политологии Факультета международных исследований Тихоокеанского университета в 2011 г. он представил проект статьи (O’Neill 2011) (в полном виде так и не опубликованной), где задался вопросом: что объясняет способность китайских госкомпаний успешно инвестировать в страны с высоким уровнем политического риска? Причину Д. О’Нил увидел в специфике китайской двусторонней помощи. По его мнению, помощь КНР укрепляет способность элит принимающей страны удерживать власть и по-

буждает их воздерживаться от действий, ущемляющих права китайских компаний. В этом смысле официальная помощь КНР является «де факто страховкой» для капиталовложений китайских инвесторов в проблемные страны (O'Neill 2011: 2). Свои гипотезы Д. О'Нил подтвердил на примере деятельности китайских госкомпаний в Камбодже и Казахстане²⁵.

Несколько лет спустя англоязычный дискурс по данной теме стали пополнять и работы китайских учёных. Коллектив исследователей, аффилированных с австралийскими университетами, в составе Лу Вэньчжэнь (Университет Мельбурна), Хуан Сюэли и М. Мучири (оба – Мельбурнский королевский технологический институт) (Lu, Huang, Muchiri 2017) поставил цель оценить роль помощи КНР в митигации политических рисков для китайских ПИИ в Африку. Они опирались на предложенную директором – организатором Центра изучения формирующихся рынков Северо-Восточного университета в Бостоне Р. Рамамурти (Ramamurti 2001)²⁶ модель двухуровневых переговоров о вхождении транснациональных компаний на рынки развивающихся стран и её адаптацию к китайским реалиям, осуществленную коллективом авторов во главе с Ли Цзин²⁷.

Используя панельные данные по 50 африканским странам, получавшим китайские инвестиции в период с 2003 по 2012 г., Лу Вэньчжэнь, Хуан Сюэли и М. Мучири не выявили такого рода эффект применительно ко всем странам Африки. Другими словами, они не нашли подтверждения широко распространенному аргументу о том, что власти КНР используют помощь в переговорном процессе в целях снижения политического риска для инвестиций национальных компаний. В то же время авторы обнаружили митигирующий эффект китайской помощи при осуществлении госкомпаниями из КНР инвестиций в стратегические отрасли стран, богатых природными ресурсами (Lu, Huang, Muchiri 2017: 13).

Изобилует эта работа и выводами «нормативного» плана. Её авторы приходят к выводу, что при инвестировании за рубеж китайским компаниям следует полагаться не только на государственную помощь, но и применять практики управления рисками – в том числе механизмы корпоративной социальной от-

²⁵ Более подробно пример с Казахстаном был отдельно разобран Д. О'Нилом в статье, вышедшей в свет в журнале 'Journal of Eurasian Studies' в 2014 г. (O'Neill 2014).

²⁶ В рамках модели Р. Рамамурти правительство страны происхождения может укрепить переговорную позицию ТНК на переговорах с властями принимающей страны – в частности, посредством устранения барьеров для инвестиций и улучшении инвестиционного климата.

²⁷ По мнению Ли Цзин и её соавторов, в случае с африканскими инвестициями в богатые ресурсами государства Африки правительство КНР представляет интересы китайских ресурсодобывающих компаний на переговорах с властями принимающей страны, в ходе которых в обмен на инвестиции в добычу полезных ископаемых китайское правительство выдает займы, за счёт которых финансируются многоцелевые проекты развития в разных секторах, в первую очередь, инфраструктурные проекты. Китайские же компании выполняют обязательства, взятые китайским правительством перед властями принимающей страны (Li et al. 2013).

ветственности, управления цепочками поставок в принимающей стране и т.д. (Lu, Huang, Muchiri 2017: 13). Отдельно обращает на себя внимание и другой пассаж, заслуживающий того, чтобы быть процитированным дословно: «Мы не призываем к тому, чтобы африканские страны, богатые природными ресурсами, с высоким уровнем политического риска, сохраняли этот уровень риска, чтобы получать больше китайской помощи. Наоборот, им нужно снижать его, чтобы привлекать ПИИ в отрасли, не связанные с добычей полезных ископаемых, для снижения своей ресурсной зависимости и диверсификации экономики» (Lu, Huang, Muchiri 2017: 13). Данный вывод в нашем понимании выглядит как откровенная попытка противодействовать начавшему распространяться в западном дискурсе ещё 10–15 лет назад тезису о «разбойничьей помощи» (*'rogue aid'*)²⁸ Китая, якобы закрепляющей «ресурсное проклятье» развивающихся стран (см. например: Brautigam 2011).

Лу Вэньчжэнь и Хуан Сюэли не ограничились одной работой по рассматриваемой нами «смычке» и параллельно опубликовали ещё одну статью – с другими соавторами из КНР, – в которой использовалась чуть более широкая в географическом и временном плане выборка данных, но та же базовая логика (Lu et al. 2018). Авторы доказывали, что вероятность выбора китайскими компаниями пути создания совместных предприятий (традиционного варианта смягчения политических рисков для инвесторов) уменьшается по мере роста объёмов официальной помощи из Китая.

Идея о выходе за рамки Африканского континента при изучении митигирующего воздействия внешней помощи на инвестиции на примере КНР была реализована другим коллективом китайских исследователей (Ван Хайцзюнь; Ян Ху; Ли Фэнъя; Чжан Минь). Их статья, подготовленная с использованием выборки из 124 (!) стран, которым Китай помогал в период с 2000 по 2019 г. (Wang et al. 2022), заслуживает особого внимания, поскольку содержит выводы, касающиеся как опыта КНР, так и рассматриваемой нами треугольной связи в целом.

На основе изученных статистических данных Ван Хайцзюнь и её коллеги сделали два основных заключения. Во-первых, страновые риски, особенно политические и финансовые, оказывают негативное воздействие на зарубежные капиталовложения китайских компаний. Во-вторых, оказание официальной помощи правительством КНР способствует увеличению потоков таких инвестиций, причём этот эффект нарастает со временем (Wang et al. 2022: 252)

Наконец, следует упомянуть вышедшую совсем недавно в свет статью Р. Фона (Лондонская школа экономики и политических наук, Великобритания) и И. Алона (Университет Адгера, Норвегия) (Fon, Alon 2022), в которой предпринята попытка оценить то, как внешняя помощь со стороны КНР соотносится с

²⁸ Naim M. 2007. *Rogue Aid. Foreign Policy*. № 159. March/April. P. 95-96

качеством управления в принимающей стране и влияет на инвестиции китайских госкомпаний в Африке. Анализируя данные по капиталовложениям таких компаний за период с 2003 по 2014 гг. и разграничивая потоки, соответствующие критериям ОПР, и менее льготные формы китайского официального финансирования развития, авторы пришли к двум «контринтуитивным» выводам.

Во-первых, объёмы инвестиций китайских госкомпаний негативно коррелируют с качеством управления в принимающих странах. Во-вторых, эффект этот зависит от типа официального финансирования: традиционная помощь в целом продвигает политические интересы Китая и не настолько тесно связана с инвестиционными проектами китайских государственных компаний (Fon, Alon 2022: 183). Однако помощь и займы КНР, не соответствующие критериям ОПР, не оказывают значимого влияния на связь между качеством управления и объёмами ПИИ. В частности, готовность китайских компаний инвестировать в страны с низким качеством управления повышается по мере подкрепления инвестиций официальными потоками, не соответствующими критериям ОПР. Последние помогают им выстраивать отношения с принимающими странами и минимизировать таким образом риск экспроприации.

В целом указанные авторы видят угрозу в том, что Китай инвестирует именно в добывающие сектора и никак не побуждает реципиентов к повышению качества управления. Исходя из этого, авторы рекомендуют властям африканских стран расширять спектр привлекаемых инвестиций и создавать для этого инклюзивные демократические институты (Fon, Alon 2022: 193). Тем самым Р. Фон и И. Алон прямо оспаривают тезис, который отстаивали их коллеги из КНР – Лу Вэньчжэнь и Хуан Сюэли (Lu, Huang 2017).

Детальное ознакомление с содержанием публикаций, посвящённых КНР, указывает на зримую и весьма стремительную политизацию заявленной проблематики. На фоне обострения межгосударственного соперничества её разработка закономерно начинает получать целевое финансирование со стороны различных фондов поддержки научной деятельности общенационального или университетского уровня как в самой Поднебесной, так и в странах Запада, воспринимающих рост китайской помощи и инвестиций как явную угрозу своим интересам на Глобальном Юге.

Заключение

Проведённое исследование, объединившее традиционные для библиографических обзоров техники с методами количественного библиометрического анализа, позволяет прийти к следующим выводам.

Проблематика влияния внешней помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций на данный момент разработана в научной литературе достаточно слабо, что определённо не соответствует тому уровню внимания, которое уделяется ей в современном политическом дискурсе.

Объясняется это в том числе и выявляемым с помощью библиометрии дефицитом исследований, изучающих диадные связи между элементами изучаемой триады явлений.

Достаточное число подлинно релевантных исследований можно найти только вручную, смягчая условия отбора. Невооружённым глазом заметно отсутствие учреждений, которые разрабатывают данную проблематику на постоянной основе, равно как и журналов, которые бы уделяли ей особое внимание и рассматривались бы в академическом сообществе как «профильные» по этой теме.

Однако важнее то, что обзор литературы указывает на весьма существенные содержательные ограничения имеющегося массива исследований.

Во-первых, бросается в глаза почти полное отсутствие релевантных трудов, охватывающих весь спектр политических рисков для бизнеса, – как экстра-легального, так и легально-правительственного происхождения. Особенно странным выглядит отсутствие работ, посвящённых роли международной помощи в митигации рисков, связанных с протестной активностью, государственными переворотами, вооружёнными конфликтами и т.д.

Во-вторых, авторы лишь в исключительных случаях разграничивают митигирующий эффект грантов и кредитов и помощи с разным целевым назначением, не акцентируют внимание на том, направляется ли помощь по государственной линии или в обход официальных институтов.

В-третьих, было обнаружено лишь одно исследование, которое бы сопоставляло практику западных и незападных доноров в области митигации политических рисков для ПИИ посредством ОПР. Преимущественно авторы ограничиваются набором развитых стран – членов ОЭСР. Среди «традиционных» доноров исследователей интересует, в первую очередь, США. Из незападных стран учёных волнует пока лишь опыт Китая, который изучается обособленно, в том числе из-за отсутствия сопоставимых статистических данных.

В-четвёртых, по большей части, релевантные исследования не охватывают всех реципиентов. В большинстве случаев в фокусе авторов, оказывается Африканский континент (как в работах общего характера, так и в трудах, посвящённых КНР). При этом чаще всего при анализе роли ОПР в митигации политических рисков для ПИИ не проводится отдельно разграничения между «хрупкими» и стабильными государствами, более богатыми и более бедными странами и т.д.

Показательно, что почти все рассмотренные статьи имеют и «нормативную»/рекомендательную составляющую. Большая часть рекомендаций в статьях, подготовленных по инициативе западных учёных, вполне соответствуют неолиберальным канонам. В них может эксплицитно постулироваться или имплицитно обосновываться необходимость укрепления верховенства права (Asiedu, Jen, Nandwa 2009), демократизации (Fon, Alon 2022); обусловливания помощи осуществлением структурных реформ правительством страны-

реципиента в целях снижения политических рисков (Asiedu, Jen, Nandwa 2009) или требованиями по снижению коррупции (Bahoo et al. 2023). На этом фоне несколько «маргинально» смотрятся призывы к правительству коммерчески ориентированной Японии усилить акцент на использовании помощи в качестве инструмента борьбы с бедностью (Kimura, Todo 2010) или рекомендации США стать менее стратегически ориентированными, пересмотреть цели предоставления своей помощи и активизировать усилия по привлечению ПИИ в развивающиеся страны (Garriga, Phillips 2014: 298).

Практические выводы же китайских авторов по большей части «легитимируют» политику, которую проводят официальные власти КНР. С одной стороны, это касается как оправдания «эгоистического» («неальтруистического») подхода к использованию помощи в качестве инструмента защиты иностранных инвестиций (Jin, Zeng 2017). С другой – очевидных попыток оспорить получивший распространение ещё несколько лет назад в англоязычном дискурсе тезис о «разбойничьей» природе такой помощи ('rogue aid'), которая-де противоречит принципам, продвигаемым «клубом западных доноров» – КСР ОЭСР – в том числе принципам «надлежащего управления» ('good governance').

Другими словами, происходит определённая политизация фундаментальных исследований по заявленной проблематике. Есть все основания полагать, что их выводы всё чаще будут использоваться в спорах на фоне обостряющегося противостояния между США и их союзниками, с одной стороны, и КНР, РФ, Ираном и другими нелояльными Западу странами, с другой.

Наконец, в-пятых, на данный момент ни одно исследование не привлекало данных по ОПР или ПИИ за период после начала пандемии COVID-19, которая внесла заметные коррективы и в представления о политических рисках, и в распределение потоков международной помощи и иностранных инвестиций.

Важно и другое: многие авторы отобранных нами трудов понимали ограниченность некоторых своих выводов и необходимость дезагрегации сводных показателей. Речь шла, в частности, об учёте различий в видах помощи (Asiedu, Jin, Nandwa 2009; Kimura, Todo 2010; Garriga, Phillips 2014) и её целевой направленности (Fon, Alon 2022) и различий между реципиентами (Kimura, Todo 2010; Lu, Huang, Muchiri 2017), анализе опыта других доноров (Lu, Huang, Muchiri 2017), в т.ч. Индии (Fon, Alon 2022). Кроме того, отдельные авторы призывали и к изучению влияния помощи на политические риски для других типов внешнеэкономической деятельности, в том числе портфельных инвестиций и предоставления государственных кредитов на коммерческой основе (Asiedu, Jin, Nandwa 2009; Fon, Alon 2022). Однако предметные предложения по уточнению полученных результатов, которые давались, в том числе и в достаточно давно опубликованных и обширно цитируемых статьях, по сути, так и остались нереализованными.

Всё вышесказанное вполне однозначно указывает на наличие исследовательской ниши, которую необходимо заполнить, предприняв попытку преодолеть хотя бы часть из выявленных в обзоре ограничений. Внесение вклада в разработку данной проблематики, с одной стороны, будет соответствовать выявленному устойчивому тренду на расширение географии авторов, изучающих данную тему. С другой стороны, оно будет иметь не только собственно научное, но и важное прикладное значение и поможет улучшить понимание перспектив реализации ЦУР в существенно ухудшившихся за 2020-е гг. условиях. При этом в дальнейшей разработке темы необходимо обязательно учитывать сложность разграничения влияния, которое оказывают на факторы политического риска традиционные способы оказания помощи, и всё более активно используемые (как западными, так и незападными странами) инновационные инструменты финансирования развития, а также прочие финансовые потоки, не соответствующие критериям ОПР.

Об авторе:

Владимир Игоревич Бартенев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Email: vbartenev@hse.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №23-28-01060 «Влияние новых трендов в оказании содействия международному развитию на параметры политических рисков для внешнеэкономической деятельности»

UDC 327.81:339.9
Received: August 31, 2023
Accepted: October 2, 2023

Foreign Aid's Effect on Political Risks for Foreign Direct Investment: A Literature Review

V.I. Bartenev
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-5-92-155-188](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-155-188)

HSE University

Abstract: The last decade has seen an increasing focus on the involvement of the private sector in international sustainable development, particularly in high-risk jurisdictions. This involvement encompasses a broad spectrum, incorporating innovative private sector instruments—now acknowledged as ODA-eligible by the OECD—as well as traditional tools of external official support to developing countries, which remain the primary contributors to ODA flows. This literature review aims to consolidate the academic exploration of the enduring classic foreign aid tools' impact on the political risks associated with foreign direct investment (FDI), and identifies prevalent limitations while suggesting approaches to overcome these challenges.

The first section delineates the central theme and rationale behind the literature selection process, utilizing the Google Scholar database to contextualize the research within a comprehensive framework. The subsequent section categorizes and compares the most relevant studies based on formal criteria and methodological parameters. Sections three and four critically assess the scholarly contributions in conceptualizing the mitigating influence of foreign aid in general, focusing on its impact on specific political risks such as expropriation, terrorism, and corruption. The concluding section delves into studies that explore foreign aid and foreign direct investment flows from China, the largest non-Western donor.

A bibliometric analysis reveals a noteworthy disparity between research attention and policy-making focus on the subject matter. Notably, the selected papers fail to comprehensively cover the full spectrum of primary extra-legal and legal-governmental political risks for transnational businesses. Scholars' assessments of foreign aid's mitigating effect often lack differentiation between grants and loans or between flows directed to different sectors, as well as the distinction between aid routed through public institutions and bypassing them. Notably absent is a comprehensive analysis encompassing the complete range of 'established' Western and emerging non-Western aid providers, or an exploration of aid flows from non-OECD countries other than China. Most research focuses on Africa and fails to differentiate between recipients based on fragility, income levels, or other relevant categorizations. Moreover, the researchers have yet to delve into data post the COVID-19 outbreak, a critical period that significantly altered perceptions of political risk, foreign aid, and FDI flows. The literature review illuminates a research gap awaiting substantial exploration.

Keywords: foreign aid, political risks, foreign direct investment, bibliometrics, econometrics, terrorism, expropriation, corruption, conflict

About the author:

Vladimir I. Bartenev – Candidate of Historical Sciences (PhD in History), Leading Research Fellow, Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University 'Higher School of Economics', Russia, 20 Myasnitskaya, Moscow, 101000. E-mail: vbartenev@hse.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This research has been conducted with the financial support from the Russian Science Foundation, project No 23-28-01060 "Impact of New Trends in Provision of International Development Assistance on Parameters of Political Risks for External Economic Activity"

References:

- Asiedu E., Jin Y., Nandwa B. 2009. Does Foreign Aid Mitigate the Adverse Effect of Expropriation Risk on Foreign Direct Investment? *Journal of International Economics*. 78(2). P. 268–275. DOI: 10.1016/j.jinteco.2009.03.004
- Asiedu E., Villamil, A. P. 2002. Imperfect Enforcement, Foreign Investment, and Foreign Aid. *Macroeconomic Dynamics*. Cambridge University Press. 6(4). P. 476–495. DOI: 10.1017/S1365100501010070.4. 465100501010070
- Bahoo S. et al. 2023. Corruption, Formal Institutions, and Foreign Direct Investment: The Case of OECD Countries in Africa. *Thunderbird International Business Review*. 65(5). P. 461–483. DOI: 10.1002/tie.22361
- Bandyopadhyay S., Sandler T., and Younas J. 2014. Foreign Direct Investment, Aid, and Terrorism. *Oxford Economic Papers*. №1. P. 25–50. DOI: 10.1093/oep/gpt026
- Biglaiser G., Lee H., Staats L. 2016. The Effects of the IMF on Expropriation of Foreign Firms. *Review of International Organisations*. №11. P. 1–23. DOI: 10.1007/s11558-015-9226-8
- Blanton S.L., Machain C.M. 2022. US Military Aid, Political Risk Insurance, and Foreign Direct Investment: Overcoming Obstacles to US Foreign Policy. *Journal of Political & Military Sociology*. 49(1). P.87–119.
- Brautigam D. 2011. *The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa*. Oxford University Press.
- Donaubauer J., Herzer D., Nunnenkamp P. 2014. Does Aid for Education Attract Foreign Investors? *An Empirical Analysis for Latin America*. №26. P. 597–613. DOI: 10.1057/ejdr.2013.47
- Efobi U., Asongu S. Beecroft I. 2018. Aid, Terrorism, and Foreign Direct Investment: Empirical Insight Conditioned on Corruption Control. *International Economic Journal*. 32(4). P. 610–630. DOI: 10.1080/10168737.2018.1549089
- Fon R., Alon I. 2022. Governance, Foreign Aid, and Chinese Foreign Direct Investment. *Thunderbird International Business Review*. 64(2). P. 179–201. DOI: 10.1002/tie.22257
- Gamso J., Dimitrova A. 2023. Rewarding a Friend: Does the World Bank Direct Non-Commercial Risk Insurance to Countries that Support US Foreign Policy Interests? *New Political Economy*. DOI: 10.1080/13563467.2023.2230557
- Gamso J., Neslon R.C. 2019. Does Partnering with the World Bank Shield Investors from Political Risks in Less Developed Countries? *Journal of World Business*. 54(5). DOI: 10.1016/j.jwb.2019.100997
- Garriga A., Phillips, B. 2014. Foreign Aid as a Signal to Investors: Predicting FDI in Post-Conflict Countries. *The Journal of Conflict Resolution*. 58(2). P. 280–306. 10.1177/002200271246

Harm P., Lutz M. 2006. Aid, Governance and Private Foreign Investment: Some Puzzling Findings for the 1990s. *Economic Journal*. 116(513). P. 773–790. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2006.01111.x

Jensen N. et al. 2014. *Crisis and Contract Breach: The Domestic And International Determinants of Expropriation*. Working Paper. URL: <https://www.natemjensen.com/wp-content/uploads/2014/09/Crisis-Expro-Nov11.pdf> (accessed: 25.10.2023).

Jensen N. et al. 2020. Crisis and Contract Breach: The Domestic and International Determinants of Expropriation. *Review of International Organisations*. №15. P. 869–898. DOI: 10.1007/s11558-019-09363-z

Jensen N., Behmer T. 2018. *Home Country Attributes and Elite Evaluations of Political Risk Abroad*. Unpublished Manuscript. April 14. URL: <https://www.natemjensen.com/wp-content/uploads/2018/04/Jensen-Behmer-Home-Country-Attributes-Working-Paper-Version.pdf> (accessed 25.10.2023)

Jin Y., Zeng Z. 2017. Expropriation and Foreign Direct Investment in a Positive Economic Theory of Foreign Aid. *Economic Theory*. 64(1). P. 139–160. DOI: 10.1007/s00199-016-0973-4

Jodice D.A. 1980. Sources of Change in Third World Regimes for Foreign Direct Investment, 1968–1976. *International Organization*. 34(2). P. 177–206. DOI: 10.1017/S0020818300018737

Kimura H., Todo Y. 2007. Is Foreign Aid a Vanguard of FDI? A Gravity-Equation Approach. *RIETI Discussion Paper Series*. 07-E-007. URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/07e007.pdf> (accessed 25.10.2023)

Kimura H., Todo Y. 2010. Is Foreign Aid a Vanguard of Foreign Direct Investment? A Gravity-Equation Approach. *World Development*. 18(4). P. 482–497. DOI: 10.1016/j.worlddev.2009.10.005

Lee C. 2017. Terrorism, Counterterrorism Aid, and Foreign Direct Investment. *Foreign Policy Analysis*. №1. P. 168–187. DOI:10.1111/fpa.12087

Li J. et al. 2013. The Two-Tier Bargaining Model Revisited: Theory and Evidence from China's Natural Resource Investments in Africa. *Global Strategy Journal*. 3(4). P. 300–321. DOI: 10.1111/j.2042-5805.2013.01062.x

Lu J., Huang X., Muchiri M. 2017. Political Risk and Chinese Outward Foreign Direct Investment to Africa: The Role of Foreign Aid. *Africa Journal of Management*. 3(1). P. 82–98. DOI: 10.1080/23322373.2016.1275941.

Lu J., Li W., Wu A. 2018. Political Hazards and Entry Modes of Chinese Investments in Africa. *Asia Pacific Journal of Management*. №35. P. 39–61. DOI: 10.1007/s10490-01-9514-3

Mishra Sh., Fedorenko E. 2019. The Relationship of Foreign Aid and Foreign Direct Investment in Nepal. *Vestnik Mirbis*. 1(17). P. 79–84.

O'Neill D. 2010. Risky Business: The Political Economy of China's Outward Foreign Direct Investment. *Arts & Sciences Electronic Theses and Dissertations*. DOI: 10.7936/K7X34VQX.

O'Neill D. 2011. Risky Business: China's Foreign Direct Investment and Aid to Developing States. *APSA 2011 Annual Meeting Paper*.

O'Neill D. 2014. Risky Business: The Political Economy of Chinese Investment in Kazakhstan. *Journal of Eurasian Studies*. 5(2). P. 145–156. DOI: 10.1016/j.euras.2014.05.007

Peinhardt C., Allee T. 2016. Political Risk Insurance as Dispute Resolution. *Journal of International Dispute Settlement*. 7(1). P. 205–224. DOI: 10.1093/jnlids/idv034

Perry M.B. 1996. A Model for Efficient Foreign Aid: The Case for the Political Risk Insurance Activities of the Overseas Private Investment Corporation. *Virginia Journal of International Law*. №36. P. 511–588.

Ramamurti R. 2001. The Obsolescing Bargaining Model? MNC-Host Developing Country Relations Revisited. *Journal of International Business Studies*. 32(1). P. 23–39. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8490936

Selaya P., Sunesen E. 2012. Does Foreign Aid Increase Foreign Direct Investment? *World Development*. 40(11). P. 2155–2176. DOI: 10.1016/j.worlddev.2012.06.001

Van der Veen A. M. 2011. *Ideas, Interests and Foreign Aid*. Cambridge University Press. 312 p.

Wang H. et al. 2022. Does Foreign Aid Reduce the Country's Risk of OFDI? The Chinese Experience. *International Studies of Economics*. 18(2). P. 238–258. DOI: 10.1002/ise3.20

Bartenev V.I. 2023. Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu i politicheskie riski dlya vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti: logika sopryazheniya tem [International Development Cooperation and Political Risks for Transnational Business: Linking Research Topics]. *Lomonosov World Politics Journal*. 15(1). P. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163 (In Russian)

Braterskii M.V. 2010. *Ekonomicheskie instrumenty vneshnei politiki i politicheskie riski* [Economic Instruments of Foreign Policy and Political Risks]. Moscow: HSE Publishing House. 230 p. (In Russian)

Degtarev D.A. 2012. Sodeistvie mezhdunarodnomurazvitiyu kak instrument prodvizheniya vneshnepoliticheskikh i vneshneekonomicheskikh interesov [Game-Theoretic Analysis of International Development Assistance Regimes]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(23). P. 47–58. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-2-23-47-58 (In Russian)

Maksimova A.V. 2015. Chto tsenim, to i otsenivaem: otsenka rezul'tativnosti sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu [Measure What Is Treasured: Evaluating the Effectiveness of Development Assistance]. *International Organisations Research Journal*. 10(1). P. 56–79. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-01-44 (In Russian)

Silkin V.V. 2011. Politicheskie riski i pryamye inostrannye investitsii: mezhdunarodnoe strakhovanie (Chast' 2) [International Insurance of Foreign Direct Investment Against Political Risks]. *Bulletin of the Federal State Institution "State Registration Chamber under the Ministry of Justice of the Russian Federation"*. 4. P. 46–54. (In Russian)

Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnei politiki: zarubezhnyi opyt. 2018. [International Development Assistance as Foreign Policy Tool: Foreign Experience. Ed. by V. Baranovsky, Yu. Kvashnin, N. Toganova. Moscow: IMEMO. DOI: 10.20542/978-5-9535-0548-2 (In Russian)]

Список литературы на русском языке:

Бартнев В.И. 2023. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 15(1). С. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163.

Братерский М.В. 2010. *Экономические инструменты внешней политики и политические риски*. Москва: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики. 230 с.

Дегтерев Д.А. 2012. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(23). С. 47–58. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-2-23-47-58

Максимова А.В. 2015. Что ценим, то и оцениваем: оценка результативности содействия международному развитию. *Вестник международных организаций*. 10(1). С. 56–79. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-01-44

Силкин В.В. 2011. Политические риски и прямые иностранные инвестиции: международное страхование (Часть 2). *Вестник федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации»*. №4. С. 46–54.

Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт. 2018. Под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В. Тогановой. Москва: ИМЭМО РАН. DOI: 10.20542/978-5-9535-0548-2

Влияние сионизма на хиндутву

Д.А. Марьясис

Институт востоковедения РАН

Рецензия на книгу: Essa A. 2023. *Hostile Homelands: The New Alliance Between Israel and India*. London. Pluto Press.

Ключевые слова: Израиль, Индия, сионизм, хиндутва, Кашмир, Палестина, лоббизм, военно-техническое сотрудничество.

В июле 2022 г. Израиль, Индия, ОАЭ и США объявили о создании нового межрегионального альянса I2U2¹, целью которого является кооперация в ряде сфер, имеющих отношение к вопросам социально-экономического развития². Появление такого формата выводит Израиль и Индию на новый уровень взаимодействия. Это обстоятельство придаёт особую актуальность монографиям об отношениях с Израилем и Индией. Среди монографий, вышедших в 2023 г., примечательна книга Азада Эссы «Hostile Homelands: The New Alliance Between Israel and India»³.

Следует сделать важную оговорку. Автор рецензии – специалист по современному Израилю. Поэтому общая оценка монографии находится в данном случае в зависимости от оценки части, посвящённой сионизму и Израилю.

¹ I2U2 – India, Israel, the United Arab Emirates, and the United States.

² См. об этом, в частности: Alhasan H., Solanki V. The I2U2 minilateral group. *The International Institute for Strategic Studies (IISS)*. November 2022 URL: <https://www.iiiss.org/online-analysis/online-analysis/2022/11/the-minilateral-i2u2-group> (accessed 28.10.2023)

³ Ввиду того, что автор данной статьи обладает электронным изданием рецензируемой монографии, в работе не будут указываться точные страницы, так как они могут оказаться нерелевантными, а будет приводиться либо точное указание расположения обсуждаемой части текста и/или указываться номер ссылки, которая располагается ближе всего и имеет отношение к данной части.

Pluto Press – довольно специфическое издательство. Основанное в 1969 г. в Лондоне, оно специализируется на издании книг радикального содержания и левого толка. При этом, среди авторов есть такие известные учёные как Ноам Хомский. Сам факт публикации рецензируемой книги в таком издательстве говорит о том, что она несколько выбивается из мейнстримных работ по ближневосточной проблематике.

Азад Эсса американский журналист-международник родом из ЮАР, работает в аналитическом издании *Middle East Eye*. Рецензируемая книга является его четвёртой публикацией подобного рода. Эсса, помимо прочего, специализируется на вопросах исламофобии, что проявляется в рассматриваемой монографии: он анализирует ситуацию именно под таким углом.

Представляется, что название книги – *Hostile Homelands: The New Alliance Between Israel and India* – не совсем соответствует её содержанию. Монография посвящена трём основным темам: истории и специфике двусторонних отношений между Израилем и Индией, анализу влияния идеологии и практики сионизма и произраильского лоббизма в США на соответствующие аспекты индийской политики и общественной жизни, проблематике взаимоотношений правящих классов двух стран с исламским населением Палестины (в случае Израиля) и Кашмира (в случае Индии). Индийский кейс явно занимает автора гораздо больше, чем израильский. Именно индийскую проблематику поставил Эсса в центр своей работы.

Монография явно претендует если не на научность, то как минимум на экспертность. В книге используется множество различных источников – монографии индийских, израильских и других авторов; академические статьи; интервью; официальные документы международных организаций; аналитические отчёты; материалы прессы. В целом, следует отметить, что Эсса аккуратно пользуется научным аппаратом. При этом, стремясь усилить эффект, он позволяет себе довольно серьёзные утверждения, подтверждая их сомнительными источниками. Так, рассматривая специфику работы американской Антидиффамационной лиги (ADL)⁴, он утверждает, что она активно работает с ФБР по отслеживанию и саботированию деятельности чернокожих и арабских активистов. Ссылается автор при этом на сайт⁵, посвящённый противодействию этой самой лиге, что вряд ли в данном случае может быть заслуживающим доверия источником информации.

Книга состоит из введения (написанного палестинской журналисткой Линой Альсаафин), пяти глав, заключения и разбитых по главам примечаний, представляющих собой, по сути, список источников и литературы.

⁴ Глава 4

⁵ <https://droptheadl.org/>

Первая глава монографии «История двух разделений» посвящена проблематике трансформации двух территорий, находившихся до этого под управлением Британской империи, в самостоятельные государства. Особое внимание Эсса обращает на взаимоотношения по этому поводу как между лидерами будущей Индии и будущего Израиля, так и между индуистами и мусульманами в первом случае; и еврейской общиной и арабами – во втором.

Рассмотрение данных вопросов позволяет автору обратить внимание на отношение Ганди и Неру к позициям сионистов и палестинских арабов. Эсса кратко описывает события отделения части с исламским населением от Индии и образования независимого Пакистана. В своей работе он анализирует, почему Индия изначально не стремилась к установлению открытых и систематических связей с Израилем, а именно из-за палестинской проблематики. Также он обозначает позицию индийских лидеров, которые, будучи сторонниками движения неприсоединения, настаивали на явной поддержке прав палестинцев. Интересно, что, несмотря на эту позицию, Неру и его сторонники не только изучали опыт израильских коллективных сельскохозяйственных поселений (киббуцов), но и, согласно Эссе (см. раздел «Israeli Arms Trade and India: A Secret History»), запрашивали и получали вооружения из Израиля, даже когда другие страны не оказывали такую поддержку Индии. Израиль таким образом пытался приблизить Индию к себе, что на политическом уровне не удавалось осуществить до конца 1980-х гг.

Вторая глава книги посвящена анализу военно-технического сотрудничества (ВТС) между Израилем и Индией⁶. Эсса включает описание развития индийско-израильского сотрудничества в более широкий контекст, отмечая политические изменения как в мире в целом, так и в индийской политике, а также ситуацию непосредственно в Кашмире. Особый интерес представляет анализ влияния лидеров обеих стран, занимающих ключевые посты, на развитие ВТС между странами. Автор в целом достаточно убедительно показывает, что более национально-ориентированные лидеры (Б. Нетаньяху и Н. Моди) способствовали принципиальному сближению Израиля и Индии и выходу их ВТС на качественно новый уровень.

В этой главе, а также в последней главе книги, автор высказывает крайне негативное отношение как к соглашениям в Осло в целом, так и к формированию Палестинской национальной администрации (ПНА) в частности⁷. Он видит в этом некое условно цивилизованное прикрытие дальнейшему продолжению оккупации Израилем палестинских земель.

⁶ Анализ двустороннего ВТС см. подробнее (Марьясис, Федорченко 2023)

⁷ См. об этом в разделе «The World's Most Militarized Zone» второй главы.

Третья глава монографии, как вытекает из её названия – «Хиндутва и сионизм: история родства», – должна показать развитие родственных друг другу национальных идеологий. На самом же деле автор подробно рассматривает становление хиндутвы, взаимоотношение этой идеологии с итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом. Про становление сионизма написано существенно меньше. Эта часть главы построена в основном на сравнении сионизма в авторской – как кажется, довольно однобокой – трактовке с индийским национальным движением. Динамика развития взаимоотношений представителей сионистских организаций с руководством Индийского национального конгресса (ИНК) тоже нашла своё отражение в главе. При этом Эссе действительно удаётся показать достаточно высокую степень схожести двух этих идеологий. Им подмечен интересный парадокс – положительно в целом относившиеся к европейскому фашизму сторонники хиндутвы вместе с тем с сочувствием относились к судьбе европейских евреев, части из которых удалось бежать в находившуюся тогда под управлением Британии Палестину.

Не совсем понятно, однако, почему Эсса последние два раздела третьей главы посвятил непосредственно индийским событиям, а именно убийству Махатмы Ганди и специфике правления Индиры Ганди, показывая процесс укрепления политической силы сторонников хиндутвы, оставив в стороне похожий процесс, происходивший в Израиле – а именно усиление позиций сторонников правого, национально ориентированного лагеря, политическим выразителем интересов которого является партия «Ликуд».

Интересной представляется четвёртая глава монографии, в которой автор рассматривает как Индия переняла опыт израильских лоббистских групп в США. Поначалу представители Индии напрямую пользовались услугами израильских лоббистов, потом стали формировать свою инфраструктуру влияния, иногда почти полностью копируя её с израильской.

Эсса подробно рассказывает, как пришедшее к власти в Индии во втором десятилетии XXI в. правительство сторонников хиндутвы во главе с Н. Моди стало шаг за шагом формировать в США общественные организации, продвигающие идеи этой идеологии и соответствующие политические решения, используя сильно возросшую к этому времени индийскую диаспору. На это реагировали представители исламского населения Индии, а также представители низших каст, на которых хиндутва не рассчитана. В книге показано, как к моменту её появления на свет Моди и другие представители хиндутвы активно используют созданную в США лоббистскую инфраструктуру для продвижения своей повестки.

Последняя глава, которая называется «Кашмир и Палестина: история двух оккупаций», на самом деле в основном посвящена рассмотрению ситуации вокруг Кашмира. Непосредственно палестинской проблеме посвящено всего несколько страниц текста. Хотя при анализе оккупации Кашмира Эсса периодически делает отсылки к этой теме, проводит соответствующие сравнения. Важно,

что, согласно авторскому видению, современная политика индийского правительства в Кашмире практически напрямую использует израильскую модель взаимодействия с Палестиной. Заканчивается глава тем, что Эсса возвращается к проблеме израильских вооружений не только в Индии, но и вообще в мире, показывая, что оно используется для усиления дискриминации социально более слабых групп разными правительствами в разных странах мира. Отдельно, не совсем понятно, почему, выделяется сюжет про известную израильскую компанию Elbit, занимающуюся производством и экспортом различных вооружений, и достигшую в этом существенных успехов, как, впрочем, и израильский оборонно-промышленный комплекс в целом.

Основное замечание ко всему тексту, заключается в том, что Эсса, стремясь доказать свою позицию, не уделяет должного внимания противоречащим ей фактам, избегает их упоминания вообще или не предлагает должного объяснения. Это общее замечание касается как минимум сионистско-израильской части книги, но можно сделать вывод, что это общая проблема автора, и в индийской части работы эксперты увидят ту же проблему.

В первой главе Эсса говорит про изгнание палестинских арабов во время первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Он называет это событие принятым в арабском мире термином «накба» («катастрофа»)⁸. Автор, конечно, имеет право выражать своё отношение к случившемуся. Проблема, однако в том, что Эсса вообще не упоминает самого факта войны, тем более нет у него и сообщения о том, что именно арабские армии её начали, хотя это общепризнанный факт. Таким образом, у автора книги получается, что израильские евреи просто изгнали огромные массы арабского населения, что является принципиальным искажением картины произошедшего тогда.

При рассмотрении израильско-индийского ВТС Эсса не обходит своим вниманием нашумевшую на весь мир историю про израильскую компанию NSO и её разработку Pegasus, созданную для осуществления слежения за людьми через их электронные гаджеты⁹. Оказалось, что индийские власти во главе с Н. Моди с 2017 г. её активно использовали. Когда это стало достоянием общественности, реакция, как и следовало ожидать, была крайне негативная. Но Эсса упрекает индийцев в том, что они, критикуя своё правительство за использование этой программы, не обращали свою критику на Израиль. Этот упрек представляется странным ввиду того, что многие страны разрабатывали и разрабатывают шпионские программы (тем более NSO – частная компания) и продают их. В данном случае, как кажется, это проблема не продавца, а покупателя. Ситуация была бы другой, если бы Израиль тайно установил эту разработку на индийские теле-

⁸ См. параграф рядом с ссылкой №31 в первой главе.

⁹ См. главу 2, материал рядом с ссылкой №132 и далее до конца главы.

фоны сам, используя информацию в своих целях. Тогда бы пафос Эссы был абсолютно оправданным. Удивляет также, что в данном случае Эсса использует абсолютно журналистский приём, говоря, что NSO не отделима от государства, она и есть государство. Такие приёмы не украшают книгу.

В начале раздела «Индуистский национализм и сионизм» третьей главы Эсса справедливо указывает, что с активизацией сионистской деятельности в Палестине всё больше арабов были вынуждены покидать свои дома, уходить с обрабатываемых ими полей. Однако он ни словом не обмолвился о том, что в описываемые им годы евреи приобретали земли у арабских крупных землевладельцев¹⁰. То есть евреи абсолютно официально становились новыми владельцами земель и имели право распоряжаться ими по своему усмотрению, что, безусловно, не отменяет тяжести ситуации для арабских крестьян, оказавшихся в такой ситуации.

В разделе «Дело Гузофского-Вясмаана» Эсса описывает случай тесного сотрудничества ультранационалистически настроенных евреев с соответствующими индуистскими группами в США. Там фигурирует организация «Ках». Эта ультраправая партия с 1994 г. официально запрещена в Израиле. До 2000 г. существовало движение «Кахана Хай», но и оно к 2001 г. – когда происходили описываемые в книге события – перестало существовать. Представляется важным об этом написать, когда речь идёт о крайних национальных движениях. Справедливости ради следует отметить, что сторонники этой идеологии продолжают работать и в США, и в Израиле (например, член текущего к моменту написания данной статьи правительства Израиля И. Бен-Гвир). Вместе с тем Эсса преувеличивает значение движения «Ках» для израильской идеологической палитры. Оно абсолютно маргинально, а из текста книги может создаться впечатление, что для сионизма это мейнстрим¹¹.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание в этой части работы, касается упоминания автором израильского примера, ассоциирующего выселение жителей Кашмира со схожим процессом, происходящим с бедуинами Негева¹². По мнению автора, бедуины выселяются с территории их кочевья для выделения места под еврейские поселения. Однако в действительности ситуация иная. Правительство Израиля нацелено на переселение бедуинов в города. Например, в стране существует бедуинский город Рахат с населением более шестидесяти тысяч человек, который является вторым по величине арабским городом после Назарета. Однако, не все бедуины одобряют такую политику. Таким обра-

¹⁰ См. об этом подробно: (Metzer 1998: 84–137)

¹¹ См. об этом, в частности: <https://en.idi.org.il/israeli-elections-and-parties/parties/kach/>

¹² Материал рядом с ссылкой №88 пятой главы.

зом, действительное положение дел не полностью соответствует приведённому в книге примеру (хотя доля земли в данной области страны действительно выделяется под нужды израильской армии)¹³.

* * *

Рецензируемая монография представляет свежий взгляд на историю израильско-индийских отношений, предлагая свою уникальную интерпретацию событий. Её прочтение без сомнения расширяет понимание рассматриваемой проблематики. Вместе с тем важно отметить, что работа выполнена с определённой степенью небрежности. Несмотря на то, что структура монографии кажется вполне ясной, не все её составляющие элементы имеют строгое обоснование или напрямую связаны с заявленной темой. Рассматриваемая монография является скорее результатом труда журналиста, нежели учёного. Однако, это не уменьшает её значимости.

Учитывая высказанные замечания, прочтение данной работы способствует расширению знаний о прошлом, современном состоянии и возможных перспективах развития израильско-индийских отношений.

Об авторе:

Дмитрий Александрович Марьясис – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН. Россия, Москва, ул. Рождественка, 12/1 (строение 1). E-mail: dmaryasis@ivran.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Благодарности:

Рецензия подготовлена при поддержке грантового проекта ИМИ №2025-04-02: История, современное состояние и перспективы развития взаимоотношений Израиля и неисламских стран Азии.

UDC 323.1:327.8(540:569.4)
Received: July 17, 2023
Accepted: September 28, 2023

Zionism Influencing Hindutva

D.A. Maryasis
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-5-92-189-196](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-189-196)

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Book review: Essa A. 2023. *Hostile Homelands: The New Alliance Between Israel and India*. London. Pluto Press.

Keywords: Israel, India, Zionism, Hindutva, Kashmir, Palestine, lobbying, military-technical cooperation

About the author:

Dmitry A. Maryasis – Candidate of Economic Sciences, a leading researcher at the Department of Israel and Jewish Communities of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow, Rozhdestvenka str., 12/1 (building 1).
E-mail: dmaryasis@ivran.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The review was prepared with the support of the IIS grant project No. 2025-04-02: History, current state and prospects for the development of relations between Israel and non-Islamic Asian countries.

References:

Metzer J. 1998. *The Divided Economy of Mandatory Palestine*. Cambridge University Press.

Maryasis D.A., Fedorchenko A.V. 2023. Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo mezhdru Izrailem i Indiej: perspektivy formirovaniya strategicheskogo partnyorstva [Military-Technical Cooperation between Israel and India: Prospects for The Formation of A Strategic Partnership]. *International Trade and Trade Policy*. 9(2). P. 38-51. DOI: 10.21686/2410-7395-2023-2-38-51 (In Russian)

Список литературы на русском языке

Марьясис Д.А., Федорченко А.В. 2023. Военно-техническое сотрудничество между Израилем и Индией: перспективы формирования стратегического партнёрства. *Международная торговля и торговая политика*. 9(2). С. 38–51. DOI: 10.21686/2410-7395-2023-2-38-51